

Международный научный журнал

Культурно-историческая психология
Cultural-Historical Psychology

№ 1 — 2013

Московский городской психолого-педагогический университет

Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций

Р.С. Титов

аспирант факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
стажер-исследователь лаборатории позитивной психологии и качества жизни
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В статье рассматривается созданная Гордоном Олпортом концепция религиозных ориентаций — внутренней и внешней религиозности, т. е. отношений к религии как цели или средству, «ортогональных» содержанию веры. Эта концепция положила начало современной психологии религии и определяла ее развитие на протяжении десятилетий. Основная ее проблема — почему на религиозности могут основываться как самые положительные, так и самые отрицательные явления. История концепции прослеживается от идей Олпорта и ранних исследований через основные результаты и нововведения к поздним переосмыслениям и критике. В обзоре показывается ход мысли Г. Олпорта; схожесть поздней критики с ранней, незаслуженно забытой; неоднозначность дополнения Д. Бэтсона; выявляются примеры использования концепции в современной психологии и оставшиеся проблемы. Проблема, волновавшая Олпорта, актуальна и в наши дни. Критики его концепции призывали найти его догадке четкое теоретическое основание. В конце статьи приводится попытка сторонников современной мотивационной теории принять эстафету и продолжить исследования на новом уровне.

Ключевые слова: религиозность, психологическое благополучие, религиозные ориентации, внешняя и внутренняя религиозность, религия как поиск.

Введение

Религиозность как психологическое явление давно привлекла внимание исследователей. Но тема религии в психологии разработана меньше, чем можно было бы предположить. Из-за своей нерелигиозности большинство ученых могут считать религию чем-то маргинальным и неважным для объяснения личности [38], хотя на самом деле она способна сильно влиять — как положительно, так и отрицательно. Религиозность можно исследовать как психологическое явление с разнящимся местом в структуре мотивации личности.

Это не новая мысль в психологии — например, Э. Фромм [5] считал, что религии суть символические системы, которые наполняются разным содержанием. За религиозностью могут стоять разные потребности и черты — какой человек, такая у него и вера (Д.А. Леонтьев [3]).

Распространен функциональный подход к религиозности [79], т. е. рассмотрение не конкретных верований и практик, а психологических и социальных функций религии. Такой подход обосновывал еще У. Джеймс [2].

Данная статья посвящена яркому примеру функционального подхода — религиозным ориентациям,

т. е. отношениям к вере в противопоставлении ее содержанию [75]. С 1960-х гг. продолжается изучение двух из них — внешней и внутренней религиозности. Эти понятия, введенные Г. Олпортом, стали точкой отсчета современной психологии религии.

Концепция Г. Олпорта и ее предпосылки

С одной стороны, концепции Г. Олпорта предшествовали попытки теоретического и эмпирического изучения религиозности «как таковой». Разногласия по поводу ее сути и пользы или вреда мы находим как в рамках одного подхода (З. Фрейд и К.Г. Юнг), так и у одного автора на протяжении творческого пути (А. Эллис [59]).

Эмпирические исследования продолжают до сих пор, был получен ряд значимых результатов (обширный источник — [10]). Но данные часто противоречивы.

С другой стороны, существовали дихотомические типологии: внешний и внутренний аспекты религии У. Джеймса [2], мистическая и законническая религия А. Маслоу [55], авторитарный и гуманистический векторы религии Э. Фромма [5]. Все они имеют некое сходство — оценочный характер, противопос-

тавление внешнего и внутреннего, возможность существования обоих типов. На наш взгляд, они подготовили почву для типологии Олпорта.

Психолога личности Г. Олпорта заинтересовал онтогенез религиозного чувства и проблема «подлинной» религиозности [41]. Его мысль прошла следующие этапы.

Намек на развитие религиозности некоторые авторы [55] усматривают уже в книге Олпорта 1937 г. «Личность: психологическая интерпретация», конкретно — в понятии функциональной автономии мотивов, т. е. их «отрыва» от своих корней и приобретении самостоятельной побудительной силы.

В 1950 году в книге с характерным названием «Индивид и его религия» [7] описываются стадии религиозного чувства.

Зрелая религиозность отличается от незрелой отходом от эгоцентризма, что, по Олпорту, происходит только под давлением, и поэтому в области религии эгоцентризм легко может присутствовать всю жизнь.

Зрелая религиозность дифференцирована, незрелая же проста, некритична, нерелексивна. Зрелая религиозность — целостная, всеобъемлющая и структурированная жизненная философия личности, интегрирующая как когницию (картина мира), так и мотивацию (моральное приложение, иерархизация мотивов), она дает цель в жизни и систему ценностей [7, с. 57]. Для Олпорта важно, что в ней есть гармония критичности и твердости убеждений — подлинно критичный человек, отвергнув какую-либо точку зрения, находит более подходящую и держится ее. Религиозная вера — это риск, но риск неизбежный, как и вера в мораль, политику, любовь [7, с. 72]... «Скептицизм в теории вполне совместим с абсолютизмом на практике» [там же].

Конечно же, зрелая религиозность должна быть функционально автономна, иметь собственную мотивационную «энергию».

Этот, во многом личный и ценностно нагруженный (хотя и подтвержденный исследователями [6; 10]), взгляд на «правильную» религиозность Олпорт далее развил в связи со своим обращением к теме предрассудков (prejudice). Религия особым образом связана с предрассудками — известен парадоксальный факт, что с религией связаны как наибольшие любовь и милосердие, так и наибольшие предубеждения, нетерпимость, авторитарность.

Зрелая и незрелая религиозность, вобрав, как признавал Олпорт, влияния из нескольких источников, трансформировались сначала в институциональную и интернализированную (в книге «Природа предрассудков», 1954), а потом во внешнюю и внутреннюю (в лекции и статье «Религия и предрассудки», 1959 [4]). За переводом последней пары терминов скрываются более четкие понятия *extrinsic/intrinsic*, взятые из аксиологии. Внешняя и внутренняя религиозность разграничиваются на основании места религии в структуре мотивации лично-

сти. Одни люди используют религию, другие ею живут. Для одних это цель, для других средство. Именно внешняя религиозность связана с предрассудками.

В статье 1959 г. Олпорт сделал попытку вывести типы религиозности из особенностей детского опыта, который ведет к «чувству тревоги, неполноценности, подозрительности и недоверия» или «базового доверия и безопасности». В предисловии к переизданной в 1960 г. статье «Религия и предрассудки» были сформулированы четкие определения двух типов религиозности; если ранее акцент был поставлен на внешней религиозности как явлении, связанном с предрассудками (а внутренняя религиозность — неясно определенная противоположность), то теперь они предстают как два равноправных полюса некоего континуума.

В статье 1966 г. «Религиозный контекст предрассудков» [8] Олпорт добавил к «парадоксу религиозности» и тот эмпирический факт, что выраженность предрассудков криволинейно связана с частотой посещения церкви (при более частом посещении сначала растет, потом падает). На основании этого он заключил, что внешняя и внутренняя религиозность по-разному связаны не только с предрассудками, но и с частотой посещения церкви — внешне религиозные люди ходят в церковь реже. Это не мешает им номинально принадлежать к своей конфессии и, например, получать утешение в трудные минуты (зайти поставить свечку).

Не все внешне религиозные люди маргинальны в церкви: «Есть и внешне, и внутренне религиозные фанатики». Но лишь внутренняя религиозность «не ограничена отдельными сегментами эгоистического интереса» [8, с. 455].

Прочитываем итоговые описания из классической — и последней — статьи на эту тему «Личная религиозная ориентация и предрассудки» [9, с. 434]:

«Люди с [внешней] ориентацией склонны использовать религию для своих целей. Они могут считать религию полезной по разным причинам — как источник уверенности и утешения, общения и развлечения, статуса и самооправдания. Свою веру они принимают не особо всерьез или же выборочно кроют под себя и более важные свои интересы».

«У людей с [внутренней] ориентацией религия — основной мотив. Другие потребности, хотя бы и сильные, они считают в конечном счете менее важными и пытаются приводить их к согласию с религиозными убеждениями и предписаниями. Свою веру они пытаются усвоить (*internalize*) и полностью ей следовать. Именно в этом смысле они “живут” религией».

Внутренняя религиозность «наполняет всю жизнь мотивацией и смыслом. Она уже не ограничена отдельными сегментами эгоистического интереса».

Таким образом, на основе своих, зачастую глубоко личных, взглядов на религиозность, ее развитие и связь со склонностью к предрассудкам Олпорт сформулировал богатое теоретическое основание, операциональные определения и гипотезы. Дело оставалось за эмпирической проверкой.

Первые эмпирические применения и критика теории

Первую попытку составить опросник на основе концепции Олпорта предпринял Вилсон (Wilson, 1960). Он использовал более ранний «односторонний» подход и рассмотрел только внешнюю религиозную ориентацию как ту, которая связана с предубеждениями. Его шкала отражала зависимость от внешней церковной структуры и утилитарный подход к религии. На небольших религиозных выборках шкала показала хорошую надежность и сильную связь с антисемитизмом. Эта связь оказалась сильнее, чем у шкалы религиозного конвенционализма, которая основана на идеях, развитых в «Авторитарной личности», что показывает связь с предубеждениями не столько сильной религиозности, сколько особого рода мотивации.

Нам известно одно исследование, использовавшее ту же шкалу. Дж. Тисдейл [73] обнаружил ее связь с несколькими потребностями, выявляемыми ТАТ.

Слабость этих исследований — отсутствие меры внутренней религиозности и более широкого спектра коррелятов.

Л. Браун [21] попытался исследовать внешнюю и внутреннюю религиозность на материале неоконченных предложений, «вписать» ответы в эту классификацию ему не удалось.

Далее, уже имея четкие определения внешней и внутренней религиозности, исследовательская группа Олпорта в Гарвардском университете разработала пункты, отражающие оба этих конструкта, по большей части на основе очевидной валидности. Напомним, предполагалось, что эти пункты лишь лучше отразят оба полюса континуума, а не составят две шкалы.

Дж. Фигин [29] первым использовал эту шкалу и столкнулся с тем, что ее надежность низка. Факторный анализ показал, что внешнюю (Е) и внутреннюю (I) религиозность необходимо считать разными шкалами. Автору удалось доказать, что внешняя религиозность связана с предубеждениями, но не с ортодоксальностью.

Несмотря на наличие этих опубликованных статей, точкой отсчета для дальнейших исследований стала чуть более поздняя статья самого Г. Олпорта и Дж. Росса [9]. Они использовали несколько иной опросник из 20 пунктов и подтвердили, что в нем две практически ортогональные шкалы I и E (чем консервативнее выборка, тем корреляция отрицательней [28]).

Г. Олпорт и Дж. Росс использовали несколько опросников, затрагивающих предубеждения против негров, евреев, душевнобольных, общую жизненную «философию джунглей». Опросники не прямые, последний — обобщенный. Подтвердилась связь E с предубеждениями.

Но поводом для обсуждения стала, скорее, низкая корреляция шкал. Ведь это означает, что некоторые люди и внешне, и внутренне религиозны (они «нарушают всю стройную логику»).

Эмпирически это явление изучили, разделив испытуемых на четыре группы по выраженности внутренней и внешней религиозности. В странной группе «недифференцированно религиозных» оказались самые предубежденные испытуемые!

Предположительно, таким людям свойственна излишняя широта категорий, чем объясняется и их наибольшая приверженность предрассудкам. «Все, что относится к религии, — это хорошо», «все негры — плохие» — и то, и другое есть недифференцированный подход.

Несмотря на интерес, данная тема получила гораздо меньшее развитие, чем шкалы I и E по отдельности.

В течение десятилетия появилось несколько серьезных критических статей. Так, Р. Худ [40] в 1971 г. методически и эмпирически сравнил опросники Дж. Фигина [29] и Г. Олпорта [9] и показал, что шкалы первого как минимум не уступают в качестве. Скорее, они даже лучше, поскольку у Г. Олпорта есть несколько нелогичных решений. Священник и психолог Дж. Диттес [25] также писал, что подход Дж. Фигина психометрически адекватнее.

Тем не менее далее применялся и развивался именно подход Олпорта. Позже Р. Худ писал, что «поразительная популярность» Олпорта связана, скорее, с его репутацией, чем с качеством его концепции и методики. Тот же Дж. Диттес [26] говорил, что Олпорта волновала не чистота понятий, а чистота веры.

В том же (1971) году, Р. Хант и М. Кинг [46] заключили, что понятия Олпорта теоретически и эмпирически полезны, но, во-первых, следует их разделить на более конкретные и четкие понятия, во-вторых, I и E могут быть проявлениями общих личностных черт.

Д. Ходж [39] воплотил первую часть их предложений — выделил конкретный непротиворечивый аспект I и создал валидизированную шкалу. Он же намекнул на наличие разных типов. Е.Р. Кахоу [50] подтвердил, что I и E — части более общих личностных переменных, они связаны с внутренней и внешней мотивацией к учебе. Это может считаться оправданием ценностных суждений Олпорта — ведь нормально считать, что внутренняя мотивация к учебе лучше внешней.

Б. Стрикленд и С. Уэдделл [72] зашли с другой стороны и показали профессиональную нагруженность опросника и результатов исследований. Да, среди южных баптистов (крупнейшая в США протестантская деноминация) I и предубеждения связаны отрицательно. Но у такой нетрадиционной и «либеральной» группы, как унитарии, выше E и одновременно ниже предубежденность.

Некоторые проблемы вызвало разделение испытуемых на четыре группы. Несмотря на то, что Г. Олпорт и Дж. Росс от анализа одной шкалы перешли именно к четырем группам (а не двум шкалам как таковым), за ними последовали немногие. Операционализация той же идеи как взаимодействия I и E — тоже проблемный вариант [50]. Хотя интересные ре-

зультаты этот подход все же способен давать — в описываемый период их получил Р. Худ [42] и позже подтвердил экспериментально [44].

Основные результаты исследований

Несмотря на озвученную уже в начале 1970-х гг. обоснованную критику, в последующие 20 лет концепция Олпорта была основной теоретической и эмпирической парадигмой в психологии религии [52] и дала множество важных результатов.

В целом можно говорить о позитивном вкладе в психологическое благополучие внутренней религиозности и негативном — внешней [61], что соответствует изначальному намерению прояснить противоречивое влияние религии. Однако со временем это превратилось в «складирование» хороших и плохих корреляций [52].

Внутренняя религиозность положительно связана с эмпатией, альтруизмом, внутренним локусом контроля, психологическим здоровьем в целом, сложностью стиля атрибуции [78], отрицательно — с депрессией [71]. У внешней религиозности картина противоположная.

Есть связь I и E с компонентами тревожности — слабостью эго, паранойей [12]. В мини-лонгитуде [63] внутренняя религиозность предсказала меньшую выраженность депрессивных симптомов. Вера в грех у внутренне религиозных людей не приводит к депрессии [76].

Среди отрицательных психологических состояний важен страх смерти. Внутренняя религиозность по сравнению с внешней более успешна в борьбе со страхом смерти, так как она наделяет смерть смыслом [45]. Этим заинтересовались сторонники теории совладания со страхом, которая предсказывает, что люди, которым напомнили о смерти, будут активнее «защищать» свои взгляды, чаще проявлять нетолерантность и экстремизм. Этот феномен оказался связан только с внешней религиозностью [48].

С самого начала изучалась связь религиозных ориентаций с предубеждениями, их влияние оказалось тоже близким к противоположному.

Внешняя религиозность связана с паттерном авторитарной личности (ср. [49] и авторитарную религию, по Фромму [5]) малой когнитивной сложностью по экзистенциальным вопросам, коллективизмом, внутренняя же — с толерантностью и индивидуализмом.

Внешняя религиозность не связана с большей приверженностью религии, ортодоксальностью, частотой посещения церкви, в отличие от внутренней [27].

А. Коэн и П. Хилл [23] показали, что *нормативность* внутренней и внешней религиозности (респонденты оценивали, насколько пункты опросника выражают «правильную» мотивацию) связана с выраженностью личной религиозности — положительно и отрицательно, соответственно.

Показана умеренная связь внутренней религиозности со шкалами лжи. Но Уотсон с соавт. [77] заключил: «У внутренне религиозных людей выше показатели социальной желательности, потому что эти люди на самом деле более социально желательны». Не нужно как-то «исправлять» шкалы, избавляясь от корреляции с социальной желательностью.

Итак, в ряде исследований были показаны в целом противоположные корреляции внутренней и внешней религиозности. На стороне первой — психологическое здоровье, интернальность, толерантность, вторая же «хорошо измеряет ту разновидность религии, которая создает религии плохую репутацию» [74, с. 977].

Критика и нововведения Д. Бэтсона

Параллельно с ростом этого массива исследований принстонский теолог и психолог Дэниэл Бэтсон доказывал, что религиозные ориентации не исчерпываются внешней и внутренней.

Д. Бэтсон [13] заметил, что в поздних работах Олпорта (включая опросник) внутренне религиозный человек предстает как компульсивный, не задающий вопросов фанатик, для которого религия превыше всего. Но в более ранних работах частью зрелой религиозности были и сомнения, самокритика, сложность, незавершенность. Д. Бэтсон попытался напомнить об этих аспектах и тем самым внес, пожалуй, самый значимый и противоречивый вклад в наследие Олпорта.

Д. Бэтсон предложил ввести новый аспект внутренней религиозности — религия как поиск (quest) [там же, с. 32]:

«Помимо «истинно верующих», есть люди, относящиеся к религии как к поиску. Религия для них — это постоянный процесс поиска и сомнений, идущих от проблем, противоречий и трагедий в их жизни и в обществе. Они не обязательно относят себя к конкретной вере или религиозной организации, но задумываются о высшем смысле общества и самой жизни».

Такие люди находятся в вечном поиске, вопросы для них важнее конкретных ответов.

У этой религиозной ориентации долгая история: по мнению Д. Бэтсона, она видна у иудейских пророков, на востоке — еще раньше.

Другое направление критики Д. Бэтсоном Г. Олпорта — методологическое. Слишком долго польза религии обосновывалась только теоретически, философски. Опросники — немногим лучше, необходима экспериментальная проверка.

Известное исследование Дж. Дарли и Д. Бэтсона [24] вдохновлялось притчей о добром самаритянине. В исследовании студенты Принстонской семинарии были поставлены в ситуацию, когда человеку, мимо которого они проходили, требовалась помощь. Варьировалась степень спешки испытуемого и тема, на которую он готовился выступить, причем одна из тем — как раз притча о добром самаритянине.

Были получены результаты, важные с точки зрения проблемы личности и ситуации — фактор спешки оказался самым сильным. Но удалось что-то сказать и о религиозных ориентациях — «ригидную», непрошенную помощь, игнорирующую реальные нужды, оказывали испытуемые с менее выраженным измерением «религия как поиск».

Позже такая закономерность подтвердилась и в другой ситуации, где испытуемые могли приписать проблемы человека его личности, вопреки его словам [13].

Исследования на этом не закончились. Например, в другом эксперименте [14] испытуемому предлагали посмотреть фильм вместе с одним из двух людей на выбор (белым и негром). Расово предубежденные испытуемые склонны избегать второго варианта. Части испытуемых дали возможность скрыть предубежденность за «невинным» мотивом (фильмы разные), а часть испытуемых могла проявить предубежденность только явно (фильм один и тот же). Внутренняя религиозность снизила только явную предубежденность, но не скрытую.

Из неэкспериментальных исследований можно отметить, например, доказательство большей «сложности» quest по сравнению с другими ориентациями. Quest предсказывает большую когнитивную сложность по экзистенциальным вопросам [16] и более высокий уровень моральных суждений [69].

Понятие «религия как поиск» подверглось критике по нескольким направлениям: quest — не вид религиозности, а мера сомнения и конфликта [44; 68], в нем примешано содержание веры, в то время как до ортодоксальных взглядов человек может прийти и путем поисков и сомнений [43]. Пик quest приходится на подростничество, а внутренняя религиозность выше в старших возрастах, что ставит под сомнение статус quest как зрелой формы религиозности [76].

Проблемы есть и с психометрическими свойствами, единством конструкта — существуют здоровый и нездоровый поиск [20].

Бэтсон продолжил защищать свою теорию, включая ее в более широкий контекст [19], модифицируя опросник, отвечая на конкретные претензии и отставляя свои интерпретации ([17; 18]). Например, он доказывал, что его шкала — именно религиозная переменная, находя религиозные группы, у которых показатели quest выше: семинаристы (по сравнению со студентами), участники харизматической группы изучения Библии (по сравнению с обычной).

Тема религии как поиска остается противоречивой. С одной стороны, ясно, что это понятие отражает важные и недооцененные психологические явления. С другой — Бэтсон (как и Олпорт!) имеет свое четкое мнение и иногда, на наш взгляд, «притягивает» результаты (пример — [15]).

Ряд исследователей принимают и используют quest как полноценную третью религиозную ориентацию. Он есть в новых опросниках Л. Фрэнсиса [32].

Внутренняя и внешняя религиозность сегодня

К 1980-м годам настало время обобщения полученных результатов и перемен курса. Классический опросник Олпорта подвергся переосмыслению и критике (во многом повторявшей первую волну критики).

Несколько раз были проведены факторизации и реорганизации оригинальных пунктов шкал I и E на больших выборках, давшие очень близкие результаты: [33; 36], отчасти [37].

Были выделены не два, а три фактора, более согласованные и более четко связанные с другими конструктами [33; 36]. Шкала E разделилась на «социальную» Es и «личную» Ep, хотя они достаточно коррелируют, чтобы имело смысл применять и объединенную традиционную шкалу E [36]. Некоторые из ее пунктов вошли в шкалу I с обратным ключом.

Усовершенствование опросника и особенно разделение Es и Ep позволили прояснить многие связи этих шкал с другими конструктами. Например, I [33; 36] и, возможно, Es [33] коррелируют с частотой посещения церкви, как и Es, но не Ep.

Авторы этих переработок отмечают, что модифицированный таким образом опросник стал намного лучше, но все равно он не совсем удовлетворителен. После выделения различных внешних мотивов видно, что их недостаточно. Шкала I, возможно, измеряет не вид мотивации, а общую приверженность религии или даже фанатизм [20].

Также недостаточно развита тема взаимодействия I и E (недифференцированной религиозности). М. Донахью [27] настаивал на том, что необходимо продолжать исследования в этом направлении, ведь именно это может объяснить криволинейные связи религиозности с благополучием.

Снова был поднят вопрос о специфичности внутренней и внешней религиозности — может быть, они всего лишь части более общего мотивационного явления? Р. Моррис и Р. Худ [57] показали, что внутренняя мотивация к труду даже предсказывает наличие мистического опыта! Есть данные и против «поглощения» — считается, что внутренняя религиозность выступает независимым предиктором благополучия [22].

Вновь вторя ранней критике, исследователи заметили конфессиональную нагруженность опросника внешней и внутренней религиозности, его связь с американским протестантизмом. В некоторых кросс-культурных и кросс-конфессиональных исследованиях шкалы I и Ep сливаются во всех группах, кроме протестантов, или I связана в основном с консервативной верой [30]. В то же время есть и удачные адаптации (индонезийские мусульмане [47]).

Очень сложный вопрос — применимость I/E к неверующим. Формулировки многих пунктов к ним неприменимы, и как такие испытуемые ответят — нельзя предсказать. С одной стороны, если исследовать только верующих, то невозможно обобщить выводы на население в целом. С другой стороны, только на верующих можно изучать такие тонкие различия, как внутренняя религиозность, внешняя религиоз-

ность и т. п., на более разнородных выборках все они сильно коррелируют, потому что у верующих все они более выражены, чем у неверующих [31; 34].

Наконец, Л. Фрэнсис [31; 32] систематизировал компоненты внутренней, внешней и quest-религиозности и составил новый опросник. Его использовали другие исследователи [63; 65].

Опросники внешней и внутренней религиозности (и религии как поиска) стали использоваться и как «второстепенные переменные» (nonfocal variables), к чему призывал Р. Горсач [35, с. 219], отмечая, что I, E и посещение церкви должны быть минимальным стандартом для измерения религиозности.

Например, Е. Ли с соавт. [53] квазиэкспериментально исследовал «фундаменталистскую ошибку атрибуции» у протестантов и католиков и учитывал влияние I/E при этом. К. Парк и его соавторы [62] выявляли различия в копинг-стратегиях у этих же групп, а Дж. Махалик и Х. Лаган [54] — гендерно-ролевой конфликт у семинаристов.

Итог и перспективы

Итак, на современном этапе изучения внешней и внутренней религиозности уже был накоплен основной массив данных, сделаны выводы. Отгремела критика, заявившая, что понятия ценностно нагружены, а операционализация некачественна. Теория оказалась богатой и нередукционистской, а операционализация — вполне доступной для исправления и, конечно, эвристически ценной (напр., [56]).

Литература

1. Гордеева Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2010. № 4 (12). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 3.04.2011).
2. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / Пер. с англ. М., 1993.
3. Леонтьев Д.А. Кесарю — кесарево // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 2.
4. Олпорт Г. Становление личности. Избранные труды / Пер. с англ. М., 2002.
5. Фромм Э. Психоанализ и религия / Пер. с англ. // Сумерки богов. М., 1990.
6. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Пер. с англ. М., 2004.
7. Allport G.W. The individual and his religion. N. Y., 1971.
8. Allport G.W. The Religious Context of Prejudice // Journal for the Scientific Study of Religion. 1966. V. 5. № 3.
9. Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice. // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. V. 5. № 4.
10. Argyle M. Psychology and Religion: An Introduction. L., 2000.
11. Assor A., Cohen-Malayev M., Kaplan A., Friedman D. Choosing to stay religious in a modern world. // Advances in motivation and achievement. V. 14: Religion and motivation /

Несколько авторов [35; 52; 57] призывали найти внешней и внутренней религиозности теоретическое основание взамен эмпирического. Называлась теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, в которой говорится о внутренней мотивации, важности интеграции.

Со времени начала этих призывов теория самодетерминации значительно расширилась [1; 67] и затронула тему, близкую к понятиям Олпорта — интернализацию социальных ценностей и регуляций [66].

В ближайшие годы после разработки понятия интернализации его применили к области религии, заметив сходства с типологией Олпорта, но и большую современность и четкость теории самодетерминации. Свои сопоставительные анализы провели исследователи канадской [60], американской [68], позже — бельгийской [58] исследовательских групп, последние прямо заявили, что отвечают на призыв. В ряде исследований показана применимость подхода к иудеям [11], католикам [70], мусульманам [64].

Выверенность конструкторов теории самодетерминации позволяет успешно продолжить начатый Г. Олпортом переход от абстрактных дискуссий, хороша религиозность или плоха, к гораздо более продуктивной дифференцированной постановке вопроса о том, какая именно религиозность возвышает личность и помогает ей успешно справляться с жизненными вызовами, а какая — наоборот. Именно в этом видится главная перспектива развития этой безусловно важной и крайне противоречивой области психологии личности.

Maehr M.L., Karabenick S. (eds.) Oxford, 2005.

12. Baker M., Gorsuch R. Trait Anxiety and Intrinsic-Extrinsic Religiousness // Journal for the Scientific Study of Religion. 1982. V. 21. № 2.
13. Batson C.D. Religion as Prosocial: Agent or Double Agent? // Journal for the Scientific Study of Religion. 1976. V. 15. № 1.
14. Batson C.D., Flink C.H., Schoenrade P.A. et al. Religious Orientation and Overt Versus Covert Racial Prejudice // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. V. 50. № 1.
15. Batson C.D., Oleson K.C., Weeks J.L. et al. Religious Prosocial Motivation: Is It Altruistic or Egoistic? // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. V. 57. № 5.
16. Batson C.D., Raynor-Prince L. Religious Orientation and Complexity of Thought about Existential Concerns // Journal for the Scientific Study of Religion. 1983. V. 22. № 1.
17. Batson C.D., Schoenrade P.A. Measuring Religion as Quest: 1) Validity Concerns // Journal for the Scientific Study of Religion. 1991. V. 30. № 4.
18. Batson C.D., Schoenrade P.A. Measuring Religion as Quest: 2) Reliability Concerns // Journal for the Scientific Study of Religion. 1991. V. 30. № 4.
19. Batson C.D., Schoenrade P., Ventis L. Religion and the Individual. N. Y., 1993.
20. Beck R., Jessup R.K. The Multidimensional Nature of Quest Motivation // Journal of Psychology and Theology. 2004. V. 32. № 4.

21. *Brown L.B.* Classifications of Religious Orientation // Journal for the Scientific Study of Religion. 1964. V. 4. № 1.
22. *Byrd K.R., Hageman A., Isle D.B.* Intrinsic Motivation and Subjective Well-Being: The Unique Contribution of Intrinsic Religious Motivation // International Journal for the Psychology of Religion. 2007. V. 17. № 2.
23. *Cohen A.B., Hill P.C.* Religion as Culture: Religious Individualism and Collectivism Among American Catholics, Jews, and Protestants // Journal of Personality. 2007. V. 75. № 4.
24. *Darley J.M., Batson C.D.* From Jerusalem to Jericho: A Study of Situational and Dispositional Variables in Helping Behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1973. V. 27. № 1.
25. *Dittes J.E.* Psychology of religion / Lindzey G., Aronson E. (eds.). The handbook of social psychology. V. 5. Reading: 1969.
26. *Dittes J.E.* Typing the Typologies // Journal for the Scientific Study of Religion. 1971. V. 10. № 4.
27. *Donahue M.J.* Intrinsic and Extrinsic Religiousness: Review and Meta-Analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 1985. V. 48. № 2.
28. *Donahue M.J.* Intrinsic and Extrinsic Religiousness: The Empirical Research // Journal for the Scientific Study of Religion. 1985. V. 24. № 4.
29. *Feagin J.R.* Prejudice and Religious Types: A Focused Study of Southern Fundamentalists // Journal for the Scientific Study of Religion. 1964. V. 4. № 1.
30. *Flere S., Lavric M.* Is intrinsic religious orientation a culturally specific American Protestant concept? The fusion of intrinsic and extrinsic religious orientation among non-Protestants // European Journal of Social Psychology. 2008. V. 38.
31. *Francis L.J.* Introducing the New Indices of Religious Orientation (NIRO): Conceptualization and measurement // Mental Health, Religion & Culture. 2007. V. 10. № 6.
32. *Francis L.J., Jewell A., Robbins M.* The relationship between religious orientation, personality, and purpose in life among an older Methodist sample // Mental Health, Religion & Culture. 2007. V. 13. № 7–8.
33. *Genia V.* A Psychometric evaluation of the Allport-Ross I/E scales in a religiously heterogeneous sample // Journal for the Scientific Study of Religion. 1993. V. 32. № 3.
34. *Genia V.* I, E, Quest and Fundamentalism as Predictors of Psychological and Spiritual Well-Being // Journal for the Scientific Study of Religion. 1996. V. 35. № 1.
35. *Gorsuch R.L.* Toward Motivational Theories of Intrinsic Religious Commitment // Journal for the Scientific Study of Religion. 1994. V. 33. № 4.
36. *Gorsuch R.L., McPherson S.E.* Intrinsic/Extrinsic Measurement: I/E-Revised and Single-Item Scales // Journal for the Scientific Study of Religion. 1989. V. 28. № 3.
37. *Gorsuch R.L., Venable G.D.* Development of an "Age Universal" I-E Scale // Journal for the Scientific Study of Religion. 1983. V. 22. № 2.
38. *Hill P.C., Pargament K.I.* Advances in the Conceptualization and Measurement of Religion and Spirituality: Implications for Physical and Mental Health Research // Psychology of Religion and Spirituality. 2006. V. 8. № 1.
39. *Hoge D.R.* A Validated Intrinsic Religious Motivation Scale // Journal for the Scientific Study of Religion. 1972. V. 11. № 4.
40. *Hood R.W., Jr.* A Comparison of the Allport and Feagin Scoring Procedures for Intrinsic / Extrinsic Religious Orientation. // Journal for the Scientific Study of Religion. 1971. Vol. 10. № 4.
41. *Hood R.W., Jr.* The Conceptualization of Religious Purity in Allport's Typology // Journal for the Scientific Study of Religion. 1985. V. 24. № 4.
42. *Hood R.W., Jr.* The Usefulness of the Indiscriminately Pro and Anti Categories of Religious Orientation // Journal for the Scientific Study of Religion. 1978. V. 17. № 4.
43. *Hood R.W., Jr., Morris R.J.* Conceptualization of Quest: A Critical Rejoinder to Batson // Review of Religious Research. 1985. V. 26. № 4.
44. *Hood R.W., Jr., Morris R.J., Watson P.J.* Quasi-Experimental Elicitation of the Differential Report of Religious Experience Among Intrinsic and Indiscriminately Pro-Religious Types // Journal for the Scientific Study of Religion. 1990. V. 17. № 2.
45. *Hui V. K.-Y., Fung H.H.* Mortality Anxiety as a Function of Intrinsic Religiosity and Perceived Purpose in Life // Death Studies. 2009. V. 33. № 1.
46. *Hunt R.A., King M.* The Intrinsic-Extrinsic Concept: A Review and Evaluation // Journal for the Scientific Study of Religion. 1971. V. 10. № 4.
47. *Ji C. C., Ibrahim Y.* Islamic Doctrinal Orthodoxy and Religious Orientations: Scale Development and Validation // International Journal for the Psychology of Religion. 2007. V. 17. № 3.
48. *Jonas E., Fischer P.* Terror Management and Religion: Evidence That Intrinsic Religiousness Mitigates Worldview Defense Following Mortality Salience // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. V. 91. № 3.
49. *Kahoe R.D.* Intrinsic Religion and Authoritarianism: A Differentiated Relationship // Journal for the Scientific Study of Religion. 1977. V. 16. № 2.
50. *Kahoe R.D.* Personality and Achievement Correlates of Intrinsic and Extrinsic Religious Orientations // Journal of Personality and Social Psychology. 1974. V. 29. № 6.
51. *Kahoe R.D.* The Development of Intrinsic and Extrinsic Religious Orientations // Journal for the Scientific Study of Religion. 1985. V. 24. № 4.
52. *Kirkpatrick L.A., Hood R.W., Jr.* Intrinsic-Extrinsic Religious Orientation: The Boon or Bane of Contemporary Psychology of Religion? // Journal for the Scientific Study of Religion. 1990. V. 29. № 4.
53. *Li Y.J., Johnson K.A., Cohen A.B.* Fundamental(ist) Attribution Error: Protestants Are Dispositionally Focused // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. V. 102. № 3.
54. *Mahalik J.R., Lagan H.D.* Examining Masculine Gender Role Conflict and Stress in Relation to Religious Orientation and Spiritual Well-Being // Psychology of Men and Masculinity. 2001. V. 2. № 1.
55. *Maslow A.H.* Religions, Values and Peak Experiences. N. Y., 1994.
56. *Masters K.S.* Of Boons, Banes, Babies, and Bath Water: A Reply to the Kirkpatrick and Hood Discussion of Intrinsic-Extrinsic Religious Orientation // Journal for the Scientific Study of Religion. 1991. V. 30. № 3.
57. *Morris R.J., Hood R.W., Jr.* The Generalizability and Specificity of Intrinsic/Extrinsic Orientation // Review of Religious Research. 1981. V. 22. № 3.
58. *Neyrinck B.* Cognitive-Affective Correlates of Autonomous and Controlled Motivation: An Exploration in the Religious Realm and Beyond. Proefschrift aangeboden tot het verkrijgen van de grad van Doctor in de Psychologie. Katholieke Universiteit Leuven, 2009.
59. *Nielsen S.L., Johnson W.B., Ellis A.* Counseling and Psychotherapy with Religious Persons: A Rational Emotive Behavior Therapy Approach. L., 2001.

60. *O'Connor B.P., Vallerand R.J.* Religious Motivation in the Elderly: A French-Canadian Replication and an Extension // *Journal of Social Psychology*. V. 130. № 1.
61. *Pargament K.I.* The Bitter and the Sweet: An Evaluation of the Costs and Benefits of Religiousness // *Psychological Inquiry*. 2002. V. 13. № 3.
62. *Park C., Cohen L.H., Herb L.* Intrinsic Religiousness and Religious Coping as Life Stress Moderators for Catholics Versus Protestants // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 59. № 3.
63. *Possel P., Martin N.C., Garber J. et al.* Bidirectional Relations of Religious Orientation and Depressive Symptoms in Adolescents: A Short-Term Longitudinal Study // *Psychology of Religion and Spirituality*. 2011. V. 3. № 1.
64. *Rip B., Vallerand R.J., Lafreniere M.-A.K.* Passion for a Cause, Passion for a Creed: On Ideological Passion, Identity Threat, and Extremism // *Journal of Personality*. 2012. V. 80. № 3.
65. *Ross C.F.J., Francis L.J.* The relationship of intrinsic, extrinsic, and quest religious orientations to Jungian psychological type among churchgoers in England and Wales // *Mental Health, Religion & Culture*. 2010. V. 13. № 7–8.
66. *Ryan R.M., Connell J.P.* Perceived locus of causality and internalization: Examining reasons for acting in two domains // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. V. 57. № 5.
67. *Ryan R.M., Deci E.L.* Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. 2000. V. 55. № 1.
68. *Ryan R.M., Rigby S., King K.* Two Types of Religious Internalization and Their Relations to Religious Orientations and Mental Health // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. V. 65. № 3.
69. *Sapp G.L., Jones L.* Religious Orientation and Moral Judgment // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1986. V. 25. № 2.
70. *Sheldon K.M.* Catholic Guilt? Comparing Catholics' and Protestants' Religious Motivations // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2006. V. 16. № 3.
71. *Smith T.B., McCullough M.E., Poll J.* Religiousness and Depression: Evidence for a Main Effect and the Moderating Influence of Stressful Life Events // *Psychological Bulletin*. 2003. V. 129. № 4.
72. *Strickland B.R., Weddell S.C.* Religious Orientation, Racial Prejudice, and Dogmatism: A Study of Baptists and Unitarians // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1972. V. 11. № 4.
73. *Tisdale J.R.* Selected Correlates of Extrinsic Religious Values // *Review of Religious Research*. 1966. V. 7. № 2.
74. *Trimble D.E.* The Religious Orientation Scale: Review and meta-analysis of social desirability effects // *Educational and Psychological Measurement*. 1997. V. 57. № 6.
75. *Vaill K.E. III, Rothschild Z.K., Weise D.R. et al.* A Terror Management Analysis of the Psychological Functions of Religion // *Personality and Social Psychology Review*. 2010. V. 14. № 1.
76. *Watson P.J., Howard R., Hood R.W. et al.* Age and Religious Orientation // *Review of Religious Research*. 1988. V. 29. № 3.
77. *Watson P.J., Morris R.J., Foster J.E. et al.* Religiosity and Social Desirability // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1986. V. 25. № 2.
78. *Watson P.J., Morris R.J., Hood R.W., Jr.* Attributional Complexity, Religious Orientation, and Indiscriminate Proreligiousness // *Review of Religious Research*. 1990. V. 32. № 2.
79. *Wong-McDonald A., Gorsuch R.L.* A Multivariate Theory of God Concept, Religious Motivation, Locus of Control, Coping, and Spiritual Well-Being // *Journal of Psychology and Theology*. 2004. V. 32. № 4.

Gordon Allport: The Concept of Personal Religious Orientations

R.S. Titov

PhD student at the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, intern researcher at the Laboratory of Positive Psychology and Life Quality, National Research University Higher School of Economics

The paper reviews Gordon Allport's concept of religious orientations — intrinsic and extrinsic religion, that is, views of religion as an end to itself or rather as a means to an end, both 'orthogonal' to the essence of faith. This concept laid the foundation of modern psychology of religion and shaped its development for a few decades. The core problem of the concept is why religiosity can serve as a basis not only for extremely positive phenomena, but for extremely negative ones as well. The paper traces the history of the concept from Allport's early ideas and studies, through the main outcomes and innovations, and to his later reflections and criticism. This review reveals Allport's chain of thought; the similarity between the late and early — undeservedly forgotten — criticism; the controversial character of Daniel Batson's additions. The paper also focuses on how the concept is applied in modern psychology and on the issues that remain unsolved. The problem that was Allport's core interest is still relevant today. Those who criticized his concept called for a clear theoretical explanation for his guess. The final part of the paper describes the attempt of the modern motivation theory supporters to carry on Allport's work and continue the explorations on a new level.

Keywords: religiosity, psychological well-being, religious orientations, intrinsic and extrinsic religion, religion as quest.

References

1. *Gordeeva T.O.* Teoriya samodeterminacii: nastoyashee i budushee. Chast' 1: Problemy razvitiya teorii [Elektronnyi resurs] // *Psihologicheskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 2010. № 4 (12). URL: <http://psystudy.ru> (data obrasheniya: 3.04.2011).
2. *Dzheims U.* Mnogoobrazie religioznogo opyta / Per. s angl. M., 1993.
3. *Leont'ev D.A.* Kesaryu — kesarevo // *Psihologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2007. T. 4. № 2.
4. *Olport G.* Stanovlenie lichnosti. Izbrannye trudy / Per. s angl. M., 2002.
5. *Fromm E.* Psihoanaliz i religiya / Per. s angl. // *Sumerki bogov*. M., 1990.
6. *Emmons R.* Psihologiya vysshih ustremlenii: motivaciya i duhovnost' lichnosti / Per. s angl. M., 2004.
7. *Allport G.W.* The individual and his religion. N. Y., 1971.
8. *Allport G.W.* The Religious Context of Prejudice // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1966. V. 5. № 3.
9. *Allport G.W., Ross J.M.* Personal religious orientation and prejudice. // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1967. V. 5. № 4.
10. *Argyle M.* Psychology and Religion: An Introduction. L., 2000.
11. *Assor A., Cohen-Malayev M., Kaplan A., Friedman D.* Choosing to stay religious in a modern world. // *Advances in motivation and achievement*. V. 14: Religion and motivation / Maehr M.L., Karabenick S. (eds.) Oxford, 2005.
12. *Baker M., Gorsuch R.* Trait Anxiety and Intrinsic-Extrinsic Religiousness // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1982. V. 21. № 2.
13. *Batson C.D.* Religion as Prosocial: Agent or Double Agent? // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1976. V. 15. № 1.
14. *Batson C.D., Flink C.H., Schoenrade P.A. et al.* Religious Orientation and Overt Versus Covert Racial Prejudice // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. V. 50. № 1.
15. *Batson C.D., Oleson K.C., Weeks J.L. et al.* Religious Prosocial Motivation: Is It Altruistic or Egoistic? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. V. 57. № 5.
16. *Batson C.D., Raynor-Prince L.* Religious Orientation and Complexity of Thought about Existential Concerns // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1983. V. 22. № 1.
17. *Batson C.D., Schoenrade P.A.* Measuring Religion as Quest: 1) Validity Concerns // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1991. V. 30. № 4.
18. *Batson C.D., Schoenrade P.A.* Measuring Religion as Quest: 2) Reliability Concerns // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1991. V. 30. № 4.
19. *Batson C.D., Schoenrade P., Ventis L.* Religion and the Individual. N. Y., 1993.
20. *Beck R., Jessup R.K.* The Multidimensional Nature of Quest Motivation // *Journal of Psychology and Theology*. 2004. V. 32. № 4.
21. *Brown L.B.* Classifications of Religious Orientation // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1964. V. 4. № 1.
22. *Byrd K.R., Hageman A., Isle D.B.* Intrinsic Motivation and Subjective Well-Being: The Unique Contribution of Intrinsic Religious Motivation // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2007. V. 17. № 2.
23. *Cohen A.B., Hill P.C.* Religion as Culture: Religious Individualism and Collectivism Among American Catholics, Jews, and Protestants // *Journal of Personality*. 2007. V. 75. № 4.

24. *Darley J.M., Batson C.D.* From Jerusalem to Jericho: A Study of Situational and Dispositional Variables in Helping Behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. V. 27. № 1.
25. *Dittes J.E.* Psychology of religion / Lindzey G., Aronson E. (eds.). The handbook of social psychology. V. 5. Reading: 1969.
26. *Dittes J.E.* Typing the Typologies // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1971. V. 10. № 4.
27. *Donahue M.J.* Intrinsic and Extrinsic Religiousness: Review and Meta-Analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. V. 48. № 2.
28. *Donahue M.J.* Intrinsic and Extrinsic Religiousness: The Empirical Research // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1985. V. 24. № 4.
29. *Feagin J.R.* Prejudice and Religious Types: A Focused Study of Southern Fundamentalists // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1964. V. 4. № 1.
30. *Flore S., Lavric M.* Is intrinsic religious orientation a culturally specific American Protestant concept? The fusion of intrinsic and extrinsic religious orientation among non-Protestants // *European Journal of Social Psychology*. 2008. V. 38.
31. *Francis L.J.* Introducing the New Indices of Religious Orientation (NIRO): Conceptualization and measurement // *Mental Health, Religion & Culture*. 2007. V. 10. № 6.
32. *Francis L.J., Jewell A., Robbins M.* The relationship between religious orientation, personality, and purpose in life among an older Methodist sample // *Mental Health, Religion & Culture*. 2007. V. 13. № 7–8.
33. *Genia V.* A Psychometric evaluation of the Allport-Ross I/E scales in a religiously heterogeneous sample // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1993. V. 32. № 3.
34. *Genia V.* I, E, Quest and Fundamentalism as Predictors of Psychological and Spiritual Well-Being // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1996. V. 35. № 1.
35. *Gorsuch R.L.* Toward Motivational Theories of Intrinsic Religious Commitment // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1994. V. 33. № 4.
36. *Gorsuch R.L., McPherson S.E.* Intrinsic/Extrinsic Measurement: I/E-Revised and Single-Item Scales // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1989. V. 28. № 3.
37. *Gorsuch R.L., Venable G.D.* Development of an "Age Universal" I-E Scale // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1983. V. 22. № 2.
38. *Hill P.C., Pargament K.I.* Advances in the Conceptualization and Measurement of Religion and Spirituality: Implications for Physical and Mental Health Research // *Psychology of Religion and Spirituality*. 2006. V. 8. № 1.
39. *Hoge D.R.* A Validated Intrinsic Religious Motivation Scale // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1972. V. 11. № 4.
40. *Hood R.W., Jr.* A Comparison of the Allport and Feagin Scoring Procedures for Intrinsic / Extrinsic Religious Orientation. // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1971. Vol. 10. № 4.
41. *Hood R.W., Jr.* The Conceptualization of Religious Purity in Allport's Typology // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1985. V. 24. № 4.
42. *Hood R.W., Jr.* The Usefulness of the Indiscriminately Pro and Anti Categories of Religious Orientation // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1978. V. 17. № 4.
43. *Hood R.W., Jr., Morris R.J.* Conceptualization of Quest: A Critical Rejoinder to Batson // *Review of Religious Research*. 1985. V. 26. № 4.
44. *Hood R.W., Jr., Morris R.J., Watson P.J.* Quasi-Experimental Elicitation of the Differential Report of Religious Experience Among Intrinsic and Indiscriminately Pro-Religious Types // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1990. V. 17. № 2.
45. *Hui V. K.-Y., Fung H.H.* Mortality Anxiety as a Function of Intrinsic Religiosity and Perceived Purpose in Life // *Death Studies*. 2009. V. 33. № 1.
46. *Hunt R.A., King M.* The Intrinsic-Extrinsic Concept: A Review and Evaluation // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1971. V. 10. № 4.
47. *Ji C. C., Ibrahim Y.* Islamic Doctrinal Orthodoxy and Religious Orientations: Scale Development and Validation // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2007. V. 17. № 3.
48. *Jonas E., Fischer P.* Terror Management and Religion: Evidence That Intrinsic Religiousness Mitigates Worldview Defense Following Mortality Salience // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. V. 91. № 3.
49. *Kahoe R.D.* Intrinsic Religion and Authoritarianism: A Differentiated Relationship // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1977. V. 16. № 2.
50. *Kahoe R.D.* Personality and Achievement Correlates of Intrinsic and Extrinsic Religious Orientations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974. V. 29. № 6.
51. *Kahoe R.D.* The Development of Intrinsic and Extrinsic Religious Orientations // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1985. V. 24. № 4.
52. *Kirkpatrick L.A., Hood R.W., Jr.* Intrinsic-Extrinsic Religious Orientation: The Boon or Bane of Contemporary Psychology of Religion? // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1990. V. 29. № 4.
53. *Li Y.J., Johnson K.A., Cohen A.B.* Fundamental(ist) Attribution Error: Protestants Are Dispositionally Focused // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. V. 102. № 3.
54. *Mahalik J.R., Lagan H.D.* Examining Masculine Gender Role Conflict and Stress in Relation to Religious Orientation and Spiritual Well-Being // *Psychology of Men and Masculinity*. 2001. V. 2. № 1.
55. *Maslow A.H.* Religions, Values and Peak Experiences. N. Y., 1994.
56. *Masters K.S.* Of Boons, Banes, Babies, and Bath Water: A Reply to the Kirkpatrick and Hood Discussion of Intrinsic-Extrinsic Religious Orientation // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1991. V. 30. № 3.
57. *Morris R.J., Hood R.W., Jr.* The Generalizability and Specificity of Intrinsic/Extrinsic Orientation // *Review of Religious Research*. 1981. V. 22. № 3.
58. *Neyrinck B.* Cognitive-Affective Correlates of Autonomous and Controlled Motivation: An Exploration in the Religious Realm and Beyond. Proefschrift aangeboden tot het verkrijgen van de grad van Doctor in de Psychologie. Katholieke Universiteit Leuven, 2009.
59. *Nielsen S.L., Johnson W.B., Ellis A.* Counseling and Psychotherapy with Religious Persons: A Rational Emotive Behavior Therapy Approach. L., 2001.
60. *O'Connor B.P., Vallerand R.J.* Religious Motivation in the Elderly: A French-Canadian Replication and an Extension // *Journal of Social Psychology*. V. 130. № 1.
61. *Pargament K.I.* The Bitter and the Sweet: An Evaluation of the Costs and Benefits of Religiousness // *Psychological Inquiry*. 2002. V. 13. № 3.
62. *Park C., Cohen L.H., Herb L.* Intrinsic Religiousness and Religious Coping as Life Stress Moderators for Catholics Versus Protestants // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 59. № 3.
63. *Possel P., Martin N.C., Garber J. et al.* Bidirectional Relations of Religious Orientation and Depressive Symptoms

- in Adolescents: A Short-Term Longitudinal Study // *Psychology of Religion and Spirituality*. 2011. V. 3. № 1.
64. *Rip B., Vallerand R.J., Lafreniere M.-A.K.* Passion for a Cause, Passion for a Creed: On Ideological Passion, Identity Threat, and Extremism // *Journal of Personality*. 2012. V. 80. № 3.
65. *Ross C.F.J., Francis L.J.* The relationship of intrinsic, extrinsic, and quest religious orientations to Jungian psychological type among churchgoers in England and Wales // *Mental Health, Religion & Culture*. 2010. V. 13. № 7–8.
66. *Ryan R.M., Connell J.P.* Perceived locus of causality and internalization: Examining reasons for acting in two domains // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. V. 57. № 5.
67. *Ryan R.M., Deci E.L.* Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. 2000. V. 55. № 1.
68. *Ryan R.M., Rigby S., King K.* Two Types of Religious Internalization and Their Relations to Religious Orientations and Mental Health // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. V. 65. № 3.
69. *Sapp G.L., Jones L.* Religious Orientation and Moral Judgment // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1986. V. 25. № 2.
70. *Sheldon K.M.* Catholic Guilt? Comparing Catholics' and Protestants' Religious Motivations // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2006. V. 16. № 3.
71. *Smith T.B., McCullough M.E., Poll J.* Religiousness and Depression: Evidence for a Main Effect and the Moderating Influence of Stressful Life Events // *Psychological Bulletin*. 2003. V. 129. № 4.
72. *Strickland B.R., Weddell S.C.* Religious Orientation, Racial Prejudice, and Dogmatism: A Study of Baptists and Unitarians // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1972. V. 11. № 4.
73. *Tisdale J.R.* Selected Correlates of Extrinsic Religious Values // *Review of Religious Research*. 1966. V. 7. № 2.
74. *Trimble D.E.* The Religious Orientation Scale: Review and meta-analysis of social desirability effects // *Educational and Psychological Measurement*. 1997. V. 57. № 6.
75. *Vaill K.E. III, Rothschild Z.K., Weise D.R. et al.* A Terror Management Analysis of the Psychological Functions of Religion // *Personality and Social Psychology Review*. 2010. V. 14. № 1.
76. *Watson P.J., Howard R., Hood R.W. et al.* Age and Religious Orientation // *Review of Religious Research*. 1988. V. 29. № 3.
77. *Watson P.J., Morris R.J., Foster J.E. et al.* Religiosity and Social Desirability // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1986. V. 25. № 2.
78. *Watson P.J., Morris R.J., Hood R.W., Jr.* Attributional Complexity, Religious Orientation, and Indiscriminate Proreligiousness // *Review of Religious Research*. 1990. V. 32. № 2.
79. *Wong-McDonald A., Gorsuch R.L.* A Multivariate Theory of God Concept, Religious Motivation, Locus of Control, Coping, and Spiritual Well-Being // *Journal of Psychology and Theology*. 2004. V. 32. № 4.

Основные идеи деятельностной концепции экспансивного обучения и развития Ю. Энгestrёма

Л.П. Ветошкина

докторант Центра изучения деятельности, развития и обучения Института бихевиоральных наук Хельсинкского университета

Л.Н. Горюнова

старший преподаватель факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета

В статье представлены основные идеи деятельностной концепции экспансивного обучения, развиваемой Ю. Энгестрёмом. Цель данного обзора — описать концептуальные перспективы прикладных психологических исследований в различных сферах профессиональной деятельности человека. В статье изложены предпосылки и этапы развития концепции экспансивного обучения, методологические принципы концепции, включающие основное положение, рассматривающее интервенцию или вмешательство в структуру деятельности как главный способ ее изучения, дано описание ключевых методов, развиваемых в ее рамках. Описываются характеристики нового, исторически сложившегося типа обучения — экспансивного обучения.

Ключевые слова: теория деятельности, экспансивное обучение, деятельностная концепция обучения и развития.

Юрьё Энгестрём (Yrjö Engeström)¹ — известный ученый, один из наиболее пытливых последователей культурно-исторической теории Л.С. Выготского и психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, одновременно разрабатывающий собственную деятельностную концепцию экспансивного обучения, один из основателей и руководитель Центра исследований деятельности, развития и обучения в Университете Хельсинки (Center for Research on Activity, Development and Learning, CRADLE).

Несмотря на повсеместное цитирование в англоязычной литературе и признание научного авторитета концепции Энгестрёма на Западе, в России можно найти не более нескольких статей в научных журналах на русском языке, содержащих описание ее основных идей. В одном из последних выступлений В.В. Давыдов сказал: «На мой взгляд, интересную трактовку деятельности (не отрицая Рубинштейна и Леонтьева, а ассимилируя многие их идеи) дал финский психолог Ю. Энгестрём в своей замечательной книге, вышедшей в 80-х годах» [7]. В 2006 году в журнале «Культурно-историческая психология» вышли статьи И.А. Корепановой и Е.М. Виноградовой «Концепция И. Энгестрёма — вариант прочтения теории деятельности А.Н. Леонтьева» [10] и Д. Бэхёрста «К вопросу об эволюции теории деятельности» [3]. В этом же журнале в 2007 г. опубликована статья Дэниелс Г., Соарес А.,

Лидбеттер Д., Мак Нэб Н. «Содействие продвижению творчества в школах: возможности применения теории деятельности» [9], в которой коротко дано общее описание концепции, методов и проиллюстрировано применение метода, имеющего название Лаборатория изменений. Как пишет Д. Бэхёрст, «работы И. Энгестрёма оказались чрезвычайно влиятельными, в особенности хорошо известные треугольники, используемые им для создания наглядной модели деятельности и «систем деятельности. ... Своей жизнеспособностью современная теория деятельности во многом обязана именно ему» [3, с. 79]. Далее Д. Бэхёрст продолжает: «На западе теория деятельности воспринимается не столько как теория, сколько как метод общественно-научного исследования сущности систем деятельности» [там же]. Признавая очевидную разницу между первым и вторым, т. е. между тем, как развивается российская теория деятельности, и развитием деятельностных концепций на Западе, мы оцениваем данный факт как возможность взаимного научного «обогащения» и плодотворного сотрудничества на общих основаниях. Статья знакомит читателей с основными положениями, развиваемыми в деятельностной концепции экспансивного обучения и развития Ю. Энгестрёма, которые стали доступны авторам в результате участия в совместных научных и учебных мероприятиях, знакомства с публикациями Ю. Энгестрёма и его коллег и соратников.

¹ С точки зрения финско-русской практической транскрипции наиболее точной транслитерацией имени будет Юрьё Энгестрём. В публикациях на русском языке, на которые мы ссылаемся в тексте (Бэхёрст, Виноградова, Корепанова) можно встретить другие способы транслитерации (напр., Ирбе). / Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. — М.: Р. Валент, 2001.— 200 с.

Цель данной статьи — описать концептуальные перспективы прикладных психологических исследований в различных сферах профессиональной деятельности человека с позиции деятельностной концепции Энгestrёма. Как известно, основная проблема таких исследований — описание и моделирование деятельности человека как элемента системы совместных деятельностей. Ю. Энгestrём с коллегами разработал и применил в прикладных исследованиях методы, которые в России малоизвестны и требуют анализа перед заимствованием. Для того чтобы избежать опасности: «выдать за нечто новое вообще, то, что является новым исключительно для нас» [5], начнем с описания истоков концепции Энгestrёма и этапов ее развития, как это излагается в работах и выступлениях автора концепции и его коллег.

Основания и этапы развития деятельностной концепции экспансивного обучения и развития Ю. Энгestrёма

Ю. Энгestrём утверждает, что нет статичных и вечных моделей, и формулирует требования к описанию феномена деятельности. Во-первых, необходимость представления деятельности в простейшей структурной форме. Во-вторых, анализ деятельности в динамике, в эволюции, в исторических изменениях как экологического и контекстного феномена. В-третьих, анализ деятельности на основе отношений индивида и внешнего мира как опосредованного феномена [17].

Оставляя за рамками данной статьи дискуссию об особенностях интерпретации российской теории деятельности на западе, перечислим основные положения культурно-исторической теории Л.С. Выготского и психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, на которые ссылается Ю. Энгestrём, в частности в своем выступлении на Nordic Conference on Activity Theory and the Fourth Finnish Conference on Cultural and Activity Research (2010), которое называлось «The concept of activity», а также в своих публикациях [17; 20; 21]. К ним он относит положения культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, а именно: культурное опосредствование инструментами и знаками, историческая природа психологических функций человека, зона ближайшего развития, принцип двойной стимуляции. По мнению Ю. Энгestrёма, понятие деятельности в культурно-исторической концепции имеет ограничения. Эти ограничения выражаются в том, что остаются неявными социальные и общие свойства человеческого бытия; что индивидуальная деятельность легко редуцируется в рационализацию осознаваемой цели; что иррациональная и «стихийная» деятельности оставлены без объяснения; что непонятно, откуда появляются цели и почему человек делает то, что он делает. Энгestrём подчеркивает, что принципы психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева преодоле-

вают эти ограничения посредством того, что вводится различие между деятельностью, действием и операциями; что система деятельности рассматривается как ключевой аспект анализа; что исследовательский фокус направляется на объект и мотив деятельности.

В концепции Энгestrёма представлено трехуровневое функционирование систем деятельности, где, согласно известному положению А.Н. Леонтьева, деятельности, действию и операции соответствуют объект или мотив, цель и условия (включая инструменты) деятельности. К данной, широко распространенной «формуле», Ю. Энгestrём добавляет третий аспект, выражающий характеристики субъекта (субъектов) деятельности. Так, деятельность осуществляется через общество, действия осуществляются посредством человека или группы людей, операции осуществляются посредством «автоматизированного» человека или машины (рис. 1). Слово «автоматизированный» заимствовано для перевода у А.Н. Леонтьева. В труде «Деятельность. Сознание. Личность» Леонтьев пишет: «всякая операция есть результат преобразования действия, происходящего в результате его включения в другое действие и наступающей его “технизации”. Простейшей иллюстрацией этого процесса может служить формирование операций, выполнения которых требует, например, управление автомобилем. ... Для сознания водителя переключение передач в нормальных случаях как бы вовсе не существует. Он делает другое: трогает автомобиль с места, берет крутые подъемы, ведет автомобиль накатом, останавливает его в заданном месте и т. п. В самом деле: эта операция может, как известно, вовсе выпасть из деятельности водителя и выполняться автоматом. Вообще судьба операций — рано или поздно становится функцией машины» [13].

Трехуровневое строение деятельности, отражающее уровни функционирования в системах деятельности, представлено Ю. Энгestrёмом в виде схемы (рис. 1).

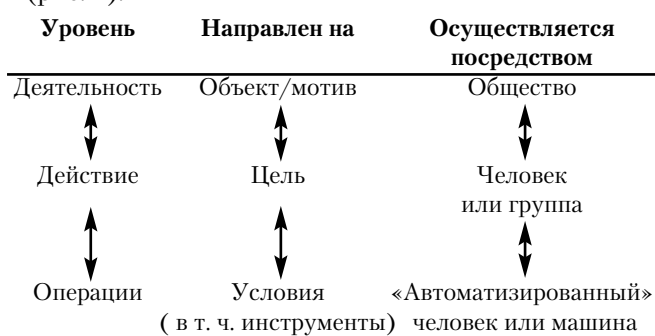

Рис. 1. Уровни функционирования в системах деятельности [Engeström, 2010]

Анализа Саннино, ближайший помощник Ю. Энгestrёма, разрабатывающий концепцию «агенсу»², считает, что выделение трех уровней функционирования деятельности завершило первые два

² В русском языке не существует точного перевода слова «агенсу», наиболее близким по смыслу может быть понятие «субъектности» в рамках субъектно-деятельностного подхода.

поколения (Выготский — Леонтьев) развития теории деятельности (рис. 2) [26]. Графическое изображение структуры системы деятельностей представлено в треугольниках Ю. Энгestrёма. Считать ли треугольники Энгestrёма новым этапом развития теории деятельности, включающим в себя новое знание в данной области, или своеобразным графическим представлением идей Выготского и Леонтьева, каждый специалист определит для себя сам. В статье Н.В. Максимова [14] так описан процесс появления нового знания: «в процессе познания, с одной стороны, имеет место дезинтеграция ... уже накопленного знания, а с другой — на этой «хаотизированной» основе осуществляется выбор нового пути синтеза, позволяющего концентрированно построить новое знание. Такой выбор связан с выходом ... на одну из предопределенных в данной среде и имеющих относительно устойчивое состояние структур — аттрактор, после чего происходит процесс самоорганизации и проверка непротиворечивости нового знания». Треугольники Энгestrёма прошли проверку на непротиворечивость и устойчивость временем и практикой и могут рассматриваться как своеобразный аттрактор, т. е. притягивающая неподвижная точка, к которой «стремятся все траектории окрестности». В статье И.А. Корепановой и Е.М. Виноградовой данная схема представлена в русском переводе (рис. 2).

Рис. 2. Общая модель деятельности по Энгестрёму (цит. по И.А. Корепановой и Е.М. Виноградовой [10])

На рис. 3 приводится оригинальная модель общей структуры систем деятельности, как она была представлена в работе Ю. Энгestrёма.

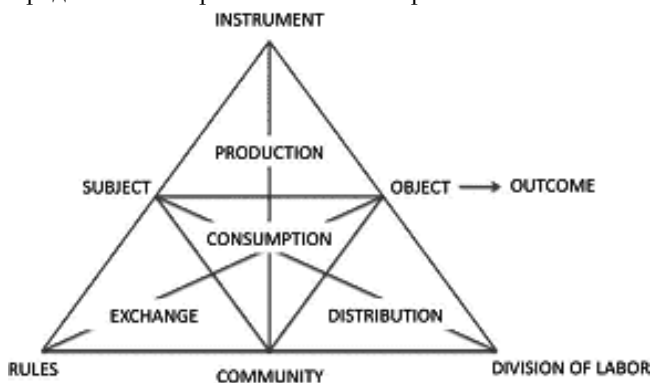

Рис. 3. Общая модель деятельности Ю. Энгестрёма [17, с. 78]

Авторы цитируемой статьи пишут: «Пожалуй, этот треугольник ... можно назвать «визитной кар-

точкой» Ю. Энгестрёма. И нетрудно увидеть, что эта схема в определенной степени является расширенным вариантом «треугольника опосредования», предложенного в рамках деятельностного подхода (сравним эти «треугольники» со схемой Л.С. Выготского — схемой отношений инструментальных и естественных процессов). ... Основная цель схемы Ю. Энгестрёма — показать социальную и общественную природу человеческой деятельности, включая проблемную сферу общения, которую часто отделяют и противопоставляют орудийному и предметному аспектам деятельности» [10, с. 76]. В статье Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко «Л.С. Выготский и современная культурно-историческая психология (критический анализ книги М. Коула)» авторы еще в 2000 г. упоминали концепцию Ю. Энгестрёма: «Очевидно, вектор поиска М. Коула направлен в сторону концепций надиндивидуальных единиц деятельности. В частности, он обращает внимание на концепцию деятельности финского ученого Ю. Энгестрёма и его «расширенный треугольник опосредования». В этом треугольнике к трем элементам базового треугольника, представленного в работах Л.С. Выготского, добавлены еще три элемента: Правила, Сообщество и Разделение труда. Расширенный треугольник символически изображает индивидуальное опосредованное действие в социальном контексте» [15, с. 107].

Как следует из схемы, в систему деятельности включены следующие элементы: субъект, объект, инструменты, результаты, правила, общество, разделение труда [20]. В данной модели субъект может выступать в качестве отдельного человека или группы, которые выбираются как исходная точка анализа. Объект соотносится с «материальным объектом» или «проблемным пространством», в котором деятельность направляется. Объект преобразуется в результате деятельности посредством физических или символических, внешних или внутренних инструментов. Сообщество состоит из нескольких человек или нескольких групп людей, деятельность которых направлена на общий объект. Разделение труда отражает как раздельное выполнение задач, так и разделение власти и статусов в сообществе. Правила представляют собой принятые явно или неявно правила, нормы и договоренности, которые ограничивают взаимодействия в рамках системы деятельности.

Производство, потребление, обмен (коммуникации) и распределение рассматриваются как основные факторы человеческой деятельности, среди которых, согласно Ю. Энгестрёму, главную роль играет производство. Опираясь на идеи К. Маркса, автор описывает данные факторы в тесной связи друг с другом, подчеркивая их диалектическое единство.

Хочется обратить внимание читателей на параллельную идею, высказанную в обобщенной психологической концепции деятельности известного русского психолога Г.В. Суходольского [16]. Г.В. Суходольский рассматривает следующие процессы деятель-

ности, описывая функционирование деятельности: обеспечение, регуляция и саморегуляция, исполнение. При этом обеспечение понимается как своевременность и уместность поступления и расхода энергии, материалов и информации. Исполнение характеризуется эффективностью и удовлетворенностью. Регуляция и саморегуляция понимаются как реализация основной психологической функции управления. Очевидно, процессы деятельности, описанные в обобщенной концепции деятельности Г.В. Суходольского, раскрывают психологический аспект влияния общих факторов деятельности, включенных Ю. Энгestrёмом в схему деятельности. Субъект деятельности в концепции Г.В. Суходольского также представлен отдельными субъектами или совокупными субъектами.

Однако представление о «треугольниках Энгestrёма» будет неполным без обращения к противоречиям в системах деятельности. Ю. Энгestrём ссылается на фундаментальные представления Э.В. Ильенкова о противоречиях как движущих силах изменения и развития систем деятельности, о том, что первичное противоречие капитализма заключается в противоречии между потребительской стоимостью и рыночной стоимостью каждого предмета потребления. Данные первичные противоречия в объекте деятельности порождают вторичные противоречия между элементами системы деятельности — объектом и инструментами, между объектом и правилами. Идея внутренних противоречий как движущей силы изменений и развития в системах деятельности, представленная Ильенковым, рассматривается Ю. Энгestrёмом как основной принцип практических исследований.

Интересно, что в статье Н.Н. Вересова, который часто выступает в роли критика западного прочтения культурно-исторической концепции и психологической теории деятельности, приводится опыт интерпретации общего генетического закона культурного развития Л.С. Выготского, включающий противоречия как основную двигательную силу развития. Л.С. Выготский писал следующее: «Мы можем сформулировать общий генетический закон культурного развития в следующем виде: всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва социальном, потом — психологическом, сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая. Это относится одинаково к произвольному вниманию, к логической памяти, к образованию понятий, к развитию воли» [6]. Н.Н. Вересов предполагает, что Выготский использует слово «категория» в значении «конфликт», «столкновение», что, как полагает Вересов, типично для художественной среды того времени, приводя аргументы в защиту данного предположения. Противоречия как феномен в системе деятельности, по мнению Энгestrёма, возникают в результате включения новых действий в систему деятельности и могут привести к появлению ее новых форм.

Выше было упомянуто, что Ю. Энгestrём выделяет три теоретических поколения в эволюции культурно-исторической теории деятельности [26]. Первое поколение основано на идее опосредствования Л.С. Выготского, которая была сформулирована в модели «сложного, опосредствованного действия». Опосредствованное действие выражается как триада субъекта, объекта и опосредствующего артефакта. Основное достижение первого поколения заключается в признании роли культурных средств. Объекты становятся сутью культуры, и ориентация действия на объект — ключом к пониманию человеческой психики. Ограничение первого поколения теории деятельности, по мнению Ю. Энгestrёма, состоит в том, что единица анализа деятельности остается в сфере индивидуального. Это было преодолено вторым поколением теории и работами А.Н. Леонтьева. Появление новых общих предпосылок открыло перспективы третьему поколению теории деятельности, которое развивается в настоящее время. К новым особенностям третьего поколения Ю. Энгestrём относит следующие: фокус на интеграцию систем деятельности, их частично разделяемые объекты и противоречия в системах деятельности; интерес к социальной проблематике крупномасштабных «трудно контролируемых объектов»; интерес к новым изменяющимся типам совместной работы без «границ»; а также новую методологию формирующих интервенций; «Method of Change Laboratory» (метод «Лаборатория изменений»). Третье поколение теории деятельности направлено на то, чтобы создать инструменты для понимания взаимодействий, множественных перспектив развития систем деятельности и сетей взаимодействующих систем деятельности.

Методологические принципы деятельностной концепции обучения и развития Ю. Энгestrёма

Методологические принципы деятельностной концепции обучения Энгestrёма включают основное положение, рассматривающее интервенцию или вмешательство в структуру деятельности как основной способ ее изучения. Аргументация данного подхода исходит из метода двойной стимуляции Выготского (известного как метод Выготского — Сахарова), возведенного в ранг принципа. Описание данной методики можно найти в учебнике В.В. Корниловой [12]. Метод восхождения от абстрактного к конкретному, развиваемый В.В. Давыдовым, также рассматривается как основной методологический принцип изучения деятельности [8].

Ю. Энгestrём рассматривает принцип двойной стимуляции как механизм «выхода» из критической ситуации, критического конфликта. Данная идея основывается на концепции переживания Ф.Е. Василюка, который определяет критическую ситуацию так: «...ситуация невозможности, т. е. та-

кая ситуация, в которой субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних потребностей своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей и пр.)» [4]. Создавая второй стимул, человек изменяет условия ситуации и выходит из противоречия. Второй стимул «создается» самим субъектом, формируя ситуацию изнутри, позволяя управлять своим поведением через дополнительные стимулы. Дополнительный, второй стимул включается в исходную противоречивую для субъекта ситуацию, придавая новое значение внешним сигналам, которые ранее не имели смысла. Второй стимул позволяет человеку создать условия для управления своим поведением. При этом в противоречивой ситуации второй стимул является сигналом о необходимости совершить выбор и соответствующее действие. По существу, принцип двойной стимуляции рассматривается как механизм саморегуляции человека. Т.В. Корнилова пишет: «Контекст саморегуляции — в интересующем нас аспекте сознательной регуляции мышления, решений и действий человека — оказался наименее рефлексивным в последующее семидесятилетнее развитие отечественной психологии. И это при том, что именно разработка Л.С. Выготским методик «двойной стимуляции» и выполненные на их основе исследования (совместно с Л. Сахаровым, Ж. Шиф), казалось бы, подготовили необходимый задел для последующей конкретизации идеи опосредствования в отношении не только мышления, но и широкого понимания метакогниций» [11]. Ю. Энгестрём в своей концепции обучения и развития рассматривает принцип двойной стимуляции как основной методологический принцип, определяющий характер и форму интервенции, вмешательства в структуру деятельности. В отечественной психологии широко известная «теория ... формирования умственных действий» П.Я. Гальперина глубоко теоретически и практически разрабатывала эту идею под именем «ориентировочной основы действия» (примеч. ред.).

Метод «восхождения» от абстрактного к конкретному связан с тем, как В.В. Давыдов понимал единицу, или, как он говорил, «клеточку» деятельности: «Единица или клеточка сознательной деятельности состоит из первоначального своего пункта — коллективного характера выполнения этой деятельности коллективным субъектом или командой» [7]. Из этого следует, что «интериоризация есть не что иное, как превращение коллективной деятельности, выполняемой коллективным субъектом, в индивидуальную деятельность, выполняемую индивидуальным субъектом» [там же]. Таким образом, принцип восхождения от абстрактного к конкретному отражает изучение процесса «превращения коллективной деятельности в индивидуальную». Опираясь на данные методологические основания, Ю. Энгестрём активно развивает деятельностьную концепцию экспансивного обучения, понимая обучение как сложный, неоднозначный процесс.

Теория экспансивного обучения Ю. Энгестрёма

Ю. Энгестрём [18] предложил пересмотреть феномен развития в трех параллельных аспектах:

вместо того чтобы понимать развитие как «мягкое» достижение совершенства, понимать его как частично разрушительное отрицание старого;

переместить исследовательский фокус с изучения индивидуальных изменений на изучение развития как процесса коллективных трансформаций;

в дополнение к исследованию вертикального движения через уровни рассматривать развитие также как горизонтальное движение через границы.

В рамках данного взгляда на развитие Энгестрём говорит о новом, исторически сложившемся типе обучения — экспансивном обучении. В отличие от традиционного обучения, экспансивное обучение описывается как исторические трансформации труда, внутренние противоречия производства и организации труда, и в каждом случае предполагает овладение новыми типами деятельности [17].

С точки зрения Энгестрёма [там же], когда необходимо изменение всей системы деятельности, процесса труда и организации труда, традиционных способов обучения недостаточно. Необходимо экспансивное обучение. В статье «Studies of expansive learning: Foundations, findings and future challenges» (Исследования экспансивного обучения: основания, открытия и предстоящие задачи), вышедшей в 2010 г., Ю. Энгестрём и А. Саннино проводят анализ особенностей экспансивного обучения, подводят промежуточный итог по результатам развития концепции в теории и на практике [24].

1. Экспансивное обучение представляет собой движение от отдельных действий к целостной деятельности.

2. Индивидуально-ориентированное понятие «зоны ближайшего развития» (ЗБР), введенное Л.С. Выготским, перерабатывается для применения в развитии и обучении на уровне коллективной деятельности. В данном применении ЗБР получила новое определение как пространство для экспансивного перехода от действий к деятельности [25].

3. Теория экспансивного обучения разрабатывается как практическое применение теории деятельности, поэтому важная роль отводится понятию объекта. Следуя идеям А.Н. Леонтьева, выделяются две «стороны» объекта: он представляется не только как «материал», но и как ориентированная в будущее цель деятельности, как носитель мотива.

4. Основываясь на представлениях Э.В. Ильенкова о противоречиях, теория экспансивного обучения рассматривает противоречия как исторически развертывающиеся напряжения, которые можно отследить и преодолеть в реальной системе деятельности.

5. Принцип восхождения от абстрактного к конкретному В.В. Давыдова в рамках теории экспан-

сивного обучения понимается как метод определения сути объекта путем прослеживания и воспроизведения логики его развития, истории формирования через проявление и разрешение его внутренних противоречий. Идея В.В. Давыдова об учебных действиях также нашла свое отражение в данной концепции и развита для применения за пределами школы.

6. Идея Л.С. Выготского об опосредовании знаками и инструментами применена в концепции экспансивного обучения принципа двойной стимуляции.

7. Экспансивное обучение соответствует типу логического обучения «Обучение-III» по Бейтсону — обучение как способность изменять поведение на основе полученного сигнала [2]. Грегори Бейтсон пишет: «Нулевое обучение характеризуется специфичностью отклика, который не подлежит исправлению, будь он хоть правильным, хоть ошибочным. Обучение-I есть изменение специфичности отклика благодаря исправлению ошибок выбора внутри данного набора альтернатив. Обучение-II есть изменение в процессе Обучения-I, т. е. корректирующее изменение набора альтернатив, из которых делается выбор; либо это есть изменение разбиения последовательности опыта. Обучение-III есть изменение в процессе Обучения-II, т. е. корректирующее изменение в системе наборов альтернатив, из которых делается выбор. Обучением-IV было бы изменение Обучения-III, но кажется, что оно не встречается ни у каких взрослых организмов на Земле. Однако эволюционный процесс создал организмы, онтогенез которых выводит их на Уровень III. Комбинация филогенеза и онтогенеза фактически достигает Уровня IV» [1, с. 16]. Как следует из приведенных определений, Обучение-III является наивысшим уровнем обучения, достигаемым индивидом.

8. В рамках теории экспансивного обучения также применяется идея Бахтина о гетероглоссии (или разноязычии): все конфликтующие и дополняющие друг друга мнения разных групп и слоев в деятельностной системе должны быть приняты во внимание и использованы.

Экспансивное обучение ведет к формированию нового, расширенного объекта и способа деятельности, которая направлена на этот объект. Таким образом, этот процесс включает формирование концепции деятельности, основанной на моделировании исходного простейшего отношения, «клеточки», которая порождает новую деятельность и генерирует ее различные конкретные проявления.

Основываясь на теории развивающего обучения В.В. Давыдова, Энгестрём за основу берет принцип восхождения от абстрактного к конкретному, которое достигается эпистемологическими или учебными действиями. Вместе данные действия формируют экспансивный цикл или спираль. По Ю. Энгестрёму и А. Саннино [24], «идеальная», типичная последовательность эпистемологических действий или этапов (на практике они могут следовать в немного дру-

гом порядке) в экспансивном цикле происходит таким образом (рис. 4):

Рис. 4. Экспансивный цикл. Последовательность действий в цикле экспансивного обучения [24]

первый этап (*вопросы*) — вопросы, сомнения, критика или отрицание некоторых аспектов принятой практики или существующих знаний;

второй этап (*анализ*) — анализ ситуации. Анализ включает мысленную, дискурсивную или практическую трансформацию ситуации с целью выяснения причин происходящего. Анализ включает вопрос «Почему?» и заключается в объяснительных принципах. Один из типов анализа — это историко-генетический, который нацелен на объяснение ситуации через прослеживание происхождения и развития. Другой тип — актуально-эмпирический, который пытается объяснить текущую ситуацию путем конструирования картины внутренних системных отношений;

третий этап (*моделирование*) — моделирование найденных новых объяснительных принципов. Происходит конструирование точной, упрощенной модели новой идеи, которая объясняет проблемную ситуацию и предлагает ее решение;

четвертый этап (*проверка*) — проверка модели, использование и экспериментирование с целью полного понимания ее динамики, потенциала и ограничений;

пятый этап (*внедрение новой модели*) — практическое применение созданной модели, ее обогащение и концептуальное расширение;

шестой или седьмой этапы (*размышление над процессами, закрепление новой практики как постоянного нового способа действия*).

Для описания данного процесса авторы используют как термин «цикл», так и «спираль», что говорит о возможности прохождения как одного цикла в процессе экспансивного обучения, так и последовательности из нескольких циклов.

Описанный процесс экспансивного обучения положен в основу практического применения теории экспансивного обучения — метода «Лаборатория изменений» [19]. Метод «Лаборатория изменений» (Change Laboratory) выступает как диагностический

и развивающий метод «формирующей интервенции», который учитывает сопротивление и активность участников, основан на принципе двойной стимуляции Л.С. Выготского, построен на анализе системы коллективной деятельности и ее противоречий, используемых в качестве источников изменений и развития.

Дискуссии о проблемах исследований в рамках психологической теории деятельности не утихают. Как пишет в своей статье «Activity theory as an activist and interventionist theory» А. Саннино, теория деятельности с первых ее шагов развивается как активная интервенционистская теория, предполагающая динамику и установление связей между ее классической традицией и имеющимися социальными изменениями [26]. При этом деятельность как форма социальной практики развивается посредством концептуальных представлений относительно предмета деятельности. Данные концептуальные представления в основном опосредствованы теоретическими моделями, текстами, видеозаписями, или компьютерными программами, которые выступают как первые или вторые стимулы, в соответствии с принципом двойной стимуляции. Основные методы интервенции основаны на взаимосвязанных процессах понимания противоречий, использовании вспомогательных артефактов в качестве вторых стимулов, получении нового понимания ситуации и контроля над ней.

Основной теоретический фокус новейших исследований международной команды Ю. Энгстрёма, включающей представителей из многих стран мира, прошедших научную «закалку» в Университете г. Хельсинки в Центре изучения деятельности, развития и обучения, которым руководит Ю. Энгстрём, направлен на исследование субъективности, формирование концептуальных моделей, развитие экспансивного обучения, предполагающей диалектическую связь обучаемых и обучающихся и противоречия между ними как источник развития творчества и самодетерминации [23].

Большой интерес у зарубежных коллег деятельностная концепция обучения и развития

Ю. Энгстрёма заслужила благодаря высокому потенциалу при исследовании и развитии различных форм и видов профессиональной деятельности. Можно привести в качестве примеров десятки практических проектов в различных отраслях деятельности, таких, как больницы, школы, газеты, театры, промышленные предприятия и др., которые используют интервенционистские методы исследования и развития Ю. Энгстрёма. Одним из последних примеров является проект развития академической библиотеки Университета Хельсинки, для реализации которого применялся метод «Change Laboratory», разработанный в рамках The Developmental Work Research methodology (Методологии развивающего исследования труда) [19; 27]. Основной задачей данного проекта было формирование новых форм работы библиотеки с исследовательскими группами Университета, потребности которых в библиотечных услугах во многом изменились из-за массовости электронных публикаций. В «Лаборатории изменений» приняли участие многие исследовательские группы Университета и работники библиотеки, которые вместе смогли найти новые модели для взаимодействия. Были разработаны специальные сервисы для нужд отдельных исследовательских групп, сформирована новая организационная структура библиотеки. Библиотека перестала быть местом лишь «для студентов», работники библиотеки стали кооперироваться с исследователями для развития информационных сервисов и удовлетворения их информационных нужд. Сформировался новый способ работы не только библиотеки, но также и исследователей [22].

Подводя итог, необходимо отметить, что деятельностная концепция экспансивного обучения и развития Ю. Энгстрёма направлена на исследование и моделирование деятельности в прикладном аспекте для решения практических задач различного рода организаций и профессиональных сообществ. Она реализует и развивает основные принципы культурно-исторической концепции и психологической теории деятельности.

Литература

1. Бейтсон Г. Логические категории обучения и коммуникации. М., 2002.
2. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума / Пер. Д.Я. Федотова. М., 2005.
3. Бэкхёрст Д. К вопросу об эволюции теории деятельности // Культурно-историческая психология. 2006. № 4.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.
5. Вересов Н.Н. Культурно-историческая психология Л.С. Выготского: трудная работа понимания (заметки читателя) // Новое обозрение. 2007. № 85.
6. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М., 1983.

7. Давыдов В.В. Новый подход к пониманию структуры и содержания деятельности // Вопросы психологии. 2003. № 2.
8. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М., 2004.
9. Дэниелс Г., Соарес А., Лидбеттер Д., МакНэб Н. Содействие продвижению творчества в школах: возможности применения теории деятельности // Культурно-историческая психология. 2007. № 2.
10. Корепанова И.А., Вишгородова Е.М. Концепция И. Энгстрёма — вариант прочтения теории деятельности А.Н. Леонтьева // Культурно-историческая психология. 2006. № 4.
11. Корнилова Т.В. Идея саморегуляции в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского // Психология человека в современном мире: 120 лет со дня рождения С.Л. Рубинштейна. Т. 2. Ч. 1. М., 2009.

12. Корнилова Т.В. Экспериментальная психология: Теория и методы: Учебник для вузов. М., 2002.
13. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004.
14. Максимов Н.В. Информационная среда науки и образования: от информационного обслуживания к распределенной системе управления знаниями // Информационное общество. 2009. № 6.
15. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Л.С. Выготский и современная культурно-историческая психология // Вопросы психологии. 2000. № 2.
16. Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. М., 2008.
17. Engeström Y. Learning by expanding: An activity-theoretical approach to developmental research. Helsinki, 1987.
18. Engeström Y. Development as breaking away and opening up: A challenge to Vygotsky and Piaget // Swiss Journal of Psychology. 1996. № 55.
19. Engeström Y. Putting Vygotsky to work: The Change Laboratory as an application of double stimulation // H. Daniels, M. Cole & J.V. Wertsch (Eds.), The Cambridge companion to Vygotsky. Cambridge, 2007.
20. Engeström Y. The activity system // Электрон. ресурс: <http://www.helsinki.fi/cradle/activitysystem.htm> (01.09.2012).
21. Engeström Y. From design experiments to formative interventions. Theory & Psychology. 2011. № 21 (5).
22. Engeström Y., Kaatrakoski H., Kaiponen P. et al. Knotworking in Academic Libraries: Two Case Studies from the University of Helsinki // Liber quarterly. 2012. № 21, (3/4).
23. Engeström Y., Sannino A. Whatever happened to process theories of learning? // Learning, Culture and Social Interaction. 2012. № 1.
24. Engeström Y., Sannino A. Studies of expansive learning: Foundations, findings and future challenges // Educational Research Review. 2010. № 5.
25. Learning and expanding with activity theory / Ed. by Annalisa Sannino, Harry Daniels, Kris D. Gutierrez. Cambridge, 2009.
26. Sannino A. Activity theory as an activist and interventionist theory // Theory and psychology. 2011. № 21.
27. Sannino A. Experiencing conversations: Bridging the gap between discourse and activity // Journal for the Theory of Social Behavior. 2008. № 38 (3).

Fundamentals of Engestrom's Activity-Theoretical Concept of Expansive Learning and Development

L.P. Vetoshkina

doctoral student, University of Helsinki, Institute of Behavioral Sciences, Center for Research on Activity, Development and Learning

L.N. Goryunova

senior lecturer at the Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University

The paper focuses on the main ideas of activity-theoretical concept of expansive learning developed by Yrjo Engestrom. The aim of this current review is to outline the conceptual perspectives of applied psychological research in various areas of human work activity. The paper highlights the basic conditions and developmental stages of expansive learning concept, its methodological principles (including the basic principle, according to which intervention is considered the most effective way of exploring human activity), and key methods. The paper also describes the characteristics of the new type of historically evolved learning: expansive learning.

Keywords: theory of activity, expansive learning, activity-theoretical approach to learning and development.

References

1. *Bateson G.* Logicheskie kategorii obucheniya i kommunikacii. M., 2002.
2. *Bateson G.* Shagi v napravlenii ekologii razuma / Per. D.Ya. Fedotova. M., 2005.
3. *Bakhurst D.* K voprosu ob evolyucii teorii deyatel'nosti // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2006. № 4.
4. *Vasilyuk F.E.* Psihologiya perezhivaniya. Analiz preodoleniya kriticheskikh situacii. M., 1984.
5. *Veresov N.N.* Kul'turno-istoricheskaya psihologiya L.S. Vygotskogo: trudnaya rabota ponimaniya (zametki chitatel'nykh) // Novoe obozrenie. 2007. № 85.
6. *Vygotskii L.S.* Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 3. M., 1983.
7. *Davydov V.V.* Novyi podhod k ponimaniyu struktury i sodержaniya deyatel'nosti // Voprosy psihologii. 2003. № 2.
8. *Davydov V.V.* Problemy razvivayushogo obucheniya. M., 2004.
9. *Daniels H., Soares A., Lidbetter D., MakNeb N.* Sodeistvie prodvizheniyu tvorchestva v shkolah: vozmozhnosti primeneniya teorii deyatel'nosti // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2007. № 2.
10. *Korepanova I.A., Vinogradova E.M.* Konceptiya I. Engestrema – variant prochteniya teorii deyatel'nosti A.N. Leont'eva // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2006. № 4.
11. *Kornilova T.V.* Ideya samoregulyacii v kul'turno-istoricheskoi koncepcii L.S. Vygotskogo // Psihologiya cheloveka v sovremennom mire: 120 let so dnya rozhdeniya S.L. Rubinshteina. T. 2. Ch. 1. M., 2009.
12. *Kornilova T.V.* Eksperimental'naya psihologiya: Teoriya i metody: Uchebnyk dlya vuzov. M., 2002.
13. *Leont'ev A.N.* Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M., 2004.
14. *Maksimov N.V.* Informacionnaya sreda nauki i obrazovaniya: ot informacionnogo obsluzhivaniya k raspredelennoi sisteme upravleniya znaniyami // Informacionnoe obshestvo. 2009. № 6.
15. *Mesheryakov B.G., Zinchenko V.P.* L.S. Vygotskii i sovremennaya kul'turno-istoricheskaya psihologiya // Voprosy psihologii. 2000. № 2.
16. *Suhodol'skii G.V.* Osnovy psihologicheskoi teorii deyatel'nosti. M., 2008.
17. *Engeström Y.* Learning by expanding: An activity-theoretical approach to developmental research. Helsinki, 1987.
18. *Engeström Y.* Development as breaking away and opening up: A challenge to Vygotsky and Piaget // Swiss Journal of Psychology. 1996. № 55.
19. *Engeström Y.* Putting Vygotsky to work: The Change Laboratory as an application of double stimulation // H. Daniels, M. Cole & J.V. Wertsch (Eds.), The Cambridge companion to Vygotsky. Cambridge, 2007.
20. *Engeström Y.* The activity system // Электрон. ре-супс: <http://www.helsinki.fi/cradle/activitysystem.htm> (01.09.2012).
21. *Engeström Y.* From design experiments to formative interventions. Theory & Psychology. 2011. № 21 (5).
22. *Engeström Y., Kaatrakoski H., Kaiponen P. et al.* Knotworking in Academic Libraries: Two Case Studies from the University of Helsinki // Liber quarterly. 2012. № 21, (3/4).
23. *Engeström Y., Sannino A.* Whatever happened to process theories of learning? // Learning, Culture and Social Interaction. 2012. № 1.
24. *Engeström Y., Sannino A.* Studies of expansive learning: Foundations, findings and future challenges // Educational Research Review. 2010. № 5.
25. Learning and expanding with activity theory / Ed. by Annalisa Sannino, Harry Daniels, Kris D. Gutierrez. Cambridge, 2009.
26. *Sannino A.* Activity theory as an activist and interventionist theory // Theory and psychology. 2011. № 21.
27. *Sannino A.* Experiencing conversations: Bridging the gap between discourse and activity // Journal for the Theory of Social Behavior. 2008. № 38 (3).

О некоторых аспектах проблемы «культура и личность»¹

Д.А. Леонтьев

доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, заведующий лабораторией проблем развития личности лиц с ОВЗ Московского городского психолого-педагогического университета, академик Российской академии образования

В статье дан теоретический анализ проблемы влияния социокультурной среды на формирование и развитие личности. Рассмотрены основные подходы к этой проблеме, в том числе культурно-историческая психология, теория социального характера, культурная антропология, кросс-культурные исследования и культурная психология. Исходя из положения о полисоциальной природе человека, выделены различные слои социокультурного окружения, которые вносят вклад в процессы социализации и окультуривания индивида. Специально проанализировано соотношение социального и культурного, которое понимается в работе как соотношение необходимого и возможного в социокультурной детерминации личностного развития. Проанализированы аспекты, в которых социокультурная среда влияет на развитие личности. Основной вывод работы заключается в различении двух аспектов формирующего влияния социокультурной среды: культивирования инвариантных, культурно неспецифических механизмов социальной регуляции жизнедеятельности личности (цивизованности) и усвоения конкретных культурно-специфических знаково-символических и ценностно-смысловых регуляторов (культурной идентичности).

Ключевые слова: личность, общество, культура, социализация, развитие, саморегуляция, цивилизованность.

Работы, в которых так или иначе рассматривается культурный аспект формирования психологических характеристик индивида, на сегодняшний день достаточно многочисленны и разнообразны. Если поначалу психология культурного развития выступала одним из направлений в психологии, причем достаточно маргинальным, то сейчас она включается как один из разделов в обобщающие источники по психологии развития. Вместе с тем, хотя в них вычлняется общее ядро — положение о том, что культура существенным, если не определяющим, образом влияет на формирование самых разных психологических характеристик индивида, конкретное понимание природы и механизмов этого влияния далеко от однозначности. Различные авторы имплицитно исходят из совершенно разных и почти не соотнесенных между собой представлений как о том, что можно рассматривать в качестве независимой переменной в этом анализе (о культуре как специфической среде существования и развития человека), так и о том, что можно рассматривать в качестве зависимых переменных — тех психологических характеристиках, развитие которых является фокусом анализа, а также о механизмах этого влияния.

Данная статья не претендует на наведение порядка в этой сложнейшей и важнейшей междисципли-

нарной области наук о человеке и обществе, и даже на сколько-нибудь репрезентативную систематизацию основных проблем и точек зрения. Ее цель гораздо скромнее — попытаться дать более дифференцированный, расчлененный взгляд на указанную проблему, выделив основные ориентиры и эвристики, учет которых позволит более продуктивно ставить и решать вопросы конкретных исследований.

Парадигмы культурной психологии

Положение о том, что культура является существеннейшим фактором развития личности, стало общепризнанным в психологии сравнительно недавно. Действительно, вплоть до 1970-х гг. в западной психологии преобладала парадигма асоциальности: все исходящее от социального окружения, рассматривалось как давления, идущие вразрез с глубинными устремлениями личности, к которым в лучшем случае удается более или менее эффективно адаптироваться на основе «принципа реальности» (З. Фрейд), а в худшем — они становятся источником постоянных внешних и внутренних конфликтов и ведут в конечном счете к искажению «подлинной» внутренней природы личности. Подобная позиция объединяла большинст-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №12-06-00403.

во школ и направлений, в других отношениях резко расхопившихся в своих взглядах, например, психоанализ (З. Фрейд), бихевиоризм (Дж. Уотсон, Б.Ф. Скиннер), гуманистическая психология (К. Роджерс, А. Маслоу). В Советском Союзе в тот же период господствовала противоположная крайность — пансоциальная позиция, согласно которой максимально полное и адекватное усвоение социокультурных матриц служит единственной позитивной основой личностного развития.

Исключением явился культурно-исторический подход, предложенный Л.С. Выготским [7], который увидел во взаимодействии индивида и общества не конфликтное взаимодействие, а тот процесс, в котором и формируются основы человеческого в человеке. Как известно, Выготский успел достаточно подробно развернуть свои теоретические положения и найти им экспериментальные подтверждения лишь на материале развития познавательных процессов; применительно к психологии личности он успел сформулировать только немногочисленные разрозненные идеи, хотя некоторые из них трудно переоценить, например мысль о взаимосвязи усвоения социального опыта и овладения собственным поведением, в котором он видел сущность личности. Как идеи самого Выготского, так и их последующее развитие его учениками и последователями (А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович, Б.В. Зейгарник, А.Г. Асмолов, В.И. Слободчиков, Е.В. Субботский и др.) достаточно хорошо известны, и здесь мы не будем на них останавливаться, хотя дальнейший анализ и положения, формулируемые в статье, являются, по нашему убеждению, прямым развитием этих идей.

Одной из первых, если не первой, теорией личности, отразившей существенные особенности взаимодействия индивидуально-личного и социального, избегнув обеих обозначенных выше крайностей, стала не утратившая своего значения теория социального характера Э. Фромма, основанная на оригинальном синтезе историко-социологических идей К. Маркса и психоанализа З. Фрейда. Понимая под характером форму человеческой энергии, возникающую в процессе динамической адаптации человеческих потребностей к определенному образу жизни в конкретном обществе, Э. Фромм определяет социальный характер как «совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни» [26, с. 230]. Другими словами, «социальный характер формируется образом жизни данного общества» [там же, с. 246]. Касаясь функции социального характера для индивида, Фромм пишет: «приспосабливаясь к социальным условиям, человек развивает в себе те черты характера, которые побуждают его хотеть действовать именно так, как ему приходится действовать.... Таким образом, социальный характер интериоризирует внешнюю необходимость и тем самым мобилизует человеческую энергию на выполнение задач данной социально-экономической систе-

мы» [там же, с. 235, 236]. Строго говоря, эту интериоризацию обеспечивают практики воспитания, которое «должно сформировать его характер таким образом, чтобы он приближался к социальному характеру, чтобы его собственные стремления совпадали с требованиями его социальной роли» [там же, с. 237].

Хотя уже в 1920—1930-е гг. начинают появляться взгляды, содержательно раскрывающие роль культуры в развитии человека (идеи аналитической психологии К.Г. Юнга, культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, символического интеракционизма Дж. Г. Мида), тем не менее подлинная конвергенция стала реальностью лишь начиная с 1970-х гг. Запад открыл для себя доселе неизвестного Выготского и забытого и лишь посмертно опубликованного Мида, обратив внимание на их сходство [37], а в нашей стране прямолинейные упрощенные взгляды на социальность личности сменились более многомерными и многофакторными [12; 15 и др.]. Активно развивавшиеся с 1930-х гг. описательные исследования конкретных культур в парадигме культурной антропологии (Б. Малиновский, Л. Уайт, А.Л. Крёбер, М. Мид, Р. Бенедикт, К. Клакхон и др.) дали толчок развитию сравнительно-культурных исследований в психологии. Период расцвета этого направления в 1940—50-е гг. постепенно вызвал к жизни острую методологическую критику: подход, в частности, упрекали в упрощении, в представлении о культуре как гомогенной, в игнорировании социальной структуры обществ и в использовании преимущественно нестрогих методов сбора данных. Эта критика привела к его угасанию к началу 1960-х гг. [41, с. 18].

В 1990-е годы стала складываться регулярная практика сравнительных кросс-культурных исследований разнообразных психологических проявлений. Это направление отличало и отличает противоположная культурной антропологии крайность: фиксация на отдельных четко измеряемых показателях в ущерб пониманию общей структуры психологических свойств и характеристик личности и онтологии той психологической реальности, которая стоит за измеряемыми показателями.

В наибольшей степени эти недостатки проявились как раз в изучении личности в парадигме личностных черт. Наиболее показательны в этом отношении два сюжета. Первый проявляется в расхожем противопоставлении коллективизма и индивидуализма как двух полюсов шкалы, применяемой в последние два десятилетия в сравнительно-культурных исследованиях для характеристики тех или иных культур (см., напр.: [13, с. 45—57; 25, с. 209—227]) и основанных на этой шкале альтернативных моделях «отдельной субъектности» (*disjoint agency*) и «совместной субъектности» (*conjoint agency*) (см.: [31]). В последнее время усиливается осознание того, что их противопоставление друг другу неправомерно и неконструктивно, что индивидуализм и коллективизм являются не противоположными полюсами одной бинарной шкалы, а независимыми установками, которые могут сочетаться между со-

бой. Так, новозеландские ученые разработали новый опросник для изучения коллективизма и индивидуализма как двух независимых измерений, причем каждое из них, в свою очередь, неоднородно: индивидуализм подразделяется на личную ответственность, своеобразие и самостоятельность, а коллективизм — на поиск советов при принятии решений и стремление к межличностной гармонии [38]. Недавние кросскультурные исследования с использованием этого опросника (Б. Шулуф, доклад на 14-й Европейской конференции по психологии личности, Тарту, Эстония, июль 2008) показали, что эти два измерения действительно независимы друг от друга, и что культуры, которым традиционно приписывался коллективизм (например, китайская), характеризуются низкими значениями по обоим шкалам. Другими словами, за теми психологическими проявлениями, которые мы называем словами «коллективизм» и «индивидуализм», может стоять разная психологическая реальность, которая не открывается при психометрическом, в том числе кросс-культурном, подходе к ним.

Второй сюжет связан с историей изучения универсальной базовой структуры личности. Как известно, первым поставил и решил эту задачу, отталкиваясь от всей базы слов английского языка, обозначающих индивидуально-психологические характеристики, Р. Кеттелл, результатом чего стал его известный 16-факторный опросник. Именно по причине его конструкции, этот опросник не может быть переведен на другие языки, сохранив свою валидность; он валиден лишь для носителей английского языка, причем в варианте (тезаурус) 60-летней давности. Намного более удобными оказались опросники, разработанные на базе 5-факторной структуры личности, выявленной в 1970–1980-е гг. («Большая пятерка» личностных черт), и доказавшие устойчивость и универсальность этой структуры. Не удивительно, что большой объем работы был направлен на обоснование кросс-культурной устойчивости этих характеристик (см. напр.: [32]). В целом все пять базовых черт хорошо поддаются измерению в разных культурах, из чего делается вывод, что они отражают общевидовые особенности Homo Sapiens. Межкультурные различия не слишком велики, однако превышают индивидуальный внутрикультурный разброс, и тем больше, чем больше географическая дистанция между соответствующими странами. Вместе с тем эти данные не дают оснований утверждать, что изучаемые характеристики поведения для представителей разных культур имеют один и тот же смысл [40]. Кроме того, согласно одной из теоретических моделей [28], в культурах, относящихся к индивидуалистским, черты личности определяют поведение в большей мере, чем в культурах, относящихся к коллективистским. Такая постановка вопроса, очевидно, выводит анализ за рамки психометрической парадигмы.

Более широкий синтез предлагает культурная психология, подчеркивающая, с одной стороны, свою преэминентность с разнообразными предшест-

венниками, начиная от И. Гердера и Дж. Вико, с другой стороны, свои отличия. От кросс-культурной психологии она отличается вниманием к содержательной, качественной стороне изучаемых феноменов и к их взаимосвязи и взаимообусловленности; тем самым, культурная психология представляет собой не столько новую, сколько обновленную область [39, с. 716].

В частности, применительно к проблеме личности в центр изучения ставятся не столько измеряемые индивидуальные особенности (personality traits), сколько «способ бытия субъектом в социальном мире» (self-functioning) [там же, с. 749]. Личность (self) определяется как «многогранная динамическая система, регулирующая и опосредующая поведение» [там же, с. 750]. Понятие self отличается от понятия personality содержательной осмысленностью, наличием внутреннего мира. «С позиции культурной психологии, личность (self) коренится в ментальностях и практиках (комплекс обычаев), ассоциированных с тем, как быть «я» (субъектом) в конкретной общности..... Культура задает сценарии того, «как быть» и как участвовать в качестве достойного члена в культурном сообществе и конкретных социальных контекстах. В то же время культурные психологи признают, что дети и взрослые активно формируют свои культуры, иницируя изменения в своих отношениях с другими и, тем самым, в своем непосредственном культурном окружении» [там же]. Понятие социальных практик бытия личностью (selfways) оказывается одним из центральных объяснительных понятий; люди живут не абстрактно, а согласно определенным структурам, обеспечивающим взаимопонимание в культуре (целям, ценностям, картинам мира). «Пути бытия личностью, однако, не вопрос убеждений, доктрины или идеологии, они проявляются также в повседневном поведении, языковых практиках, паттернах воспитания, в обучении, религии, работе, массовых коммуникациях и социальных ситуациях, как формальных, так и неформальных» [39, с. 754].

Таким образом, культурная психология предстает по сути как психология деятельностная, выдвигая на передний план конкретные культурно-обусловленные практики бытия в мире как ключевую объяснительную реальность. Осуществленный ею новый синтез представляется безусловно продуктивным; вместе с тем мы считаем важным дополнить его новым анализом, направленным на дифференциацию таких общих понятий, как понятия культуры и личности.

Зависимая переменная: личность

Мы ограничиваем поле анализа зависимых переменных областью психологии личности в широком смысле слова, имея при этом в виду, что принятый психологический термин «личность», будучи калькой с английского «personality», не соответствует

значению философского понятия «личность» (см. об этом: [10]). Правильнее было бы говорить «индивидуальность», потому что, как правило, то, что называется этим словом, в основном связывается с проблемой индивидуальных различий, индивидуально-своеобразия. В понятие же «личность» вложено гораздо более существенное и принципиальное содержание, не сводящееся к проблеме индивидуальных различий, в частности, охватываемое в англоязычной литературе однозначно не переводимым на русский понятием the Self.

Различие между этими двумя ракурсами понимания носит принципиальный характер. Мы неоднократно обращались к вопросам различия личности и психики как двух разных по своей природе объектов психологического анализа [16; 18; 23]. В иной плоскости лежит различие личности и индивидуальности [19; 21]. Объект рассмотрения здесь один и тот же, а именно человеческий индивид как целостная единица анализа, но предмет оказывается принципиально разным. Мы анализируем индивидуальность как упорядоченную систему измеряемых признаков (переменных), если подходим к этому объекту с позиций методологии классического естественнонаучного знания, т. е. с субъект-объектных позиций. Чтобы увидеть не индивидуальность, а личность, мы должны встать на позиции гуманитарной методологии, выходящей за рамки естественной каузальности и имеющей дело с объектами, обладающими не только внешними измеряемыми проявлениями, но и внутренним содержанием, которое может быть раскрыто в понимающем диалогическом отношении, смысл которого не декодируется, а интерпретируется [3, с. 430].

Важный шаг на пути к пониманию специфики личности сделал А.Г. Асмолов [2], стремящийся преодолеть расщепление единого процесса развития на биогенетическую, социогенетическую и персонегенетическую составляющие и различивший три момента схемы системной детерминации этого развития: индивидные свойства человека как предпосылки развития личности, социально-исторический образ жизни как источник развития и совместная деятельность как основание осуществления жизни личности в системе общественных отношений.

В специальной работе [23] мы попытались, напротив, максимально дифференцировать три линии, или измерения, человеческого развития, чтобы соотнести их между собой в их специфике и конкретности.

В первом измерении, которое мы назвали «Развитие 1», человек выступает как биологическая единица, решающая те же задачи, что и все живые существа. Все биологические единицы должны прийти из не вполне завершеного и незрелого состояния органов и функций к более зрелому, завершеному, в том числе актуализировать врожденные потенции. Конечный результат этого развития — морфологическое и функциональное созревание, позволяющее оптимальным образом приспособляться к окружающей действительности. Это движение от зародыше-

вого и детского, не вполне завершеного состояния, к взрослому, которое считается вполне завершенным, и к пику естественных возможностей, которое каждое живое существо может проявить в зрелости. «Развитие 1» универсально для всего живого.

«Развитие 2» — это социализация в широком смысле слова, ведомая императивной необходимостью максимально гармонично встраиваться в социальный организм, который в этом измерении развития опосредует все его отношения с миром. Задачи «Развития 2» характерны только для человека, и все люди вынуждены их так или иначе решать. У других живых существ такого нет, их «социальность» имеет другую природу, хотя внешне может иногда быть похожа. Считается, что человек успешно решил задачу социализации, если в процессе своего развития хорошо усвоил опыт значимых для него социальных групп и сообществ, все основные способы деятельности, которые требуются для того, чтобы гармонично функционировать как часть этого социального организма. В этом измерении любой человек похож на всех других людей, но не похож на представителей других видов. Помимо социализации, «Развитие 2» включает в себя определенную степень развития саморегуляции, без которой социальные нормы и ценности никогда не смогут стать регуляторами поведения человека. Это развитие приводит к формированию того, что обозначалось популярными одно время в культурной антропологии понятиями «базовая личность» или «модальная личность» (см. напр.: [13, с. 97–101; 14, с. 133–137]). Если мы характеризуем человека как социального индивида со стороны его содержательных ориентаций на нормы и сценарии определенной культуры, то со стороны психологических механизмов, посредством которых эти нормы и сценарии определяют его поведение, мы можем охарактеризовать его как базовую личность.

В третьем измерении, «Развитии 3», человек выступает как автономный субъект, как личность, решающая задачи выбора и самодетерминации собственной жизни. Цель развития человека в третьем измерении — собственный путь жизни, нахождение и построение собственной траектории. Эти задачи человек ставит сугубо индивидуально, как никто другой, исходя из контекста собственной жизни, собственных жизненных целей и т. д. Личность продолжает свой путь развития, перерастая конформную «базовую личность», самоопределяясь и дистанцируясь от социальных групп и общностей разного ранга, в которые она входит, развивая новые, более высокие формы саморегуляции и самодетерминации. Саморегуляционная основа личностного развития подчеркивается в концепции личностного развития К. Ратхунде и М. Чиксентмихайи [36]. Эти авторы утверждают, что, в отличие от других видов, у человека практически нет жестких запрограммированных реакций, а все виды и структуры поведения формируются через обучение, не прекращающееся на протяжении всей жизни. Вектор развития саморегуляции, он же вектор личностного развития, направлен в сторону увеличе-

ния психологической сложности и гибкости, позволяющей осуществлять выбор наиболее подходящих элементов репертуара доступных форм поведения или построение новых, вместо того чтобы быть жестко привязанными к одним из них.

В свою очередь, в «Развитии З» можно различить две фазы, 3А и 3Б.

На первом этапе (3А) личностное развитие носит служебный, вспомогательный характер по отношению к социализации. Задача нормального развития личности — стать самостоятельной личностью в психологическом и юридическом смысле слова, полноправным субъектом юридических отношений и отношений с другими людьми, т. е. вмняемым субъектом. Личностная эмансипация и развитие механизмов саморегуляции обеспечивают основу для принятия индивидом социальных норм и ценностей как ориентиров и критериев для своей деятельности и подчинения ее этим ориентирам и критериям. Это универсальный процесс, соответствующие требования и ожидания предъявляются к каждому, и его нарушения оставляют человека если не за бортом, то на обочине общества. Завершается «Развитие 3А» формированием «базовой личности» для данного общества, а формально — созреванием и совершеннолетием.

Личностное «Развитие 3Б», персоногенез за пределами базовой личности — это процесс факультативный. К нему нет нормативных требований, и каждый, кто выходит за рамки социальных требований, ставит себе цели и ориентиры личностного развития индивидуально. «Развитие 3Б» предполагает наличие «индивидуальной ситуации развития» и личных задач развития. В «Развитии 3Б» человек выступает как автономный субъект, как личность, решающая задачи выбора и самодетерминации собственной жизни.

Независимая переменная: культура

Обратимся теперь к культуре как источнику формирующих воздействий на личность. Любая культура представляет собой способ надындивидуальной регуляции социальных практик взаимодействия между собой людей, принадлежащих к одной социальной (культурной) общности. Только через усвоение этих регуляторов и подчинение им человек, изначально не принадлежавший к социальной группе, может стать ее членом, если группа признает его таковым. При всей вариативности конкретных правил и условий жизни в разных культурах, существует и нечто общее — сама способность людей добровольно подчиниться некоторому своду надындивидуальных норм, ограничивая свои непосредственные импульсы. Социальный способ жизни людей предполагает, таким образом, развитие особой формы саморегуляции их поведения (см.: [20]), которую можно рассматривать как первичную инвариантную основу любых форм социальности, способных развиваться на этой основе и принципиально невозможных без нее

(логический круг: А есть основа для развития В, которое может развиваться на основе А). Не круг, а, скорее, повтор. Правомерно отождествлять эту базовую, культурно-неспецифическую форму саморегуляции с тем, что в социологии называется цивилизованностью. «В цивилизованном обществе каждый взрослеющий человек принужден с большим или меньшим успехом и в большей или меньшей степени повторять тот путь, который на протяжении столетий в процессе цивилизации прошло общество» [27, с. 51]. Цивилизованность противопоставляется культуре как неспецифическое специфическому, общее вариативному. «Понятие цивилизации в известной степени снимает национальные различия, оно подчеркивает общее для всех людей, либо то, что должно стать таковым по мнению употребляющего это понятие» [там же, с. 61]. Соответствующий процесс усвоения норм и регуляторов цивилизованного поведения называется не окультуриванием, а культивированием индивида [там же, с. 60]. Н. Элиас характеризует этот процесс в терминах порождения внутреннего, которое не существует как нечто отграниченное от внешнего в природных механизмах психики. Лишь в ходе социогенеза индивида формируется то, что метафорически предстает как психологическая капсула, в которой заключено обособленное от остального содержание. «В качестве такой капсулы, такой невидимой стены воспринимаются средства сдерживания аффектов, усилившиеся механизмы самопринуждения... Они неуклонно препятствуют прямому переходу спонтанных импульсов в моторные действия — между ними вклинивается аппарат контроля. Именно они воспринимаются как капсула или невидимая стена, отделяющая индивида от «внешнего мира»... В капсулу заключаются сдержанные влечения и аффективные импульсы, не получающие непосредственного выхода к двигательному аппарату. В «опыте самого себя» они выступают или как нечто сокровенное, или как собственное «я», как ядро собственной индивидуальности» [там же, с. 40]. Происходит, отмечает Н. Элиас, переход от принуждения, господствующего в отношениях между людьми, к индивидуальному самопринуждению [там же, с. 39]. Это описание переключается с описанием перехода от «интерпсихического» к «интрапсихическому» и порождения внутреннего плана сознания в теории Л.С. Выготского [7].

Понятие культивирования сравнительно недавно стало также применяться в психологии в контексте изучения развития личности. «Наиболее полное развитие личности предполагает свободную организацию (ordering) психической энергии на уровне индивида, более широкой человеческой общности и социальных институтов, и окружения в целом. ... Человек, способный культивировать свои желания, цели общества, и законы природы, и согласовывать их между собой, успешно создает временную упорядоченность из потенциальной случайности» [29, с. 13]. Это понятие, по сути, соединяет в себе два смысла: преобразующего усилия, которое общество прикла-

дывает к индивиду (или индивид к себе), и культурных смыслов, направляющих этот процесс. В качестве предтечи подобного подхода к развитию правомерно рассматривать П. Жане, который писал про общество, которое создает индивида, прежде чем индивид начнет создавать сам себя [9].

В этой связи важно провести различие между часто смешиваемыми понятиями культуры и общества. Их часто рассматривают как по сути синонимичные, особенно если речь идет о прилагательных «социальный», «культурный», «социокультурный».

Более строгое их разведение представляется возможным, если признать, что социальное относится к культурному так же, как биологическое к органическому в понимании П.Я. Гальперина, который в 1970-е гг. высказал парадоксальный тезис: «У человека нет «биологического» (в том смысле, в каком оно есть и характерно для животных). Очевидно, нужно изменить и постановку вопроса: не «биологическое и социальное», а «органическое и социальное» в развитии человека. «Органическое» — это уже не содержит указания на «животное в человеке», не затрагивает проблем нравственности и ответственности. «Органическое» указывает лишь границы анатомо-физиологических возможностей человека и роль физического развития в его общем развитии. Эта роль совершенно бесспорна, очень важна и в определенных положениях становится решающей, но всегда остается неспецифической и относительной... Анатомо-физиологические свойства человеческого организма не предопределяют ни вида, ни характера, ни предельных возможностей человека и в этом смысле составляют уже не биологические, а только органические свойства. Они не причина, а только *condition sine qua non* (непрерывное условие) развития человека [8, с. 412, 414]. Можно сказать, что если биологическое у животных задает сферу необходимого в их жизнедеятельности, то органическое у человека соотносится, скорее, со сферой возможного, оно не определяет способов жизнедеятельности, а встраивается в способы жизнедеятельности, определяемые иными закономерностями.

Аналогично этому социальное определяет способ существования, так же как биологическое определяет биологические формы функционирования. Напротив, культурное, наподобие органического, — это то, что может встраиваться в более высокие закономерности, которые в данном случае задаются самоопределением личности по отношению к экзистенциальным проблемам своего существования. В развитой личности социального в точном смысле слова нет, оно преодолевается, снимается культурным. Если социальное (как и биологическое) соотносится со сферой необходимого, сферой «жестких» законов, то культурное (как и органическое) — со сферой возможного, сферой вариативных законов, в область действия которых индивид может вступать, а может и покидать ее, по-разному самоопределяясь по отношению к ним. Если социальное и биологическое направляют нас по силовым линиям необходимого

(пусть императивность социального и основана в очень большой степени на привычке и самовнушении), культурное и органическое снабжают нас громадным миром возможностей, которые разворачиваются перед личностью (см.: [11]). Именно личность определяет то, какими путями эти возможности встраиваются в ее жизнь.

Инварианты и варианты

В кросс-культурных исследованиях существует выраженная тенденция интерпретировать как биологически заданные те индивидуальные особенности, которые не обнаруживают существенных межкультурных вариаций. Тем самым культура воспринимается по преимуществу как источник вариативности психологических характеристик человека, а биология человека — как источник инвариантности. Такой тенденции нет применительно к познавательному развитию; здесь в культуре справедливо усматривается источник не только вариаций, но и инвариантности. Так, Дж. Брунер давно указывал: «...многие универсальные черты развития можно отнести за счет единообразия ряда черт различных культур. Человеческая культура порождает не только собственно культурные различия. Познавательное развитие, специфическое или сходное в условиях разных культур, немислимо без участия индивида в определенной культуре и в соответствующей языковой общности» [4, с. 26]. Однако применительно к личности вопрос о подобных инвариантах проработан существенно хуже. Отчасти поставить эту проблему в контексте психологии личности помогают соображения, согласно которым система таких кросс-культурных инвариантов выражается понятием «цивилизация».

Одной из иллюстраций подобных инвариантов служат универсальные кросс-культурные добродетели, выделенные К. Питерсоном и М. Селигманом [35] в рамках проекта «Ценности в действии» — классификации добродетелей и сил характера. В качестве добродетелей рассматриваются те ценности, которые признаются основополагающими и безусловными во всех или почти во всех культурах и обществах. Для их выделения был проведен анализ авторитетнейших основополагающих нравственно-философских текстов разных культур: Библии, Корана, Бхагавад-гиты, Талмуда, кодекса Бусидо, текстов Конфуция, Аристотеля и Фомы Аквинского. В результате были выделены шесть универсальных кросс-культурных добродетелей: мудрость, смелость, гуманность, социальность, умеренность и духовность. Возможно, отмечает Селигман, они в какой-то степени коренятся в биологии человека, но точно утверждать что-то по этому поводу нельзя.

О кросс-культурной инвариантности базовых добродетелей и производных от них более частных сил характера говорят результаты заполнения опросника «Ценности в действии», размещенного на веб-сайте

Пенсильванского университета, на выборке свыше 100 000 человек из десятков стран, которых объединяло лишь владение английским языком, на котором заполнялся опросник. Поразительно большое сходство сравнительной выраженности различных черт характера и добродетелей у посетителей сайта из разных стран (корреляции в среднем порядка 0,8), при котором смазываются культурные, этнические, расовые, религиозные, экономические и другие различия. Разброс данных случайно выбранных индивидов, представляющих одну и ту же страну, не превышает разброса данных случайно выбранных индивидов, представляющих разные страны и континенты. Иными словами, претензии авторов проекта на создание универсальной, кросс-культурной классификации добродетелей и сил характера получили серьезное подкрепление. Между жителями разных штатов США также не обнаруживается особых различий и не играют существенной роли переменные пола, возраста, образования, живет ли человек в штате, который голосовал на последних выборах за республиканцев или демократов. Единственная переменная, по которой обнаруживаются различия, — это религиозность, которая больше выражена в южных штатах, чем в остальных. Действительно, складывается впечатление, что эти результаты говорят о довольно универсальных характеристиках человеческой природы [33; 34]. Таким образом, добродетели выступают как кросс-культурные ценностные инварианты, однако их природа, насколько можно судить, не биологическая, а общецивилизационная, в них выражаются культурно инвариантные механизмы преодоления человеком своей биологической природы.

Таким образом, есть основания предположить, что социокультурное (в самом широком смысле) воздействие на формирование личности подразделяется на два процесса. Первый из них — культивирование личности — представляет собой инвариантное для разных культур развитие психологических механизмов саморегуляции, создающих принципиальную возможность социальной организации жизни людей — контроля ими своих непосредственных импульсов и подчинение их надындивидуальным, совместно выработанным регуляторам. Индивид признаёт их как высшие императивы, поскольку интеграция в социум имеет для него витальное значение — будучи отвергнут им, он не сможет выжить. Второй процесс — собственно социализация в ее традиционном понимании, т. е. усвоение смыслов, социальных практик, ценностей, мифов, нарративов и других знаково-символических структур, выработанных данным социумом в его историческом развитии и служащих основой психологической организации его членов в единую социокультурную систему, отграниченную от других аналогичных систем.

Важно учитывать, что человек не просто социален, а полисоциален — он существует не в единой социальной среде, а движется из одной социальной группы в другую, и эти группы могут различаться по ценностям, по опыту, который в этих группах накоп-

лен (см.: [22]). Есть люди, которые почти всю свою жизнь проводят в одном и том же социальном окружении; раньше, в традиционалистских обществах, это был типичный способ жизни для абсолютного большинства населения, с неизменным образом жизни и с неизменными условиями труда. Но по мере урбанизации, когда социальные слои и группы перемешиваются в городах, в одних социальных слоях сохраняется полная верность ригидной системе социальных правил и установлений, а в других динамично осваиваются новые и новые правила. Порой в рамках тех социальных групп, в которые входит человек, возникают взаимоисключающие требования. Один из самых типичных примеров этого — универсальный ролевой конфликт работающей женщины. Поэтому проблема социокультурной детерминации расслаивается и может рассматриваться отдельно для каждой из культур и субкультур, к которым принадлежит субъект.

Несоответствие норм и ценностей индивидов с разным этнокультурным происхождением, часто служит источником наиболее наглядных примеров; тем не менее это лишь частный случай гораздо более универсальных закономерностей. Об этом свидетельствует, в частности, профессиональный опыт создателя позитивной психотерапии Носсрата Пезешкиана, перса по происхождению, эмигрировавшего в ФРГ в студенческом возрасте (см.: [24]). Завершив профессиональное образование, он начал работать семейным консультантом в этнически смешанных семьях и быстро сформировал свой оригинальный подход: он обнаружил, что многие проблемы и взаимное непонимание в таких семьях возникают из-за несовпадения ценностей и норм, типичных для культуры каждого из супругов, и проводил успешную работу по осознанию этих несовпадений и превращению их из источника конфликтов в источник творческого развития. Постепенно его клиентура стала расширяться, и он стал работать с самыми разными семьями, в том числе этнически однородными. У них он обнаружил то же самое! Культурные контексты, служащие источником разных ценностей и норм и чреватые конфликтами при их несовпадении, отнюдь не сводятся к этнокультурным: как обнаружил Пезешкиан, в каждой семье — своя культура, обусловленная образованием, семейной историей, географическим происхождением, семейной профессиональной ориентацией и др. Взаимное непонимание между выходцами из семей потомственных финансистов, потомственных психологов, потомственных работников театра, потомственных воров и потомственных офицеров может быть ничуть не меньше, чем непонимание между немцем и китайкой, итальянкой и украинцем, египтянином и эстонкой.

Культуру социальной общности можно в первом приближении определить как систему обобщенных и объективированных в артефактах и знаковых системах групповых инвариантов коллективной психики представителей данной общности. В виде инварианта они выступают по отношению к членам данной общ-

ности; при сравнении соответствующих структур различных социальных групп они предстают как, наоборот, вариативные (см.: [18]). Наименьшей группой такого рода является устойчивая диада (удобнее всего рассматривать нуклеарную семью), в которой всегда присутствует вырабатываемая в ходе совместной жизни общая семейная история, мифология, система ценностей и норм и т.п., которая является общим достоянием этой микрогруппы как целого, а не ее индивидуальных членов. Далее можно рассматривать любые более или менее устойчивые реальные малые группы, каждая из которых является носителем своей субкультуры, а также большие группы (можно сослаться на классический анализ Р. Харре с соавт. знаково-символических оснований субкультуры британских футбольных болельщиков [30; см.: 6]). Свои культурные или субкультурные особенности имеют, помимо этнических, языковых и конфессиональных групп (деление по этим трем основаниям может не совпадать), и такие менее изученные группы, как профессиональные объединения, сообщества выпускников определенных школ и вузов (сплоченность таких сообществ прямо пропорциональна степени индивидуальной определенности и выраженности их знаково-символических и ценностно-мифологических оснований). Наконец, культурной общностью выступает население определенного региона. Например, различия московского и петербургского регионального характера отражаются не только в анекдотах, но и в культурологических монографиях (напр.: [5]). Вместе с тем в представлениях о региональном характере, как и в представлениях о национальном характере, больше отражаются исторически сложившиеся мифы и стереотипы, чем реально существующие различия. Немногочисленные эмпирические исследования на эту тему [1] заставляют с осторожностью отнести к возможности выделения устойчивых регионально-специфических свойств характера, хотя не опровергают возможности наличия этого феномена.

Особый интерес представляют возрастные субкультуры, объединенные общими интересами, и когортные, объединяемые общим прошлым. Возрастной и когортный аспекты нелегко разграничить, однако вполне очевидно, что психологические различия между людьми, детство и юность которых пришлось на советский период, на перестройку и на послеперестроечный период, в большей степени связаны с интенсивно менявшимися со временем внешними контекстами их социализации, чем собственно с их возрастом.

Заключение

Итак, рассмотрев в первом приближении основные проблемы культурного влияния на формирование личности, мы пришли к важности учета некоторых различий. Во-первых, формирующее влияние культуры проявляется по меньшей мере в

двояких результатах: (1) в культивировании общесовременных механизмов жизни в обществе, ограничении влияния природных императивов и формировании базовых механизмов саморегуляции и (2) в усвоении характерных для данной специфической культуры знаково-символических структур и ценностно-смысловых регуляторов (эти два аспекта можно обозначить, соответственно, как номокультурный и идиокультурный). Во-вторых, вопрос о влиянии необходимо ставить дифференцированно с учетом специфики тех личностных структур, которые оказываются в фокусе внимания. В-третьих, сама культурная среда в общем виде неоднородна, она расслаивается на различные культурные и субкультурные слои, связанные с социальными группами разного масштаба, в которые входит индивид, каждая из которых задает свою уникальную систему социокультурных регуляторов. В целом существенную роль должны играть не только традиционно учитываемые различия языка и этнической принадлежности, но и другие основания структурирования общества в широком смысле слова, каждая из которых задает свои требования к образу жизни и практикам участия индивида в обществе; их равнодействующей становится индивидуально вырабатываемый под давлением этих регуляторов стиль жизни личности (см.: [17]).

Наиболее важным представляется первое из перечисленных соображений, которое формулируется в данной работе впервые. По сути, в ней предложена версия соотношения понятий «общество», «культура» и «цивилизация» в контексте индивидуально-психологического развития. Цивилизация предстает как источник инвариантных требований к механизмам саморегуляции личности, необходимым для ее жизни в человеческом обществе; комплекс характеристик личности, соответствующей этим требованиям, можно назвать цивилизованностью, а нецивилизованностью — неспособность индивида к социальному образу жизни (понимание которого, разумеется, конкретно-исторично). Общество служит источником конкретных норм и ценностей, являющихся ориентирами и регуляторами индивидуального поведения членов данного социума; социальностью называется, соответственно, степень усвоения индивидом этих норм и ценностей, приводящая к тому, что он в целом успешно ориентируется на них в своем поведении, а асоциальностью — отсутствие ожидаемой ориентации на эти нормы. Наконец, культура — это возможности дальнейшей социализации и развития за пределами социальных норм с опорой на многообразные возможности, раскрываемые в процессе усвоения культурного опыта, культурность — индивидуальная тенденция к такому развитию, а некультурность — неготовность к такому развитию.

Дальнейшее развитие высказанных предварительных соображений предполагает перевод анализа в плоскость конкретных исследований, что и выступает задачей ближайшей работы.

Литература

1. Аллик Ю., Мыттус Р., Реало А. и др. Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому // Культурно-историческая психология. 2009. № 1.
2. Асмолов А.Г. Психология личности. М., 1990.
3. Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов // Бахтин М.М. Собр. соч.: Т. 6. М., 2002.
4. Брунер Дж.С. О познавательном развитии: I // Исследования развития познавательной деятельности / Под ред. Дж. Брунера, Р. Олвера, П. Гринфилд. М., 1971.
5. Ванчугов В.В. Московософия & Петербургология. Философия города. М., 1997.
6. Васильева Ю.А., Леонтьев Д.А. Этогенический подход к изучению социальных отклонений // Иностранная психология. 1994. Т. 2. № 2 (4).
7. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1983.
8. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука: Избранные психологические труды. М.; Воронеж, 1998.
9. Жане П. Психологическая эволюция личности. М., 2010.
10. Зинченко В.П. Мысль и слово Густава Шпета. М., 2000.
11. Иванченко Г.В. Социокультурное пространство как пространство возможностей: объективное и субъективное измерения // От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации: Сб. статей / Отв. ред. Е.В. Дуков, Н.И. Кузнецова. М., 1998.
12. Кон И.С. Социология личности. М., 1969.
13. Лебедева Н. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.
14. Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология. М., 2011.
15. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
16. Леонтьев Д.А. Личность: человек в мире и мир в человеке // Вопросы психологии. 1989. № 3.
17. Леонтьев Д.А. Индивидуальный стиль и индивидуальные стили — взгляд из 1990-х // Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А.В. Либина. М., 1998.
18. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 1999.
19. Леонтьев Д.А. Личность как преодоление индивидуальности: основы неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 2006.
20. Леонтьев Д.А. Становление саморегуляции как основа психологического развития: эволюционный аспект // Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В.И. Моросановой. М.; Ставрополь, 2007.
21. Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1.
22. Леонтьев Д.А. Кто я? Стратегии идентичности, тупики социальности и развязки личности // Философские науки. 2012. № 11.
23. Леонтьев Д.А. Личностное измерение человеческого развития // Вопросы психологии. 2013 (в печати).
24. Пезешкиан Н. Позитивная семейная психотерапия. М., 1992.
25. Триандис Г. Культура и социальное поведение. М., 2007.
26. Фромм Э. Человеческий характер и социальный процесс // Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
27. Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. Т. 1. М.; СПб., 2011.
28. Church A.T. Culture and personality: Towards an integrated cultural trait psychology // Journal of Personality. 2000. V. 69.
29. Csikszentmihalyi M., Rochberg-Halton E. The meaning of things: domestic symbols and the self. Cambridge, 1981.
30. Harre R., Clarke D., DeCarlo N. Motives and mechanisms: an introduction to the psychology of action. L.; N.Y., 1985.
31. Markus H.R., Kitayama S. Models of agency: Sociocultural diversity in the construction of action // Nebraska Symposium on Motivation. Vol. 49. Cross-Cultural Differences in Perspectives on the Self. Lincoln (NB), 2003.
32. McCrae R.R., Terracciano A., a.o. Universal features of personality traits from the observer's perspective: Data from 50 cultures // Journal of Personality and Social Psychology. 2005. V. 88. № 3.
33. Park N., Peterson C., Seligman M.E.P. Character strengths in fifty-four nations and the fifty US states // Journal of Positive Psychology. 2006. V. 1. № 3.
34. Peterson C. A Primer in Positive Psychology. N.Y., 2006.
35. Peterson C., Seligman M.E.P. (eds.) Character Strengths and Virtues: A Handbook and Classification. N.Y., 2004.
36. Rathunde K., Csikszentmihalyi M. The developing person: An experiential perspective // Handbook of Child Psychology / Ed. by W. Damon, R. Lerner. 6th ed. Vol. 1: Theoretical models of human development. N.Y., 2006.
37. Shotton J. Social accountability and selfhood. Oxford, 1984.
38. Shulruf B., Hattie J., Dixon R. Development of a new measurement tool for individualism and collectivism // Journal of Psychoeducational Assessment. 2007. V. 25. № 4.
39. Shweder R.A., Goodnow J.J., Hatano G. et al. The cultural psychology of development: one mind, many mentalities // Handbook of Child Psychology / Ed. by W. Damon, R. Lerner. 6th ed. V. 1: Theoretical models of human development. N.Y., 2006.
40. Weekley J., Ehlers C., Creglow A. Global assessment: The impact of culture on personality measurement (© 2009). <http://www.kenexa.com/getattachment/5d21e5e5-b78a-458b-8404-04edfaa3e7b9/Global-Assessment-The-Impact-of-Culture-on-Person.aspx>
41. Winter D., Barenbaum N. History of modern personality theory and research // Pervin L.A., John O.P. (eds.) Handbook of Personality Theory and Research. N.Y.; L., 1999.

Culture and Personality: On Some Aspects of the Problem

D.A. Leontiev

PhD in Psychology, professor at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; head of the Laboratory of Personality Development Problems of People with Disabilities, Moscow State University of Psychology and Education; member of the Russian Academy of Education

The paper provides a theoretical analysis of the influences of sociocultural environment on personality development. It reviews the main approaches to the problem, such as cultural-historical psychology, theory of social character, cultural anthropology, cross-cultural research and cultural psychology. Basing upon the idea of the polysocial character of the human nature, the paper defines various layers of sociocultural circle of an individual that contribute to his/her socialization and culturalization. Special attention is paid to the analysis of the correlation between the social and the cultural, with the correlation itself being understood as the relationship of the necessary and the possible in the sociocultural determination of personality development. Also, the paper analyzes the aspects in which the sociocultural environment affects personality development. The main conclusion of the current work is that there are two different aspects in the developmental impacts of the sociocultural environment: first, the cultivation of invariant, culturally non-specific mechanisms of social regulation of individual life and activities (civility); second, the acquisition of certain culturally specific sign-symbolic and value-meaning regulators (culture identity).

Keywords: personality, society, culture, socialization, development, self-regulation, civility.

References

1. Allik Yu., Myttus R., Realo A. i dr. Konstruirovaniye nacional'nogo haraktera: svoystva lichnosti, pripisyvaemye tipichnomu russkomu // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2009. № 1.
2. Asmolov A.G. Psikhologiya lichnosti. M., 1990.
3. Bahtin M.M. Rabochie zapisi 60-h — nachala 70-h godov // Bahtin M.M. Sobr. soch.: T. 6. M., 2002.
4. Bruner Dzh.S. O poznavatel'nom razvitii: I // Issledovaniya razvitiya poznavatel'noi deyatel'nosti / Pod red. Dzh. Brunera, R. Olvera, P. Grinfeld. M., 1971.
5. Vanchugov V.V. Moskvosofiya & Peterburgologiya. Filosofiya goroda. M., 1997.
6. Vasil'eva Yu.A., Leont'ev D.A. Eto-genicheskiy podhod k izucheniyu social'nyh otklonenii // Inostrannaya psikhologiya. 1994. T. 2. № 2 (4).
7. Vygotskii L.S. Istoriya razvitiya vysshih psihicheskikh funktsii // Vygotskii L.S. Sobr. soch.: V 6 t. T. 3. M., 1983.
8. Gal'perin P.Ya. Psikhologiya kak ob'ektivnaya nauka: Izbrannye psikhologicheskie trudy. M.; Voronezh, 1998.
9. Zhane P. Psikhologicheskaya evolyuciya lichnosti. M., 2010.
10. Zinchenko V.P. Mysl' i slovo Gustava Shpeta. M., 2000.
11. Ivanchenko G.V. Sociokul'turnoe prostranstvo kak prostranstvo vozmozhnostei: ob'ektivnoe i sub'ektivnoe izmereniya // Ot massovoi kul'tury k kul'ture individual'nyh mirov: novaya paradigma civilizatsii: Sb. statei / Otv. red. E.V. Dukov, N.I. Kuznecova. M., 1998.
12. Kon I.S. Sociologiya lichnosti. M., 1969.
13. Lebedeva N. Vvedeniye v etnicheskuyu i kross-kul'turnuyu psikhologiyu. M., 1999.
14. Lebedeva N.M. Etnicheskaya i kross-kul'turnaya psikhologiya. M., 2011.
15. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M., 1975.
16. Leont'ev D.A. Lichnost': chelovek v mire i mir v cheloveke // Voprosy psikhologii. 1989. № 3.
17. Leont'ev D.A. Individual'nyi stil' i individual'nye stili — vzglyad iz 1990-h // Stil' cheloveka: psikhologicheskii analiz / Pod red. A.V. Libina. M., 1998.
18. Leont'ev D.A. Psikhologiya smysla. M., 1999.
19. Leont'ev D.A. Lichnost' kak preodoleniye individual'nosti: osnovy neklassicheskoi psikhologii lichnosti // Psikhologicheskaya teoriya deyatel'nosti: vchera, segodnya, zavtra / Pod red. A.A. Leont'eva. M., 2006.
20. Leont'ev D.A. Stanovleniye samoregulyatsii kak osnova psikhologicheskogo razvitiya: evolyucionnyi aspekt // Sub'ekt i lichnost' v psikhologii samoregulyatsii / Pod red. V.I. Morosanovoi. M.; Stavropol', 2007.
21. Leont'ev D.A. Novye orientiry ponimaniya lichnosti v psikhologii: ot neobhodimogo k vozmozhnomu // Voprosy psikhologii. 2011. № 1.
22. Leont'ev D.A. Kto ya? Strategii identichnosti, tupiki social'nosti i razvyazki lichnosti // Filosofskie nauki. 2012. № 11.
23. Leont'ev D.A. Lichnostnoe izmereniye chelovecheskogo razvitiya // Voprosy psikhologii. 2013 (v pechati).
24. Pezeshkian N. Pozitivnaya semeinaya psihoterapiya. M., 1992.
25. Triandis G. Kul'tura i social'noe povedeniye. M., 2007.
26. Fromm E. Chelovecheskiy karakter i social'nyi process // Fromm E. Begstvo ot svobody. M., 1990.
27. Elias N. O processe civilizatsii: sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya: V 2-h t. T. 1. M.; SPb., 2011.
28. Church A.T. Culture and personality: Towards an integrated cultural trait psychology // Journal of Personality. 2000. V. 69.
29. Csikszentmihalyi M., Rochberg-Halton E. The meaning of things: domestic symbols and the self. Cambridge, 1981.
30. Harre R., Clarke D., DeCarlo N. Motives and mechanisms: an introduction to the psychology of action. L.; N.Y., 1985.

31. *Markus H.R., Kitayama S.* Models of agency: Sociocultural diversity in the construction of action // Nebraska Symposium on Motivation. Vol. 49. Cross-Cultural Differences in Perspectives on the Self. Lincoln (NB), 2003.
32. *McCrae R.R., Terracciano A.*, et al. Universal features of personality traits from the observer's perspective: Data from 50 cultures // Journal of Personality and Social Psychology. 2005. V. 88. № 3.
33. *Park N., Peterson C., Seligman M.E.P.* Character strengths in fifty-four nations and the fifty US states // Journal of Positive Psychology. 2006. V. 1. № 3.
34. *Peterson C.* A Primer in Positive Psychology. N.Y., 2006.
35. *Peterson C., Seligman M.E.P.* (eds.) Character Strengths and Virtues: A Handbook and Classification. N.Y., 2004.
36. *Rathunde K., Csikszentmihalyi M.* The developing person: An experiential perspective // Handbook of Child Psychology / Ed. by W. Damon, R. Lerner. 6th ed. Vol. 1: Theoretical models of human development. N.Y., 2006.
37. *Shotter J.* Social accountability and selfhood. Oxford, 1984.
38. *Shulruf B., Hattie J., Dixon R.* Development of a new measurement tool for individualism and collectivism // Journal of Psychoeducational Assessment. 2007. V. 25. № 4.
39. *Shweder R.A., Goodnow J.J., Hatano G. et al.* The cultural psychology of development: one mind, many mentalities // Handbook of Child Psychology / Ed. by W. Damon, R. Lerner. 6th ed. V. 1: Theoretical models of human development. N.Y., 2006.
40. *Weekley J., Ehlers C., Creglow A.* Global assessment: The impact of culture on personality measurement (© 2009). <http://www.kenexa.com/getattachment/5d21e5e5-b78a-458b-8404-04edfaa3e7b9/Global-Assessment-The-Impact-of-Culture-on-Person.aspx>
41. *Winter D., Barenbaum N.* History of modern personality theory and research // Pervin L.A., John O.P. (eds.) Handbook of Personality Theory and Research. N.Y.; L., 1999.

Сравнительный анализ трех проекций национальных характеров русских, мокшан и эрзян

Б.Г. Мещеряков

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии университета «Дубна»

Е.А. Шаманина

аспирант кафедры психологии университета «Дубна»

Ю. Аллик

доктор, профессор экспериментальной психологии (Эстония)

В проведенном авторами исследовании респонденты трех этнических групп (русские, мокша и эрзя — все студенты одного и того же мордовского университета, 140 человек) оценивали с помощью опросника национального характера (ОНХ) личностные черты следующих заданных «объектов оценки»: 1) русского вообще; 2) русского, живущего в Мордовии (региональный русский); 3) мордвина; 4) эрзянина; 5) мокшанина и 6) себя лично. При отсутствии заметных характерологических различий между тремя этногруппами респондентов обнаруживаются большие различия в их авто- и, особенно, гетеростереотипах. Показана общая закономерность перехода от позитивно воспринимаемых значений (низкий нейротизм, высокие открытость, доброжелательность и т. д.) в самоописаниях к менее позитивным в авто- и гетеростереотипах. Сделан вывод, что этнокультурная близость и знакомость народов не гарантируют более точные представления о национальных характерах друг друга.

Ключевые слова: этностереотипы, национальный характер, опросник национального характера, большая пятерка, мордва, мокша, эрзяне, русские.

Вопросы и методология исследования

В социальной психологии стереотипы обычно определяются как разделяемые группой людей устойчивые взгляды, или убеждения (beliefs), о характеристиках и поведении членов определенных групп (напр.: [8, с. 240]). Эти взгляды могут более или менее точно отражать действительность. В отличие от предрассудков (предубеждений), в стереотипах до некоторой степени подчеркиваются реальные групповые различия, и это позволяет говорить, что в них есть «зерно истины» [5, с. 191]. Хотя люди могут иметь стереотипы о возрастных, профессиональных или половых группах, самые влиятельные стереотипы обычно касаются расы и этничности. Люди, как правило, имеют очень устойчивые мнения о типичных личностных характеристиках своей собственной нации и наций, с которыми они часто контактируют; этностереотипы о национальном характере составляют важную часть этнического самосознания и сознания людей, указывая на внутренние (психологические) различия мы — они, т. е. этностереотипы вместе с языковыми и другими культурными осо-

бенностями выступают в качестве основных этнодифференцирующих признаков и факторов этнической идентичности. При этом роль и значимость этностереотипов национального характера может существенно возрастать в ситуациях, когда другие этнодифференцирующие признаки оказываются мало значимыми, что имеет место в случае близких этнокультурных групп (см., напр.: [2]).

Согласно гипотезе контакта (the contact hypothesis) [5; 11], по крайней мере отчасти стереотипы национального характера возникают на основе опыта реальной жизни, тогда как основная причина предубеждений коренится в недостатке знания и непосредственного опыта общения. При благоприятных условиях этностереотипы отражают характеристики так называемой модальной личности, понимаемой как комплекс наиболее частотных в данной группе черт, который воспринимается как воплощение национального характера [9]. Например, если люди некоторой национальности воспринимаются другими и, возможно, самими собой как серьезные, трудолюбивые и приверженные традициям, то это потому, что они имеют более высокий процент индивидов, у ко-

торых нет чувства юмора, которые весьма добросовестны в работе и не очень открыты новым идеям.

С этой точки зрения крайне удивительные результаты были получены, когда автостереотипы 49 наций сравнили со средними профилями оценок личностных черт конкретных (observer-rated personality traits) людей из тех же самых 49 наций [12]. Хотя имело место отличное согласие в том, что люди думают о типичных личностных чертах своей собственной нации, эти автостереотипы не конвергируют с тем, как люди описывают свою собственную личность или личность хорошо знакомого соплеменника. На основании этих наблюдений, был сделан вывод, что автостереотипы о национальном характере не отражают реальность — народ, обычно описываемый как радостный, не обязательно содержит более высокую концентрацию индивидов, которые являются постоянно радостными и наслаждающимися своей жизнью.

Если национальные стереотипы не полностью основаны на индивидуальных наблюдениях, тогда должны быть другие механизмы формирования убеждений о национальном характере. Помимо истории индивидуального опыта, потенциальными источниками этностереотипов могут быть коллективный опыт, массовая коммуникация и даже анекдоты и сплетни. Бостер и Мальцева [6], основываясь на данных своего исследования среди европейских выборок, сделали вывод, что в этнических гетеростереотипах отражается не только и не столько опыт индивидуальных межэтнических контактов, сколько длительный исторический опыт взаимоотношений народов.

Независимо от того, чем определяется и как мы определяем национальный характер вообще и конкретного этноса в частности, насколько он варьирует в этническом пространстве и историческом времени, нам важно знать, как люди разных национальностей представляют и оценивают себя лично, типичных представителей своего этноса и людей из других этнических групп. Когда люди разных национальностей живут бок о бок в одной стране или регионе и имеют богатый опыт повседневного межэтнического общения, сомневаться в существовании у них такого рода представлений и оценок не приходится.

Насколько похожи представления о личностных свойствах людей разной национальности у респондентов двух или более этнических групп? Могут ли представители другой этнической группы оценивать типичного представителя данной этнической группы (гетеростереотип) таким же образом, как и сами члены этой группы (автостереотип)? Как соотносится разнообразие этнических стереотипов с разнообразием обобщенных самоописаний, т. е. усредненных оценок респондентами самих себя?

В данном исследовании респонденты трех этнических групп (русские, мокша и эрзя) оценивали с помощью опросника национального характера (ОНХ) личностные черты следующих заданных «объектов оценки»: 1) русского вообще; 2) русского,

живущего в Мордовии (региональный русский); 3) мордвина; 4) эрзянина; 5) мокшанина и 6) себя лично. В соответствии с общепринятой практикой индивидуальные оценки респондентов в каждой этнической группе усреднялись, давая личностные профили по 30 субшкалам, дополнительно группируемым по пяти факторам так называемой большой пятерки. Таким образом, на первичном этапе обработки возникает 18 личностных профилей, по три для каждого из шести объектов оценки.

Исчерпывающее сравнение всех профилей со всеми в данном исследовании предполагает анализ 153 пар профилей, но с точки зрения поставленных вопросов существует возможность значительно ограничить объем аналитической работы, применив в ней две схемы анализа.

Первая схема рассматривает и сравнивает степень сходства в трех парах этногрупп (русский — мокша, русский — эрзя и эрзя — мокша) при оценивании одних и тех же объектов. Для шести объектов оценки общее количество сравниваемых пар личностных профилей составляет 18. Большинство этих пар (15 из 18) образуются из этностереотипов, характеризующих обобщенных (или типичных) представителей своей (автостереотип) или другой этнической группы (гетеростереотип).

Эта схема анализа дает возможность оценить, насколько похожи разноэтнические личностные описания одних и тех же объектов. Акцент здесь делается на том, как один и тот же объект воспринимается представителями разных этносов (разными группами оценщиков). Особый интерес вызывает вопрос, какая из трех этнических пар дает наиболее согласованные друг с другом оценки, — будет ли это пара из двух мордовских субэтносов или же пара, состоящая из русских респондентов и респондентов одного из мордовских субэтносов.

Одним из доказательств неточности этностереотипов служит часто наблюдаемый факт несоответствия между авто- и гетеростереотипами: «В частности, русские обычно описываются на Западе как дисциплинированные (например, серьезные, трудолюбивые и скрытные) и настойчивые (например, сильные, гордые), в то время как русский автостереотип, скорее, говорит о противоположном: русские считают себя беспечными, дружелюбными и пассивными (Peabody, 1985; Stephan и др., 1993). Следовательно, по крайней мере один из этих стереотипов должен быть неточным» [1, с. 4]. Однако это сравнение оставляет открытым вопрос, являются ли более точными авто- или гетеростереотипы. Для ответа на него нам необходима вторая схема анализа.

Вторая схема заключается в сопоставлении разноэтнических профилей типичного представителя данного этноса (например, русский вообще в представлении русских, мокшан и эрзян) с обобщенным профилем самоописаний самих респондентов из этого этноса (например, русских). Другими словами, здесь авто- и гетеростереотипы данного этнического объекта сопоставляются с соответствующим ему

обобщенным самописанием респондентов. Таким образом, для каждого из пяти оцениваемых «типичных представителей этноса» проводится три сравнения, а всего — 15 пар сравнений.

Посредством таких сравнений можно ответить на вопрос, будут ли автостереотипы (вторичная проекция национального характера) более близки к самописанию респондентов, чем гетеростереотипы (третичная проекция национального характера). В определенном смысле такое сравнение можно рассматривать как измерение точности (правильности) авто- и гетеростереотипов.

Кроме того, интересно проверить, какие из гетеростереотипов будут более близкими к первичной проекции национального характера данного субэтноса (например, мокшан) — гетеростереотип, разделяемый более близкой этногруппой (эрзян), или более далекой (русские).

Широкое сравнение гетеростереотипов в отношении одних и тех же этнических объектов проводили Бостер и Мальцева [6]: они анализировали этностереотипы в отношении 25 национальностей (европейских и неевропейских) у жителей 15 европейских городов (из 12 стран). Результаты опроса позволяли получить ответы на вопросы, как варьирует сходство этностереотипов у оценщиков из разных европейских городов в зависимости от географического расстояния между целевыми этносами (ожидалось, что этностереотипы более далеких друг от друга этносов будут менее похожими), а также — как варьирует сходство этностереотипов одних и тех же целевых этносов в зависимости от географической удаленности друг от друга местоположений групп оценщиков (ожидалось, что более близкие друг к другу оценщики будут давать более похожие стереотипы). Кроме того, выяснялись зависимости сходства этностереотипов в отношении объектов А и В от среднего расстояния между данной группой оценщиков и объектами оценки, а также зависимости сходства этностереотипов данного этноса от среднего расстояния между этим этносом и данной парой групп оценщиков.

В исследовании Бостер и Мальцевой [6] были установлены следующие зависимости.

1. Чем более удалены друг от друга целевые этносы, тем в меньшей степени они оцениваются похожим образом.

2. Если увеличивается среднее расстояние от данной группы оценщиков до оцениваемой пары целей, то сходство между оценками целей тоже увеличивается (например, норвежцы и финны выглядят очень отличающимися друг друга, если рассматриваются из Стокгольма, но они будут похожими друг на друга, когда рассматриваются из Неаполя).

3. Чем более удалены друг от друга местоположения оценщиков, тем менее вероятно, что они будут похожим образом оценивать другие нации.

4. Если увеличивается среднее расстояние между группами оценщиков и целью, то сходство суждений

о цели возрастает (например, немцы и англичане могут не согласиться в том, что характеризует французов, но согласятся в своих стереотипах о китайцах или японцах).

Очевидно, что приведенные выше выводы не применимы в случае нашего исследования, в котором у трех этнических групп оценщиков выявлялись автостереотипы и взаимные гетеростереотипы, но, в отличие от исследования Бостер и Мальцева, нет никакого географического расстояния ни между этногруппами, ни между объектами оценки, ни между первыми и вторыми. Таким образом, изучаемая нами ситуация характеризуется разными этнокультурными расстояниями между оценщиками (и объектами оценки) при практически нулевом географическом расстоянии. Еще одно отличие заключается в том, что в нашем исследовании измерялись как стереотипы, так и самописания личности респондентов.

Первое и, возможно, единственное к настоящему времени психологическое исследование этнических авто- и гетеростереотипов мокшан, эрзян и русских в Мордовии провел С.И. Баляев [2; 3]. В нем принимали участие студенты Мордовского университета: 52 — эрзя, 52 — мокша и 60 русских¹. Данное исследование, по словам самого автора, являлось своего рода этнопсихологической разведкой «при полном отсутствии подобного эмпирического опыта изучения межэтнических (субэтнических) отношений в Мордовии» [2, с. 74]. Не совсем ясно, почему автор отдавал предпочтение психосемантическим методам, считая их «на сегодняшний день наиболее достоверными способами получения объективной информации о содержании этнического стереотипа» [3, с. 9]. Если обратиться к международным кросс-культурным исследованиям, то в них получили распространение стандартизированные личностные опросники с очень простым и наглядным способом обработки данных. Особенно популярными психодиагностическими средствами кросс-культурных исследований этностереотипов и национального характера являются опросники, основанные на пятифакторной модели личности [10]. Эта модель включает так называемую большую пятерку факторов: «открытость опыту» (openness for experience, O), «добросовестность, или сознательность» (conscientiousness, C), «экстраверсия» (extraversion, E), «приятность, или дружелюбность» (agreeableness, A), «нейротизм» (neuroticism, N). Оценки личности, соответствующие каждому из этих факторов, объединяют (обычно суммируют) специфические для каждого фактора наборы из шести черт (facets). Для измерения факторов большой пятерки (БП) на основе 30 специфических черт предназначен ревизованный личностный опросник NEO-PI-R, состоящий из 240 пунктов [7], а также его краткие формы, в том числе используемый в настоящей работе Опросник национального характера (ОНХ, англ. — National Character Survey, NCS).

¹ Кроме того, среди участников была также малочисленная группа студентов татарской национальности (16 человек).

Мы предполагали, что применение опросника ОНХ позволит вполне достоверно и статистически обоснованно выявить основной факт, который был установлен в исследовании С.И. Баляева: «в отношении взаимных представлений эрзян и мокшан психологическая дистанцированность гораздо больше, чем «положено» иметь родственным в этническом отношении общностям» [3, с. 18]. Этот факт автор рассматривает как частный случай общего положения, названного «парадоксом этнической дистанции»: «чем меньше этнокультурная дистанция между соседствующими группами, тем более значимыми для обеих групп оказываются их минимальные различия» [2, с. 42]. Однако доказательств реального существования каких-то минимальных различий в национальных характерах, которые могли бы иметь неодинаковую значимость для различно дистанцированных этногрупп, пока явно не хватает. Напротив, учитывая результаты предшествующих исследований [4; 12], включая и исследование С.И. Баляева [2; 3], нам следует выдвинуть контргипотезу, что взаимные гетеростереотипы эрзян, мокшан и русских не отражают реальные взаиморазличия национальных характеров.

Метод

Респонденты. Выборка состояла из 140 студентов Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, из которых 50 были русские (16 мужчин, 34 женщины), 50 — эрзя (9 мужчин, 41 женщина) и 40 — мокша (11 мужчин и 29 женщин). Средний возраст по всей выборке составил 20,1 года (диапазон от 17 до 24 лет). Проверка с помощью критерия хи-квадрат на неоднородность распределений респондентов по полу в разных этногруппах показывает, что эти распределения можно считать достаточно однородными ($\chi^2 = 2,66$, d.f. = 2, $p = 0,265$).

Методика. В качестве методического материала использовался Опросник национального характера (ОНХ), который в своей основе имеет 30 субшкал модели «большая пятерка». Респонденты трех этнических групп (русские, мокша и эрзя) оценивали с помощью данного опросника личностные черты шести ранее названных «объектов оценки». Для оценки каждой личностной черты испытуемым предлагалась пятибалльная (пунктирная) шкала, на противоположных полюсах которой представлены краткие описания низких и высоких степеней выраженности личностной черты. При заполнении опросника на каждой такой ответной шкале респонденту необходимо было поставить отметку (например, крестик или галочку), указав тем самым, какое из двух описаний каждой характеристики является более вероятным. Кроме того, респондентам предлагалось ответить на дополнительные вопросы о своих социодемографических характеристиках (пол, возраст, национальность, курс обучения, специальность), а также на вопросы, выясняющие различные установки

респондентов в отношении этничности и себя самого (например, «насколько поведение человека зависит от его национальности?», «насколько Вы гордитесь принадлежностью к данной национальности?», «владение национальным языком» и др.). Анкета имела две формы («А» и «В»), которые отличались друг от друга лишь порядком оценивания заданных целей.

Процедура. Опрос респондентов проходил в групповой форме, т. е. опрашивалась сразу целая группа студентов, инструкция давалась всем сразу. Ключевой фрагмент инструкции: «Данное исследование является продолжением двух Международных проектов по изучению национального характера более 40 народов мира. В этих исследованиях выясняются мнения людей о характерных чертах людей разных национальностей. В данном опросе нас прежде всего интересует Ваше мнение о мордве (мокша и эрзя) и русском человеке. Пожалуйста, оцените по предлагаемым характеристикам типичного русского, типичного русского, проживающего в Мордовии, мордвина, эрзянина, мокшанина, а также себя лично». Каждому респонденту вручали печатный текст анкеты из стопки, в которой случайным образом были перемешаны две формы анкет. Примерно половина респондентов ответили на анкету формы «А», другая половина — на форму «В».

Результаты

Попарное сравнение личностных профилей друг с другом для каждого из объектов оценки и результаты кластерного анализа. Для попарного сравнения профилей (по 30 субшкалам), т. е. для оценки степени сходства их формы и положения, применялись три меры сходства: коэффициент ранговой корреляции Спирмена, количество значимых (и маргинально значимых) различий (t -тест), общая сумма квадратов разностей (различий) средних значений по каждой субшкале. Заметим, что при использовании коэффициента корреляции в качестве меры сходства профилей проверка его значимости не имеет особого смысла. Результаты этих оценок сведены в табл. 1, в нижней строке которой неформально определен общий ранг сходства между тремя профилями для каждого из шести объектов оценки. Кроме того, в табл. 2 представлены результаты проверки статистической значимости (t -тест с независимыми выборками) по пяти факторам большой пятерки (БП).

В таблице 1 обращает на себя внимание очень высокая (фактически, наибольшая) степень сходства в группе самоописаний: 1) коэффициенты корреляции варьируют от 0,847 до 0,925; 2) количество значимых различий по 30 субшкалам в каждой сравниваемой паре этногрупп не больше одного; 3) сумма квадратов разностей между средними значениями профилей самоописаний минимальна. Как это ни удивительно, по пяти факторам БП (N, E, O, A, C) русские

Таблица 1

Разные меры сходства между оценками личностных черт шести «объектов оценки» респондентами из трех этногрупп

Меры сходства	Пары этногрупп	Объект оценки					
		Русский вообще	Русский в Мордовии	Мордвин	Эрзянин	Мокшанин	Сам респондент
г Спирмена	Русский / мокша	0,753	0,648	0,747	0,773	0,733	0,847
	Русский / эрзя	0,691	0,770	0,813	0,753	0,575	0,916
	Эрзя / мокша	0,776	0,745	0,838	0,575	0,460	0,925
	Среднее:	0,74	0,72	0,80	0,70	0,59	0,90
Кол-во значимых (маргинальных) различий	Русский / мокша	4 (2)	3 (3)	0 (1)	0 (1)	1 (3)	1(2)
	Русский / эрзя	3 (2)	1 (1)	1 (3)	5 (3)	5 (6)	1 (1)
	Эрзя / мокша	3 (2)	1 (2)	3 (0)	7 (0)	12 (1)	1 (0)
	Σ:	10 (6)	5 (6)	4 (4)	12 (4)	18 (10)	3 (3)
Σ квадратов разностей	Русский / мокша	3,116	2,736	1,844	1,419	2,054	1,689
	Русский / эрзя	2,100	1,684	1,516	3,274	4,063	1,479
	Эрзя / мокша	2,289	1,772	1,385	5,270	6,106	1,533
	Среднее:	2,50	2,06	1,58	3,32	4,07	1,57
	Общий ранг сходства	4	3	2	5	6	1

респонденты значимо не отличаются от обоих мордовских субэтносов, равно как и сами последние друг от друга (см. табл. 2). Обнаружены лишь три статистически значимых различия по субшкалам: русские и эрзяне оценивают себя выше по субшкале А2 (прямолинейность), чем мокшане себя, и русские дают более высокую оценку у себя по субшкале Е5 (поиск волнений), чем эрзяне. Маргинальной значимости достигают следующие субшкалы: эрзяне выше, чем русские, оценивают у себя Е2 (теплота), а русские имеют более высокие значения по О1 (фантазия) и О5 (идеи) по сравнению с мокшей.

Анализ сходства самоописаний приводит нас к первому важному выводу: нет никаких существенных различий по факторам большой пятерки и подавляющему большинству субшкал в первичных проекциях национальных характеров исследуемых выборок русских, мокшан и эрзян. Следовательно, полученные данные дают основание сомневаться в существовании заметных характерологических различий у представителей трех рассматриваемых этнических групп.

На втором, но очень близком к первому месте по степени сходства находятся личностные профили

мордвина: коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от 0,747 до 0,838, тогда как количество значимых различий по отдельным субшкалам для всех трех сравниваемых пар равно четырем. Заметим, что сумма квадратов разностей между профилями для этого «этностереотипа» практически не отличается от соответствующего показателя для самоописаний (1,58 vs. 1,57). Здесь тоже нет значимых различий по факторам БП, хотя имеется одно различие на маргинальном уровне значимости по фактору А в паре русские — мокша. В целом эти данные свидетельствуют, что на уровне стереотипов и гетеростереотипов², в принципе, оценки могут быть примерно такими же похожими у разных этнических групп, как и их оценки на уровне самоописаний.

Как видно из табл. 1 и 2, на третьем и четвертом местах по сходству профилей можно поместить оценки типичного русского, живущего в Мордовии (региональный русский), и русского вообще. Можно заметить, что «русский вообще» оценивается менее согласованно, чем «русский, живущий в Мордовии»: хотя корреляционное сходство профилей примерно одинаковое, но значимых различий по *t*-тесту в два раза больше для «русского вообще». Значимых различий

Таблица 2

Значимые (маргинальные) различия по пяти факторам БП

Пары этногрупп	Объект оценки						Σ
	Русский	Русский вообще	Мордвин в Мордовии	Эрзянин	Мокшанин	Сам респондент	
Русский / мокша	A*(E)	(C)	(A)	нет	A*	нет	2 (3)
Русский / эрзя	нет	(C)	нет	O*, A*, C*	E*** (A)	нет	4 (2)
Эрзя / мокша	нет	(N)	нет	A***, C***	E***, O*, A***	нет	5(1)
	Σ:	1(1)	0(3)	0(1)	5(0)	5(1)	0(0)

* — разность средних значима на уровне $p < 0,05$; *** — разность средних значима на уровне $p < 0,001$.

² Поясним, что оценки типичного мордвина русскими респондентами нами относятся к категории гетеростереотипа, а оценки мокшанскими и эрзянскими респондентами — к категории автостереотипов.

по факторам большой пятерки для русского, живущего в Мордовии», выявлено не было, тогда как для «русского вообще» единственное значимое различие установлено в паре этногрупп русские и мокшане: русские значительно выше оценивают «русского вообще» по фактору А (доброжелательность). На уровне субшкал, относящихся к фактору А, можно заметить, что мокшане (по сравнению с русскими респондентами) существенно недооценивают у «русского вообще» А2 (прямолинейность), А5 (скромность) и А6 (добросердечность). Хотя у эрзян при оценке «русского вообще» по факторам большой пятерки (по сравнению с русскими респондентами) нет значимых и даже маргинальных различий, но на уровне субшкал в эрзянском профиле «русского вообще» тоже обнаруживается существенная недооценка А2 и маргинальные недооценки по субшкалам А3 (альтруизм) и А6. Таким образом, по фактору «доброжелательность» «русский вообще» представляется мокшанами и эрзянами более хитрым, эгоистичным, высокомерным и черствым, чем он рисуется в представлении русских респондентов (и, конечно, по сравнению с самоописаниями всех респондентов). Отсюда, однако, не следует, что именно «русский вообще» рассматривается как самый недоброжелательный тип.

Наиболее несогласующиеся личностные профили приписываются эрзянам (общий ранг сходства составляет 5) и мокшанам (последнее, 6-е, место по общему рангу сходства). Это хорошо видно по всем показателям сходства как для субшкал, так и для факторов большой пятерки (см. табл. 1 и 2).

В целом проанализированные данные позволяют сделать вывод: три группы респондентов показывают достаточно высокое сходство при оценке одних объектов (себя, типичного мордвина), но резко различаются при оценке других (особенно типичных представителей мордовских субэтносов). Столь высокое расхождение этностереотипов, касающихся мордовских субэтносов, по сравнению с вариативностью самоописаний, а также по сравнению с вариативностью этностереотипов мордвина и даже русских, означает, что этностереотипы мордовских субэтносов приписывают своим объектам значительно больше различий, чем они в реальности существуют.

Попытаемся дифференцировать анализ данных, представленных в табл. 1 и 2, в соответствии с вопросом о том, какие пары этногрупп респондентов демонстрируют между собой наибольшие согласие или, напротив, расхождение.

Если делать вывод целостно по всем объектам оценки, вполне уверенно можно утверждать, что русские респонденты имеют большее согласие с мокшанами, чем с эрзянами, но самые значительные расхождения обнаруживаются внутри пары мордовских групп. Это можно видеть по последнему столбцу табл. 2, где указаны количества существенно отличающихся факторов большой пятерки. Аналогичная тенденция выявляется, если просуммировать по строкам приведенные в табл. 1 суммы квадратов разностей для каждой пары этнических групп:

русский / мокша — 12,9, русский / эрзя — 14,1, эрзя / мокша — 18,4. Еще более показательны соответствующие количества значимых различий на уровне субшкал: 9, 16 и 27. Любопытно, но не удивительно, что средние значения коэффициентов корреляций не показывают эту тенденцию: 0,750; 0,753 и 0,720.

Совместно анализируя, как варьирует сходство профилей от типа пары этногрупп и от объекта оценки, приходим с очевидностью к выводу о наличии взаимодействия между объектом оценки и типом пары. Для одних объектов различия между группами примерно одинаковы и небольшие (например, при оценивании себя и типичного мордвина), но для других они возрастают, причем в заметно разной степени. Так, при оценивании типичных представителей эрзи и мокши степень сходства в разных парах колеблется от высокой (русские и мокшанские респонденты) до очень низкой (эрзянские и мокшанские респонденты). При оценивании типичного мокшанина больше всего не согласуются друг с другом мокшанский (мокша / мокша) и эрзянский гетеростереотипы (эрзя / мокша). Здесь получены самый низкий коэффициент корреляции (0,460), наибольшее количество значимых различий по субшкалам (12) и наибольшая сумма квадратов разностей (6,1). При оценивании типичного эрзянина также имеет место значительное несогласие в этой паре этногрупп (автостереотип эрзя / эрзя vs. гетеростереотип мокша / эрзя): коэффициент корреляции между профилями составил 0,575, количество значимых различий по субшкалам равно 7, а сумма квадратов разностей — 5,3. По факторам большой пятерки русские и мокшанские респонденты не дают значимых различий при оценке типичного эрзянина и отличаются значимо лишь по одному фактору (А) при оценке мокшанина, тогда как эрзянские и мокшанские респонденты при оценке эрзянина и мокшанина отличаются, соответственно, по двум (А, С) и трем (Е, О и А) факторам.

Таким образом, достаточно очевидно, что наибольшие различия в оценках национального характера проявляются, когда объектами оценивания являются типичные эрзя и мокша, причем эти различия особенно возрастают для пары эрзянских и мокшанских респондентов.

Как уже отмечалось, русские респонденты показывают более высокое согласие с мокшанскими респондентами, чем с эрзянскими, но расхождения с последними становятся наиболее сильными при оценке мордовских субэтносов, причем, как можно видеть в табл. 1, русские респонденты больше всего расходятся с эрзянскими при оценивании типичного мокшанина (мокша vs. эрзя : мокша), а не эрзянина (русский / эрзя vs. эрзя / эрзя): в первом случае коэффициент корреляции 0,575, количество значимых различий по субшкалам 5 и сумма квадратов разностей 4,1, во втором случае — $r = 0,753$, тоже 5 значимых различий (но при меньшем числе маргинальных различий) и сумма квадратов разностей 3,3. Это означает, что эрзянский гетеростереотип мокши (эрзя / мокша) не разделяется в значительной степени

не только мокшанами, но и русскими, и он тем самым находится как бы в изолированном положении.

Эта картина очень наглядно проявилась и в итоговой дендрограмме, полученной с помощью иерархического кластерного анализа (см. рис. 1). На первом уровне деления все профили разделились на компактную группу самоописаний (16, 26, 36) и большую группу этностереотипов, на втором уровне из группы стереотипов выделился только что упомянутый эрзянский гетеростереотип в отношении типичного мокшанина. И на третьем уровне произошло четкое деление стереотипов на группу из восьми гетеростереотипов (21, 22, 34, 13, 15, 14, 32, 31) и всех шести автостереотипов (23, 33, 24, 35, 11, 12).

Все это убеждает нас, что высокая этнокультурная близость (в данном случае мокшан и эрзян) не является гарантией более высокого сходства их взаимных этностереотипов. Мы видим, что гораздо менее родственные этногруппы (в данном случае русские и мокшане) могут иметь столь же или даже более похожие этностереотипы. Это также означает, что и интенсивность контактов не может служить гарантией адекватности этностереотипов. Таким образом, этнокультурная близость и знакомость двух народов не гарантируют более точные представления о национальных характерах друг друга; этнокультурно более далекий, «третий» народ может иметь более точные представления о национальном характере этих народов.

Другой вопрос — насколько точными являются те или иные стереотипы. Можно надеяться получить на него ответ, проанализировав сходство между этно-

стереотипами и самоописаниями изучавшихся этнических групп респондентов.

Сравнение этностереотипов с соответствующими самоописаниями

Напомним, что в данном исследовании респонденты оценивали по множеству шкал выраженность различных личностных черт у себя лично и у пяти обобщенных объектов, маркируемых этническим названием. Мы отдаем себе отчет, что три студенческие выборки наших респондентов не являются репрезентативными в отношении всех представителей соответствующих трех этносов. Поэтому нельзя утверждать, что сравнение авто- и гетеростереотипов, например, «русского вообще» с обобщенными самооцениваемыми характеристиками личности русских респондентов даст нам полную и истинную оценку точности стереотипов. Тем не менее, поскольку можно допустить, что личностные черты русских респондентов должны в значительно большей степени соответствовать русскому национальному характеру, чем личностные черты мордовских респондентов, такая процедура не лишена смысла в сравнительном аспекте.

Для обеспечения равных условий всем сравниваемым парам проверка значимости проводилась с помощью *t*-теста для независимых выборок (даже в парах, для которых можно было бы использовать тест с повторными измерениями, а именно для автостереотипов и самоописаний). Из-за громоздкости таблиц,

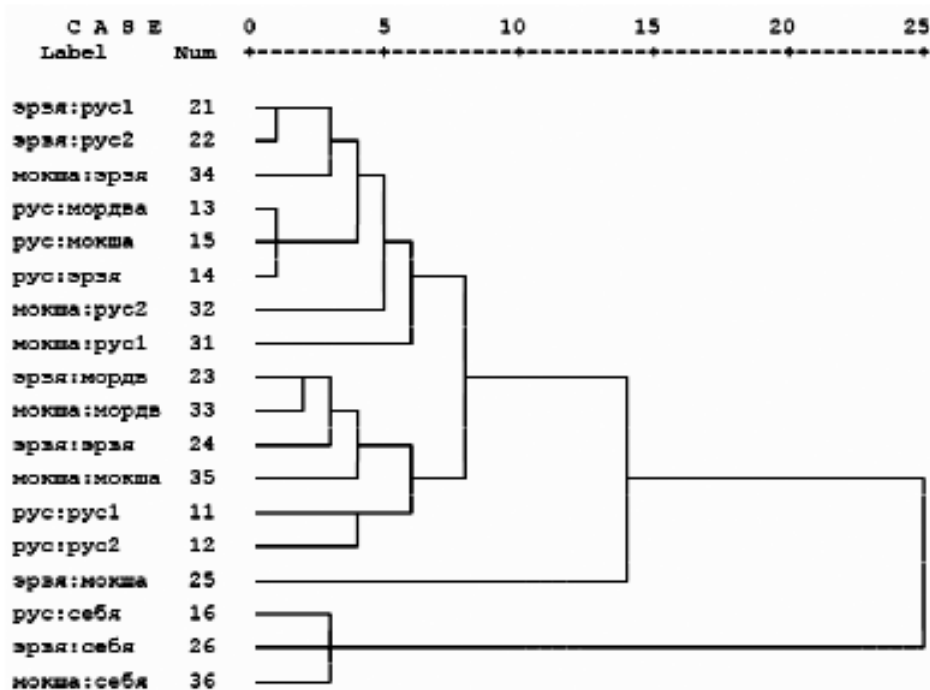

Рис. 1. Дендрограмма, показывающая результаты иерархического кластерного анализа 18 личностных профилей (по 30 субшкалам).

Примечание. Каждый профиль обозначен двумя словами, разделенными двоеточием: первое слово указывает «группу оценщиков», второе — «объект оценки». Двухзначные цифры являются дополнительным кодом профилей (первая цифра кодирует этногруппу оценщиков: 1 — русские, 2 — эрзя, 3 — мокша; вторая цифра относится к объекту оценки: от 1 для «русского вообще» до 6 для самоописания).

содержащих информацию о всех статистических сравнениях по 30 субшкалам для всех сравниваемых пар, мы приводим лишь итоговую информацию о количестве значимых (и маргинально значимых) различий, а также о суммах квадратов разностей (табл. 3). Следует пояснить, что личностный профиль самоописания мордвина, необходимый для сравнений с авто- и гетеростереотипами мордвина, определялся по общей выборке мокшан и эрзян, хотя личностные профили автостереотипов мордвина считались раздельно для этих двух групп.

По данным табл. 3 можно заключить, что точность гетеростереотипов примерно в два раза хуже, чем автостереотипов, а это косвенно подтверждает правомерность разделения авто- и гетеростереоти-

пов с помощью терминов «вторичная и третичная проекции национального характера».

Кроме того, можно сделать вывод, созвучный выводу из предыдущего раздела анализа результатов: взаимные гетеростереотипы близких этногрупп могут быть менее точными, чем соответствующие гетеростереотипы этнически неродственных этногрупп. Это следует из того, что представления русских респондентов о типичных мокшанах и эрзянах оказались ближе к самоописаниям мокшанских и эрзянских респондентов, чем представления мокшан об эрзянах и эрзян о мокшанах, и это особенно ясно видно в случае эрзянского гетеростереотипа мокшан.

В таблицах 4 и 5 отражены результаты аналогичной статистической проверки различий по факто-

Таблица 3

Показатели сходства этностереотипов с самоописаниями (по 30 субшкалам)

Объект оценки	Автостереотипы		Гетеростереотипы		
	значимые (маргинальные) различия	Σ квадратов разностей	группа респондентов	значимые (маргинальные) различия	Σ квадратов разностей
Русский вообще	9 (1)	4,24	Эрзяне	10 (4)	6,37
			Мокшане	16 (2)	10,16
Русский в Мордовии	7 (5)	4,65	Эрзяне	14 (3)	8,05
			Мокшане	12(3)	9,49
Мокшанин	7(3)	4,37	Русские	9 (4)	6,63
			Эрзяне	19 (4)	13,06
Эрзянин	8 (3)	3,32	Русские	13 (2)	9,93
			Мокшане	16 (1)	12,45
Мордвин	У мокшан: 7 (5)	3,98	Русские	14 (0)	7,19
	У эрзян: 13 (3)	4,89			
Среднее:	8,5 (3)	4,2		13,7 (3)	9,3

Таблица 4

Значимость различий авто- и гетеростереотипов от самоописаний по факторам большой пятёрки

Объект оценки	Факторы	Первичная проекция (самоописание)	Вторичная проекция (автостереотип)	Третичные проекции (гетеростереотипы)	
		средние значения	разности	разности	разности
Русские вообще				Эрзянский	Мокшанский
	N	9,49	0,191	0,615	1,126
	E	15,40	-0,024	-0,504	-1,815м
	O	17,54	-2,122*	-3,062***	-3,260***
	A	16,30	-2,138*	-3,418***	-4,323***
	C	16,69	-2,928**	-2,157*	-3,576***
Русские в Мордовии				Эрзянский	Мокшанский
	N	9,49	1,351м	1,362*	0,186
	E	15,40	-1,084	-1,217м	-1,004
	O	17,54	-2,382**	-2,903***	-3,208***
	A	16,30	-3,158***	-4,511***	-4,523***
	C	16,69	-1,168	-2,792**	-2,985**
Мокшане				Русский	Эрзянский
	N	8,63	1,950*	1,896*	2,055*
	E	15,51	-0,463	-0,138	-3,064***
	O	16,20	-2,450**	-2,783**	-3,873***
	A	15,68	-,875	-2,800**	-4,555***
	C	17,35	-2,675**	-3,558***	-4,130***
Эрзяне				Русский	Мокшанский
	N	9,25	,210	1,229	0,853
	E	15,21	-0,667	-0,902	-0,733
	O	17,28	-2,630***	-4,589***	-3,949***
	A	16,89	-1,974*	-4,139***	-4,869***
	C	17,66	-1,597*	-3,451***	-4,714***

Проекция национального характера мордвина

Факторы	Первичная проекция (самоописание мордвинских респондентов) средние значения	Вторичная проекция (автостереотип)	Третичная проекция (гетеростереотип)	
		эрзя разности	мокша разности	русские разности
N	8,97	0,463	0,736	1,016
E	15,34	-1,026	-0,165	0,055
O	16,78	-3,446***	-2,069*	-3,159***
A	16,33	-2,729***	-2,000**	-3,873***
C	17,52	-2,413***	-3,338***	-3,137***

рам большой пятерки между самоописаниями этногрупп и оценками их типичных представителей (авто- и гетеростереотипы). В этих таблицах в столбцах «разности» представлены разности между средними значениями факторов большой пятерки автоили гетеростереотипа русских, мокшан, эрзян (табл. 4), а также мордвы (табл. 5), и соответствующим значением в усредненном личностном профиле самоописания респондентов (первый числовой столбец). Отрицательное значение указывает на то, что данный показатель выше в личностном профиле самоописания. Чтобы восстановить среднее значение по определенному фактору для стереотипа, надо к среднему значению по этому фактору в личностном профиле самоописания прибавить положительное или отрицательное значение разности. Например, типичный «русский вообще» в автостереотипе русских респондентов и гетеростереотипах эрзян и мокшан оказался существенно менее открытым, доброжелательным и сознательным, чем в среднем сами русские респонденты.

В этих двух таблицах содержится информация о значимости или незначимости 75 пар различий в средних факторных значениях стереотипа и самоописания (5 объектов оценки × 5 факторов × 3 стереотипа), из них значимых (маргинальных) 48 (3), в том числе для фактора N выявлено 4 (1), для E — 1 (2), для O — 15 (0), A — 14 (0), C — 14 (0), т. е. поч-

ти 90 % значимых различий приходится на факторы «открытость», «доброжелательность» и «сознательность». Возможно, точнее всего респонденты оценивают черты, которые относятся к факторам «нейротизм» и «экстраверсия». Однако отчасти это связано и с общей более низкой вариативностью оценок по этим двум факторам по сравнению с тремя другими. Так, диапазон между максимальной и минимальной величинами средних значений составлял: для N — 2,2, E — 3,1, O — 5,2, A — 5,8 и C — 4,7.

При анализе изменения величин факторов при переходе от самоописания к автостереотипу и гетеростереотипам обнаруживается вполне закономерная картина. Во всех случаях нейротизм в стереотипах оказывается выше, чем в самоописаниях, тогда как по всем другим факторам мы наблюдаем обратное соотношение (за исключением всего лишь одного и незначимого случая для экстраверсии: эрзяне в среднем оценили у себя E ниже того значения, которое получили мокшане и даже мордва в оценках русских респондентов), — величины всех других факторов оказываются выше в самоописаниях. Эти зависимости наглядно демонстрируются с помощью рис. 2–4, на которых представлены средние значения факторов большой пятерки для «русского вообще», типичного эрзянина, типичного мокшанина (рис. 2), регионального русского (рис. 3) и типичного мордвина (рис. 4). На всех рисунках четко видна общая тен-

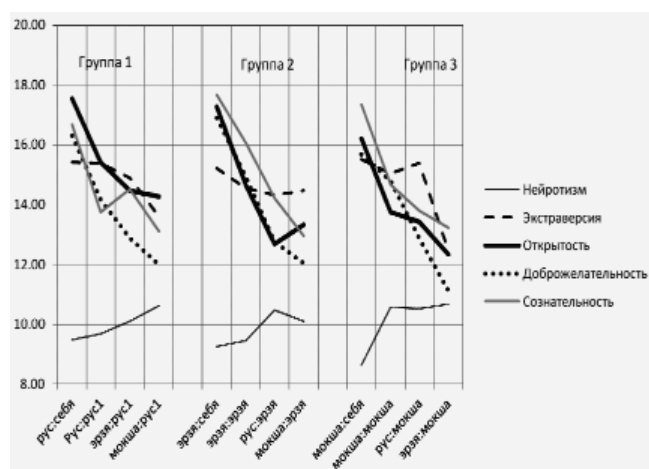

Рис. 2. Три группы оценок факторов большой пятерки: в первой группе оцениваются русские, во второй — эрзяне, в третьей — мокшане. Внутри каждой группы последовательность оценок слева-направо: самоописание, автостереотип, два гетеростереотипа

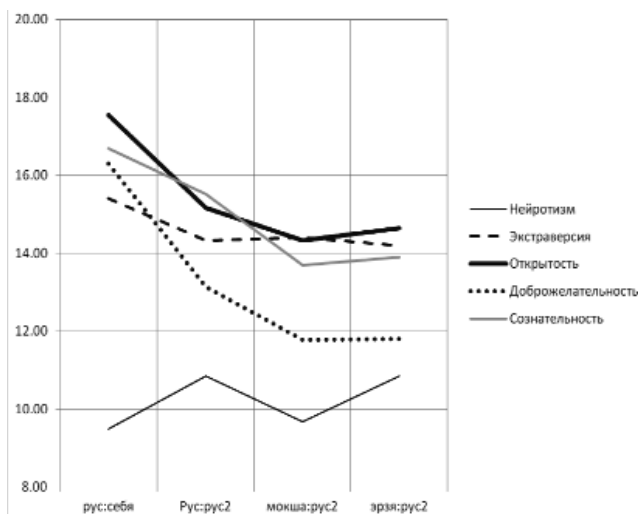

Рис. 3. Группа оценок русских, живущих в Мордовии, по факторам большой пятерки. Последовательность оценок слева-направо: самоописание, автостереотип, два гетеростереотипа

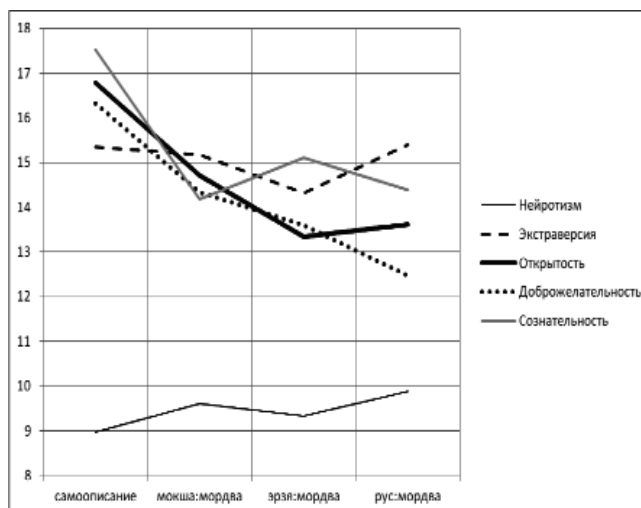

Рис. 4. Группа оценок типичного представителя мордвы по факторам большой пятерки. Последовательность оценок слева-направо: самоописание (среднее по группам мокши и эрзи), два автостереотипа, гетеростереотип

денция к увеличению нейротизма в последовательности от самоописания к третичной проекции и, наоборот, к снижению величин факторов открытости, доброжелательности и сознательности. Изменения по экстраверсии не являются ни значительными, ни однозначными. Тем не менее, и в случае экстраверсии мы видим (как и для других факторов, кроме нейротизма), что первые два-три максимальных значения принадлежат самоописаниям. В случае нейротизма два самых низких значения принадлежат самоописаниям.

Указанный факт противоположного направления изменения показателей нейротизма и других факторов на самом деле отражает общую закономерность: переход от позитивно воспринимаемых значений (низкий нейротизм, высокие открытость, доброжелательность и т. д.) в самоописаниях к менее позитивным — в гетеростереотипах.

Самым четким образом закономерность монотонного снижения значений в последовательности от самоописания к гетеростереотипам проявляется для фактора «доброжелательность». Здесь наиболее высокие значения имеют самоописания, потом идут шесть автостереотипов и за ними следуют все гетеростереотипы.

Интересно отметить некоторые случаи согласия и, напротив, противоречий между проекциями национального характера.

1. По нейротизму (N) самоописание русских, в отличие от мокшан и эрзян, не находится в числе трех самых низких значений. То, что это не случайно, и что русские респонденты действительно находят у себя признаки относительно более высокого нейротизма, подтверждается тем, что автостереотип регионального русского по этому фактору имеет второе по величине значение (10,8), пропустив на первое место лишь эрзянский гетеростереотип регионального русского (10,9). Таким образом, в оценках нейротизма автостереотип и ге-

теростереотипы «русского вообще» близки к самоописанию русских респондентов.

В отличие от нейротизма у русских, оценки по этому фактору у мокшан содержат некоторые противоречия, в частности между самоописанием и автостереотипом: в самоописании мокшане ставят себя на самую низкую позицию (8,6), но их автостереотип занимает пятую позицию (10,6) среди самых высоких значений. И в представлении эрзян нейротизм мокшан выражен почти столь же высоко (10,7), как и у региональных русских.

У эрзян таких противоречий нет: низкое значение в самоописании (9,2) не сильно отличается от его значения в автостереотипе (9,5); и в гетеростереотипах эрзяне не лидируют по этому фактору.

2. Хотя в целом по экстраверсии (E) мокшане дают себе самые высокие оценки (15,5), за ними следуют русские респонденты (15,4), но эрзяне ставят мокшан на самое последнее место (12,4), что и дало по этому фактору единственное значимое различие между самоописанием и стереотипами.

3. По открытости (O) русские оценивают себя самым высоким образом (17,5), достаточно высоко стоят и оба автостереотипа русских (15,4 у «русского вообще» и 15,2 у регионального русского, сразу за самоописаниями трех этногрупп), и, что примечательно, согласно гетеростереотипам, этот фактор также признается более высоким у «русского вообще» (эрзя — 14,5, мокша — 14,3) и у регионального русского (эрзя — 14,6, мокша — 14,3). Мокшане весьма критично оценивают открытость у своего типичного представителя (13,7).

4. По фактору доброжелательность (A), как уже говорилось, имеет место четкая последовательность уменьшения значений от первичных к третичным проекциям, и достаточно явных противоречий здесь, по-видимому, нет. Русские примерно одинаково оценивают этот фактор у мокшан (12,9), эрзян (12,8) и мордвы (12,5); самое низкое значение фактора A эрзяне атрибутируют мокшанам (11,1), в то время как мокшане считают, что оба типа русских уступают по доброжелательности эрзянам.

5. По фактору сознательность бросается в глаза, что эрзяне как среди самоописаний, так и среди автостереотипов получили самые высокие оценки (17,7 и 16,1, соответственно), однако в представлении мокшан эрзяне занимают последнее место (12,9); при этом русские довольно высоко оценили сознательность эрзян (14,2), подняв ее выше значения в автостереотипе «русского вообще» (13,8).

Выводы

1. Сравнительный анализ самоописаний трех этногрупп респондентов — русские, мокша и эрзя — дает основание сомневаться в существовании заметных характерологических различий между ними.

2. Обнаружена общая закономерность: переход от позитивно воспринимаемых значений (низкий нейротизм, высокие открытость, доброжелательность и т. д.) в самоописаниях к менее позитивным в авто- и гетеростереотипах.

3. Представления русских респондентов о типичных мокшанах и эрзянах оказались ближе к само-описаниям мокшанских и эрзянских респондентов, чем представления мокшан об эрзянах и эрзян о мокшанах.

4. Следовательно, этнокультурные близость и знакомость народов не гарантируют более точные представления о национальных характерах друг друга; этнокультурно более далекий, «третий» народ может иметь более точные представления о национальном характере этих народов.

5. Результаты согласуются с гипотезой, что взаимные гетеростереотипы эрзян, мокшан и русских не отражают реальные взаиморазличия национальных характеров.

Литература

1. Аллик Ю., Мьттус Р., Реало А., Пуллманн Х., Трифонова А., МакКрэй Р.Р., Мещеряков Б.Г. и 55 участников проекта «Русский характер и личность». Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому // Культурно-историческая психология. 2009. № 1.

2. Баляев С.И. Этнические стереотипы как социально-перцептивные феномены этнического самосознания эрзян и мокшан: Дисс. ... канд. психол. наук по специальности 19.00.05 — соц. психология. Самарский гос. пед. университет, 1999.

3. Баляев С.И. Этнические стереотипы как социально-перцептивные феномены этнического самосознания эрзян и мокшан. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Самара, 1999.

4. Allik J., Realo A., Mottus R., Pullmann H., Trifonova A., McCrae R.R. et al. Personality Profiles and the "Russian Soul": Literary and Scholarly Views Evaluated // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. V. 42 (3).

5. Allport G.W. The nature of prejudice (25th Anniversary ed.). N. Y., (1978 / 1954).

6. Boster J.S., Maltseva K. A crystal seen from each of its vertices: European views of European national characters // Cross-Cultural Research. 2006. V. 40(1).

7. Costa P.T. Jr., McCrae R.R. Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI): Professional Manual. Odessa, FL, 1992.

8. Hilton J.L., Hippel W. von. Stereotypes // Annu. Rev. Psychol. 1996. V. 47.

9. Inkeles A. National Character: A psycho-social perspective. New Brunswick, 1997.

10. McCrae R.R., Allik J. (eds.) The Five-Factor Model of Personality Across Cultures. N. Y. et al., 2002.

11. Pettigrew T.F. The ultimate attribution error: extending Allport's cognitive analysis of prejudice // Pers. Soc. Psychol. Bull. 1979. V. 5.

12. Terracciano A., Abdel-Khalek A.M., Adam N., Adamovova L., Ahn C., Ahn H.N., et al. National character does not reflect mean personality trait levels in 49 cultures // Science. 2005. V. 310 (5745).

Russians, Mokshans and Erzyans: Analysing Projections of National Characters

B.G. Meshcheryakov

PhD in Psychology, professor at the Chair of Psychology, Dubna International University of Nature, Society and Man

E.A. Shamanina

PhD student at the Chair of Psychology, Dubna International University of Nature, Society and Man

J. Allik

PhD in Psychology, professor of experimental psychology, University of Tartu (Estonia)

This research covered three ethnic groups (Russians, Mokshans and Erzyans) and all participants (140 persons) were students of the same Mordvinian university. Their task was to evaluate personality traits of the following 'evaluation objects' using the National Character Survey: 1) Russian in general; 2) Russian living in Mordovia (regional Russian); 3) Mordva; 4) Erzya; 5) Moksha; 6) oneself. Although there seemed to be no significant characterological differences between the three ethnic groups of respondents, there certainly were considerable differences in their auto- and, most importantly, heterostereotypes. The paper reflects on how positively perceived values in self-descriptions (low Neuroticism, high Openness for Experience, Agreeableness etc.) transform into less positive ones in auto- and heterostereotypes. As it is concluded, ethnocultural closeness and acquaintanceship between the nations do not guarantee a better understanding of each other's national characters.

Keywords: ethnic stereotypes, National Character Survey, Big Five, Mordva, Moksha, Erzya, Russian.

References

1. Allik Yu., Myttus R., Realo A., Pullmann H., Trifonova A., MakKrei R.R., Meshcheryakov B.G. i 55 uchastnikov proekta "Russkii harakter i lichnost'". Konstruirovaniye nacional'nogo haraktera: svoistva lichnosti, pripisyvaemye tipichnomu russkomu // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2009. № 1.
2. Balyaev S.I. Etnicheskie stereotipy kak social'no-perceptivnye fenomeny etnicheskogo samosoznaniya erzyan i mokshan: Diss. ... kand. psihol. nauk po special'nosti 19.00.05 – soc. psihologiya. Samarskii gos. ped. universitet, 1999.
3. Balyaev S.I. Etnicheskie stereotipy kak social'no-perceptivnye fenomeny etnicheskogo samosoznaniya erzyan i mokshan. Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Samara, 1999.
4. Allik J., Realo A., Mottus R., Pullmann H., Trifonova A., McCrae R.R. et al. Personality Profiles and the "Russian Soul": Literary and Scholarly Views Evaluated // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. V. 42 (3).
5. Allport G.W. The nature of prejudice (25th Anniversary ed.). N. Y., (1978 / 1954).
6. Boster J.S., Maltseva K. A crystal seen from each of its vertices: European views of European national characters // Cross-Cultural Research. 2006. V. 40(1).
7. Costa P.T. Jr., McCrae R.R. Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI): Professional Manual. Odessa, FL, 1992.
8. Hilton J.L., Hippel W. von. Stereotypes // Annu. Rev. Psychol. 1996. V. 47.
9. Inkeles A. National Character: A psycho-social perspective. New Brunswick, 1997.
10. McCrae R.R., Allik J. (eds.) The Five-Factor Model of Personality Across Cultures. N. Y. et al., 2002.
11. Pettigrew T.F. The ultimate attribution error: extending Allport's cognitive analysis of prejudice // Pers. Soc. Psychol. Bull. 1979. V. 5.
12. Terracciano A., Abdel-Khalek A.M., Adam N., Adamovova L., Ahn C., Ahn H.N., et al. National character does not reflect mean personality trait levels in 49 cultures // Science. 2005. V. 310 (5745).

«Психологическая лаборатория» А.И. Солженицына

Л.А. Пергаменщик

доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии
Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка

В статье представлен опыт анализа процесса переживания и преодоления кризисных событий жизненного пути. Процесс преодоления изучен посредством вхождения в психологическую экспериментальную лабораторию А.И. Солженицына, записанного автором в повести «Один день Ивана Денисовича».

Ключевые слова: страдание, переживание, преодоление, время, нравственность, кризисная ситуация, нарратив, поступок, рефлексия, автор, герой.

В последней четверти XX века исследовательское внимание кризисных психологов перешло от «пострадавших» к самостоятельно «выжившим», и психологи приступили к поиску кода выживания. Ростки новой парадигмы мы обнаруживаем у В. Франкла в его концепции «**выживание через веру в себя**», у П. Тиллиха в концепции «**мужество быть**». Следующее поколение ученых для объяснения успешности преодоления людьми стрессогенных ситуаций жизненного пути выдвигали различные объяснительные механизмы. Так, А. Антоновский предложил концепт «**чувство связанности**» [12; 24; 25], С. Мадди — «**жизнестойкость**» [11; 26], Дж. Гринберг — «**решительность**» [5].

Перед учеными-исследователями в очередной раз встала проблема проникновения в область человеческих страданий. Насколько это возможно? Нельзя не согласиться с точкой зрения, высказанной литературоведом Г. Чхарташвили, который писал, что изучение душевных страданий может быть организовано «наблюдателем, который себя к данному виду вроде бы не относит, а потому может рассматривать происходящее с чисто научным интересом — не сопереживать, регистрировать факты» [22, с. 17].

В данной статье мы предлагаем «войти» в экспериментальную лабораторию писателя для изучения человеческих страданий. Писатель¹ каким-то образом встраивается в человеческое поведение, «видит», чувствует, сопереживает и раскрывает механизмы страдания и преодоления, победы или поражения. В тексте писателя прослеживается механизм «активного эмоционально-волевого отношения к внутренней определен-

ности человека» [2, с. 96]. Лаборатория писателя подробно проанализирована в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» [2] М.М. Бахтиным, чьи тексты выходят далеко за пределы эстетики и для многих психологов, изучающих феномены «страдания», «переживания», «диалога», стали настольными книгами.

Таким образом, мы имеем право рассматривать литературное произведение как текст жизни, записанный квалифицированным «свидетелем». Задача психолога-исследователя — «прочитать» этот текст, отнестись к нему бережно, не пропустить важные детали, минимизировать влияние знания, которым обладал до текста.

Как правило, на каждый талантливый текст существует целая библиотека с его анализом. В эту работу включаются и профессиональные психологи, которые, когда им не хватает психологического материала, не стесняются брать недостающий фрагмент человеческих переживаний у писателей. Назовем некоторых из них: Э. Фромм, И. Ялом, В.П. Зинченко... список можно продолжить. В наш небольшой опыт обращения к писательским текстам входят темы изучения страдания, преодоления потери (смерти близких), последствий невнимания к экзистенциальной вине [13; 14; 15; 16; 17].

Итак, перед нами текст, описывающий «каторжный ад», куда спустился не по своей воле Иван Денисович Шухов. В него входил герой Данте, но он знал, зачем он туда спускается, и главное — знал, что наступит время возврата.

Надежность данного текста обеспечивается обращением к методу коммуникативной валидности².

¹ По свидетельству В.П. Зинченко, М. Мамардашвили в одной из своих лекций говорил, что рассматривает художественную литературу и поэзию как экспериментальную психологию [с. 135].

² У «качественников» данная процедура имеет различные названия: внешний аудит исследовательского процесса (А.М. Улановский), подтверждаемости (confirmability) (А.Е. Войскуновский, С.В. Скрипкин), контроль анализа с помощью нескольких интерпретаторов (С. Квале). «Для обеспечения обоснованности (dependability) и подтверждаемости (confirmability) данных применяется процедура внешнего аудита исследовательского процесса, предполагающая использование независимого консультанта или аудитора...» [18, с. 34].

«Понятие коммуникативной валидности предполагает вопрос о том, кто с кем общается. Кто является законным партнером в диалоге об истинном знании?» [6]. Партнером в установлении истинности получаемого знания выступает В.Я. Лакшин — доктор филологических наук, ближайший соратник А.Т. Твардовского по журналу «Новый мир» в 60—70 годы XX века.

Иван Денисович Шухов — деревенский житель, воевал, попал в плен и по обвинению в шпионской деятельности (ни следователь, ни сам Шухов так и не смогли определить страну, на которую он работал) отправлен в лагерь, в котором на момент встречи с ним отсидел восемь лет.

В кризисной ситуации Иван Денисович ищет в ней смысл. Он приступает к поискам виновного и очень надеется, что есть **временные** рамки как жизни, так и проживания этой жизни. Человек в своем опыте и в опыте поколений установил для себя очевидную истину: если у горя есть начало, то у него должен быть конец. Это очень точно представил В. Франкл, свидетель и участник трагического безвременья своей жизни. Трагического — потому что временные рамки были изъяты из жизненной ситуации, и это самое страшное, что могло произойти с человеком, — попадание в ситуацию безысходности, ибо исход как завершение может оформиться только в координатах времени.

Психологический паспорт Ивана Денисовича можно охарактеризовать тремя параметрами: дотошность, практичность, внимательность. Три характеристики, внешне ни к чему не обязывающие, скорее уводящие человека от реальных проблем, которые предъявляет ему кидаящийся «на плечи век-волкодав». Однако в экстремальной ситуации безвременья эти характеристики оказываются, по утверждению автора-свидетеля, важнее таких личностных параметров, как «жизнестойкость» (С. Мадди) или «чувство связанности» (А. Антоновский).

Быть внимательным ко всякой мелочи — важнейшее условие, от которого зависит «благополучие, здоровье и самая жизнь лагерника» [8, с. 28]. Внимание к мелочам лагерной жизни позволяет Ивану Шухову выстраивать день, состоящий из «маленьких удач», который в итоге складывается в день удачи. Почему мелочи, почему к ним необходимо внимание? В любой кризисной ситуации человека поглощает, «захватывает» сама ситуация кризиса, например смерть близкого, так как мы не можем ничего сделать, не можем изменить ситуацию. И человек поглощен, страдает под воздействием случившегося. Так произошло и с Шуховым: он в лагере и это, безусловно, страшно и несправедливо, голодно и холодно, много работы и мало сна. Что же делать? Ясно, самый справедливый выход — освобождение, но какой смысл мечтать о завершении ситуации, у которой нет выхода?.. Как и со смертью близкого человека, которого не воскресить. Что можно сделать в этой ситуации: взглянуть на свой мир и задать себе вопрос. Что в нашем мире

происходит кроме трагического события? Оказывается, в мире есть много маленьких событий, которые, конечно, ничтожны по значимости в сравнении с главным событием отрезка жизненного пути, в который помимо нашей воли привела человека его судьба. Что они дают — мелкие события? Они позволяют почувствовать мир, такой мир, в который человек приносит самого себя, свою возможность на него влиять. Человек продолжает чувствовать, что мир управляем, хотя еще вчера или год назад этот мир полностью вышел из его рук. На важность понимания, что человек способен выбрать свой путь, обратили внимание С. Мадди и А. Антоновский, включив в свои концепции устойчивости к стрессу шкалу, измеряющую управляемость миром: «контроль» (С. Мадди) и «управляемость» (А. Антоновский).

Вернемся к Шухову, к его отношению к мелочам жизни. В тяжелейших условиях лагерной жизни Шухов управляет своим бытием. Для этого он анатомически разделил свой день на временные отрезки, где может решать, как себя вести, когда приступить к работе, а когда ее закончить. Возникает ощущение при чтении повести, что перед нами научный отчет об одном дне, проведенный с использованием метода включенного наблюдения. Создается впечатление, что перед нами не заключенный ШЦ-854, а свободный человек, который занят, правда, тяжелым трудом, его плохо кормят, у него нет теплой одежды, но у него есть главное, что отличает человека свободного — он сам управляет своей жизнью. В оформленном протоколе наблюдения одного дня Ивана Денисовича зафиксировано, что работа, взаимодействие с членами бригады, с соседями по нарам — зависят в полной мере от него самого. И когда мы приступаем к интерпретации записей по результатам квазиэксперимента писателя А. И. Солженицына об одном дне испытуемого ШЦ-854, мы делаем вывод, что возможность управлять своей жизнью — вернейший путь к освобождению от негативных последствий травмы, освобождения от гнетущего представления, что мир завалился.

Через внимание к мелочам жизни можно управлять временем жизни. Управление временем происходит у Шухова через растягивание минут удачи и через увод драматических моментов в тень, на задний план жизни.

Важно отметить, что это умение, видимо, поддается развитию. Так, кризисные психологи используют метод В. Франкла — «деревлексия», в котором заложена возможность и необходимость перевести внимание пострадавшего от собственно кризисного события на «мелочи» жизни, вокруг которых и идет психотерапевтическая беседа.

Формула управления временем уникальна в уникальных обстоятельствах жизни. Послушаем В. Франкла: у человека в лагере «наряду с концом неопределенности появляется неопределенность конца... никто из заключенных не мог знать, как долго ему придется там находиться. ...это было, быть мо-

жет, одним из наиболее тягостных психологических обстоятельств жизни в лагере» [21, с. 140].

В один день Ивана Шухова спрессован восьмилетний отрезок жизни, который состоит из нечеловеческих условий существования. Если понять, как человек смог выжить в описанных условиях, можно получить ключ для преодоления кризисных событий своей жизни.

В конце дня Иван Шухов подводит итоги и составляет свой список Робинзона, который психологически выглядит неправильным. Он не говорит об удачах, он использует предлог «не», а психология учит, что нельзя, если хочешь внести удачу в свою жизнь, использовать отрицательную частицу «не». Итак, конец благополучного и обычного лагерного дня в оценке Шухова выглядит следующим образом: «не посадили..., не выгнали..., не попался..., не заболел». Оказывается, можно оценить свой день как удачный, описывая его негативными утверждениями. Итак, прожит день в условиях лагеря, который зафиксирован Ш-854 как счастливый. Но какое отношение к происшедшему имеет Иван Шухов, чтобы, подводя итоги, он оценил свой день как вполне благополучный? Благополучие требует личных усилий, а не только и не столько удачу и везение, заложенные в итоге дня как фрагмент общей жизни. Завтра день настанет снова и придется подтверждать свое существование завтрашними усилиями. Следствие из первого «К» (Декарта) М. Мамардашвили можно сформулировать следующими словами: «чтобы быть надо превосходить» [9].

Чтобы выделить формулу выживания из небольшого фрагмента жизненного пути, обратимся к ключевому эпизоду одного дня: работе Шухова на кладке шлакоблоков. Именно здесь проявились: внутренняя устойчивость Ивана Шухова, **вера** в себя, в свои руки, в свою бригаду. Экстремальные условия бытия Иван Шухов преодолевает через ценности созидания: «Для Ивана Денисовича в этой работе нечто большее — радость мастерства, полного и свободного владения своим делом, то вдохновение работы, которое пробуждает в голодном, оборванном зэке человеческую гордость и чувство достоинства» [18, с. 110]. У Ивана Шухова все повадки мастера: он не может работать плохо, так как в труде он видит смысл своей жизни, через труд он приходит к уважению самого себя, через труд он получает уважение от других, от товарищей по бригаде. Его статус в бригаде доходит до статуса бригадира, когда он в руки берет мастерок. «Кто работу крепко тянет, тот над соседями вроде бригадира становится» [18, с. 83]. Социальные психологи обязательно отметили бы, что в процессе работы Шухов приобрел более высокий социометрический статус по деловому критерию выбора: «С кем бы вы хотели работать рядом?».

Отношение к труду и уважение со стороны бригады определили нравственную устойчивость Ивана

Шухова. Именно в такой последовательности: творческое отношение к труду — место в бригаде — нравственный кодекс выживания. За спиной Шухова всегда был его труд, который позволял ему крепко стоять в минуты невзгод.

Шухов «примерился» к лагерю, приспособился, адаптировался. Читатель встречается с Ш-854, уже получившим опыт 8 лет лагерей, где «выработал в себе некоторые внешние реакции, которые тут есть как бы условие существования: соблюдай лагерный режим, поклонись надзирателю, не пускайся в препирательство с конвоем» [10, с. 84]. Окончательную победу в одном дне Шухов совершил именно на границе добра и зла, взяв нравственные принципы в основу своей модели жизни. Ш-854 следует нравственному кодексу выживания, который и позволяет в невыносимых условиях бытия остаться человеком. Писатель А. И. Солженицын скорее всего не был знаком с лагерным опытом В. Франкла, но мысли у них сходны: тот и другой на собственном опыте выстрадали формулу выживания, которую апробировали и предложили читателям для обсуждения. «В конечном счете, телесно-душевный упадок зависел от духовной установки, но в этой духовной установке человек был свободен!» [21, с. 143]. Эту духовную установку В. Франкл назвал «упрямство духа». Шанс выжить зависит от отношения человека к жизни, от его духовной установки в конкретной ситуации. И еще «человеку важно умереть своей смертью» [21, с. 152]. В своей пронзительной книге В. Франкл цитирует психоаналитика Е. Коэна (E.A. Cohen): «Обычно человек живет в царстве жизни; в концлагере же люди жили в царстве смерти. В царстве жизни можно уйти из жизни, совершив самоубийство; в концлагере можно было уйти только в духовную жизнь. Только те могли уйти из царства смерти, кто мог вести духовную жизнь. Если кто-то переставал ценить духовное, спасения не было, и ему приходил конец. Сильное влечение к жизни при отсутствии духовной жизни приводило лишь к самоубийству» [21, с. 153].

Передачи, отдачи, предательства самого себя выходят за рамки нравственного кодекса³ Ивана Шухова. Человек гибнет, если ходит к куму стучать. «Духовная жизнь заключенного укрепляла его, помогала ему адаптироваться и тем самым в существенной степени повышала его шансы на выживание» [21, с. 153].

Какое значение имеет нравственный критерий в поисках кода выживания? Не предавай своих товарищей, не ходи к куму «стучать». Почему нравственное отступление приводит к физической гибели? Почему отказ от нравственной позиции переводит жизнь человека на последний окончательный этап сопротивления? Поражение человеческой нравственности происходит в борьбе за выживание, которое означает сдачу человеческой, нравственной по-

³ В ситуации выбора «жизнь — смерть», поставив на кон физическое выживание, Рыбак — герой повести В. Быкова «Сотников», умирает духовно [3].

зиции, самоунижение, доведение себя до животного уровня. Человек терпит поражение в той области, до которой не может пройти ни один палач. Иван Шухов обозначает этот путь как позорное приспособление. Почему позорное, перед кем позорное и в чем же поражение, когда происходит выживание? Этот путь легкий, а легкий путь приводит к потере сопротивляемости, и, как следствие, наступает реальная физическая гибель. Что же позволяет Шухову выдержать непростой нравственный кодекс чести? Ответ: дело, которое мастерством называется.

Рефлексия поступка. Итак, завершен анализ поведения Щ-854 в том виде, как нам представил А.И. Солженицын, выступивший в роли нарратора. Понимает ли сам испытуемый, что у него появилась стратегия преодоления, которую А.И. Солженицын оценил как адаптивную, психолог Л.А. Пергаменщик — как позволяющую выжить, а внешний аудитор В.Я. Лакшин задолго до психологического вмешательства делает такой же вывод. Пока мы не приступили к анализу текста «Один день Ивана Денисовича», существовали нарратор — А.И. Солженицын и герой нарратива — И.Д. Шухов. Похожая ситуация каждый раз возникает в академической психологии: есть исследователь и есть испытуемый. Ученый, чтобы получить исследовательские результаты, которые затем появляются в письменном виде (отчет, статья, книга), ответить на выдвинутую гипотезу, организует наблюдение, использует разнообразный психодиагностический инструментарий. После обработки полученных данных он проводит процедуру интерпретации и только здесь может появиться (или нет) личность испытуемого, человек со своими стратегиями преодоления. При рождении литературного произведения мы становимся свидетелями схожего механизма зарождения текста. Только после проведения процедуры интерпретации и записи этой процедуры в виде текста рассказа, повести, романа появляется герой со своей стратегией преодоления.

Итак, герой, испытуемый — понимает ли он свое поведение, анализирует, рефлексиирует ли свои поступки? Или за него это проводит исследователь, писатель, от которого герой полностью зависим?

Другими словами, что мы получили: отчет ученого, писателя или все же фрагмент жизни, по которому судим, как человек преодолевает трудности жизненного пути? Чем отличается сама жизнь от жизни рассказанной? Можно ли согласиться с метафорой (?) Дж. Брунера «жизнь как нарратив»?

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к М.М. Бахтину⁴, который анализирует два феномена: а) активность человека и б) рефлексии этой активности. Перед нами текст: «Живущий человек изнутри себя устанавливается в мире активно, его осознаваемая жизнь в каждый момент есть поступление: я

поступаю делом, словом, мыслью, чувством; я живу, я становлюсь поступком» [2, с. 129]. Шухов в течение одного дня совершал поступки, размышлял о своем поведении, т. е. существовал осознанно. Итак, первый тезис формулы Бахтина: человек есть то, что он сделал из себя поступком, человек есть поступок. Человек есть то, что он сделал своей активностью, которая может иметь несколько ипостасей: слово, дело, мысль, чувство. Эта линия продолжает формулу Декарта: я мыслю, следовательно, я существую. И Декарт и Бахтин утверждают, что человеческое существование определяется мыслью, правда, Бахтин добавляет другие виды активности: слово, чувство, дело. В другое время Мамардашвили заменит все эти слова одним — активность [9].

Пойдем дальше: «Однако я не выражаю и не определяю непосредственно себя самого поступком; я осуществляю им какую-нибудь предметную, смысловую значимость, но не себя как нечто определенное и определяемое» [2, с. 129]. Эта мысль озадачивает. Выходит, что через поступок человек определяет не самого себя, а только некую значимость: предметную и смысловую. С этим тезисом Бахтина трудно согласиться, больше правды в тезисе: о человеке можно судить по его делам (поступкам), а не по его словам. Что-то недопонимал уважаемый Михаил Михайлович Бахтин? Может, дальше он пояснит свою мысль? «В поступке отсутствует момент саморефлексии поступающей личности, он движется в объективном, значимом контексте: в мире узкопрактических (жизненно-житейских) целей, социальных, политических ценностей, познавательных значимостей (поступок познания), эстетических ценностей (поступок художественного творчества или восприятия) и, наконец, в собственно нравственной области (в мире ценностей узкоэтических, в непосредственном отношении к добру и злу)» [там же, с. 129]. Это уже понятнее, но до конца неубедительно.

Следующая мысль ученого. «Мое поступающее сознание как таковое ставит только вопросы: зачем, для чего, как правильно или нет, нужно или не нужно, должно или не должно, добро или не добро, но никогда не ставит вопросов: кто я, что я и каков я»⁵ [там же, с. 29]. Допустим, можно согласиться с Бахтиным, но тогда остается невыясненным вопрос: почему сознание не поднимается над собой в поисках самосознания? Когда сознание приступает к постановке этих вопросов: «кто я, что я и каков я?». Не об этом ли говорит М. Мамардашвили в «принципе Кафки»? По правильному и внешне нравственному поступку мы еще не можем знать, что есть человек, если не знаем, как он относится к поступку, если поступок не стал частью его Я, если нравственный поступок не стал частью его нравственного Я [9].

⁴ У меня создалось впечатление, что Бахтин анализирует повесть Солженицына, хотя его текст писался за 40 лет до появления в «Новом мире» повести Солженицына.

⁵ Бахтин отмечает, что поступающее сознание не ставит вопрос о самосознании, но он понимает, что для завершения цикла сознание-поступок-осознание необходимо провести отдельно анализ когнитивной (кто я?) и эмоциональной (какой я?) составляющих самосознания.

Итак, Бахтин анализирует деятельность героя, у которого есть автор. Что же происходит у человека, у которого нет автора, как его провести через ситуацию жизненной активности? Во-первых, нет человека, у которого бы не было автора (ученого, писателя, рассказчика или самого автора), во-вторых, Бахтин как бы подозревал возможность таких вопросов: «Несколько сложнее обстоит дело в чисто жизненной активности Однако и здесь все мое входит в предметную заданность поступка, противостоит ему как определенная цель, и здесь мотивационный контекст самого поступка лишен героя. Итак, в окончательном итоге: поступок выраженный, высказанный во всей его чистоте, без привлечения трансгредиентных⁶ моментов и ценностей, чуждых ему самому, окажется без героя как существенной определенности» [2, с. 130]. Сам по себе поступок еще не приводит к существенной определенности, другими словами, по поступку мы еще не можем судить о сущности личности.

Подведем итоги.

Традиционно принято считать, что человек есть то, что он сделал из себя поступком, человек есть поступок. Человек есть то, что он сделал своей активностью, которая может иметь несколько ипостасей: слово, дело, мысль, чувство. Но, по правильному, и внешне нравственному поступку мы еще не можем знать, что есть человек, если не знаем, как он относится к поступку [9].

Личность проявляется не столько в поступке, сколько в переживании поступка, в процессе рефлексии («саморефлексии»). Недостаточно прожить

фрагмент действительности, надо отнестись к нему. Психологи используют категории *рефлексия*, *переживание*, *самотрансценденция* для обозначения механизма появления на сцене жизни личности. Недостаточно быть, а в поступках проявляются только лики бытия, существования, важно еще подняться над своим бытием, чтобы бытие не исчезло, надо постоянно мыслить об этом бытии; чтобы быть, надо превосходить, чтобы быть, надо иметь возможность наименовать [9]. Ученые-психологи нередко фиксируют бытие наших испытуемых, а затем домысливают за них, доживают за них, допереживают за них. Так и возникает в исследовательских текстах феномен человека без сознания, без совместного знания.

Вхождение в экспериментальную лабораторию Писателя позволило получить доступ к поведению человека в кризисной ситуации. Были рассмотрены механизм выживания, стратегия преодоления. Перед нами предстал крайний случай человеческого бытия — погружение в ад. Таким образом, мы делаем вывод, что если в аду человек может побороться с судьбой — он получает опыт для всей оставшейся жизни, но он представляет и другим опыт преодоления кризисных событий жизненного пути.

Какой еще опыт можно извлечь из давней повести знаменитого писателя? В трудные минуты жизненного пути не надо пренебрегать мелочами этого пути. Именно «незначительное» в твоей жизни может поддержать тебя очень значительно, заметно, эффективно. Нравственная устойчивость, в конечном счете, завершит твою собственную формулу выживания.

⁶ Понятие трансгредиентный означает внеположенность по отношению к внутреннему составу мира героя моментами. Термин взят Бахтиным из «Общей эстетики» Ионаса Кона [2].

Литература

1. *Анциферова Л.И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. № 1.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
3. *Быков В.* Сотников. М., 2004.
4. *Войскунский А.Е., Скрипкин С.В.* Качественный анализ данных // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. 2001. № 2.
5. *Гринберг Дж.* Управление стрессом / 7-е изд. СПб., 2002.
6. *Квале С.* Исследовательское интервью. М., 2003.
7. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М., 2010.
8. Кризисная психология. Справочник практического психолога / Сост. С.Л. Соловьев. М.; СПб., 2008.
9. *Мамардашвили М.* Сознание и бытие // Мой опыт нетипичен. СПб., 2000.
10. *Лакшин В.Я.* «Иван Денисович», его друзья и недруги // Новый мир. 1964. № 1.
11. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М., 2006.
12. *Осин Е.Н.* Чувство связанности как показатель психологического здоровья и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 3.
13. *Пергаменщик Л.А.* Список Робинзона: Психологический практикум. Мн., 1996.
14. *Пергаменщик Л.А.* Психотерапия Л.Н. Толстого / Образование и воспитание. 1993. № 10.
15. *Пергаменщик Л.А.* Почему надо любить себя / Психология. 1996. № 4.
16. *Пергаменщик Л.А.* Иллюстрированный анализ человеческого страдания // Психология. 2002. № 3.
17. *Пергаменщик Л.А.* Психическое оцепенение как разрыв непрерывности бытия / Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 1.
18. *Солженицын А.И.* Один день Ивана Денисовича. Повесть. СПб.; М., 1963.
19. *Тиллих П.* Избранное: теология культуры. М., 1995.
20. *Улановский А.М.* Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопросы психологии. 2006. № 3.
21. *Франкл В.* Психолог в концентрационном лагере // Человек в поисках смысла: Сборник. М., 1990.
22. *Чхарташвили Г.* Жизнь и смерть Юкио Мисимы, или как уничтожить храм // Мисима Ю. Золотой храм: Роман, новеллы, пьесы. СПб., 1993.
23. *В. Шаламова.* «Перчатка или КР-2: Рассказы». М., 1990.
24. *Antonovsky A.* Health, Stress and Coping. San Francisco, 1979.
25. *Antonovsky A.* Unravelling the Mystery of Health. San Francisco, 1987.
26. *Maddi S.R., Khoshaba D.M.* Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. 1994. V. 63. № 2.

'Psychological Laboratory' of Aleksandr Solzhenitsyn

L.A. Pergamenschik

PhD in Psychology, dean of the Department of Psychology, Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University

The paper provides an analysis of how a person experiences and overcomes critical life situations. The process of overcoming is explored by means of joining Aleksandr Solzhenitsyn's experimental psychological laboratory described in his novel *One Day in the Life of Ivan Denisovich*.

Keywords: suffering, experience, overcoming, time, morality, critical situation, narrative, deed, reflection, author, hero.

References

1. *Ancyferova L.I.* Lichnost' v trudnyh zhiznennyh usloviyah: pereosmyslenie, preobrazovanie situacii i psihologicheskaya zashita // *Psihologicheskii zhurnal*. 1994. № 1.
2. *Bahtin M.M.* Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1986.
3. *Bykov V.* Sotnikov. M., 2004.
4. *Voiskunskii A.E., Skripkin S.V.* Kachestvennyi analiz dannyh // *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 14: Psihologiya*. 2001. № 2.
5. *Grinberg Dzh.* Upravlenie stressom / 7-e izd. SPb., 2002.
6. *Kvale S.* Issledovatel'skoe interv'yuu. M., 2003.
7. *Zinchenko V.P.* Soznanie i tvorcheskii akt. M., 2010.
8. *Krizisnaya psihologiya. Spravochnik prakticheskogo psihologa / sost. S.L. Solov'ev.* M.; SPb., 2008.
9. *Mamardashvili M.* Soznanie i bytie // *Moi opyt netipichen*. SPb., 2000.
10. *Lakshin V.Ya.* "Ivan Denisovich", ego druz'ya i nedrugi // *Novyi mir*. 1964. № 1.
11. *Leont'ev D.A., Rasskazova E.I.* Test zhiznestoikosti. M., 2006.
12. *Osin E.N.* Chuvstvo svyazannosti kak pokazatel' psihologicheskogo zdorov'ya i ego diagnostika // *Psihologicheskaya diagnostika*. 2007. № 3.
13. *Pergamenschik L.A.* Spisok Robinzona: Psihologicheskii praktikum. Mn., 1996.
14. *Pergamenschik L.A.* Psihoterapiya L.N. Tolstogo / *Obrazovanie i vospitanie*. 1993. № 10.
15. *Pergamenschik L.A.* Pochemu nado lyubit' sebya / *Psihologiya*. 1996. № 4.
16. *Pergamenschik L.A.* Illyustrirovannyi analiz chelovecheskogo stradanija // *Psihologiya*. 2002. № 3.
17. *Pergamenschik L.A.* Psihicheskoe ocepnenie kak razryv nepreryvnosti bytiya / *Moskovskii psihoterapevticheskii zhurnal*. 2009. № 1.
18. *Solzhenitsyn A.I.* Odin den' Ivana Denisovicha. *Povest'*. SPb.; M., 1963.
19. *Tillich P.* Izbrannoe: teologiya kul'tury. M., 1995.
20. *Ulanovskii A.M.* Kachestvennaya metodologiya i konstruktivistskaya orientaciya v psihologii // *Voprosy psihologii*. 2006. № 3.
21. *Frankl V.* Psiholog v koncentracionnom lagere // *Chelemek v poiskah smysla: Sbornik*. M., 1990.
22. *Chhartashvili G.* Zhizn' i smert' Yukio Misimy, ili kak unichtozhit' hram // *Misima Yu. Zolotoi hram: Roman, novelly, p'esy*. SPb., 1993.
23. *V. Shalamova.* "Perchatka ili KR-2: Rasskazy". M., 1990.
24. *Antonovsky A.* Health, Stress and Coping. San Francisco, 1979.
25. *Antonovsky A.* Unravelling the Mystery of Health. San Francisco, 1987.
26. *Maddi S.R., Khoshaba D.M.* Hardiness and Mental Health // *Journal of Personality Assessment*. 1994. V. 63. № 2.

Особенности проживания периода юности: возраст и социально-исторический контекст

Е.Ю. Василевская

студентка факультета психологии Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

О.Н. Молчанова

кандидат психологических наук, профессор кафедры общей и экспериментальной психологии
факультета психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Статья посвящена психологическим особенностям проживания периода юности в разных социально-исторических контекстах. Проводится сравнительный анализ переживаний личности на этапе юности в двух выборках: 1925–1927 гг. и 2011–2012 гг. В исследовании был использован метод «автобиографических записей», представляющий собой открытую анкету для определения ретроспективных переживаний юности, который применял М.М. Рубинштейн для своей выборки 1925–1927 гг. Участниками исследования выступили 129 человек (67 женщин и 62 мужчины, средний возраст – 22 года). В результате проведенного исследования были выявлены как сходные характеристики респондентов двух выборок (повышенный интерес к своему внутреннему миру; рефлексия; стремление к самостоятельности; протест против взрослых; потребность в аффилиации; романтические устремления и др.), так и различные: меняются интересы, стремления, переживания, модели для подражания, личностные проявления. Делается вывод о константности ключевых характеристик юности, не зависящих от смены исторических эпох и социального контекста, и в то же время подчеркивается качественная специфика выявленных особенностей, отражающая изменение «культурного содержания среды».

Ключевые слова: юность, переживание, рефлексия, доминанта интересов, социальный контекст.

Юность является тем особенным периодом развития, который завершает детство и «открывает» взрослость. Юность – это время усиления саморефлексии, потребности в углубленном самоанализе, повышения интереса к себе, поисков и обретения идентичности, достижения устойчивой Я-концепции, время напряженного осмысления вопросов: «Кто Я?», «Какой Я?», «Чего Я хочу?», «Каковы мои возможности и перспективы?», «Какой жизненный путь мне избрать?» и т. д. [8; 9; 12; 16]. Источником, внутренним динамическим фактором развития личности, согласно модели В.А. Петровского, начинает выступать противоречие: «Я не похож на других» – «Я – как все» (противоречие Я уникального и Я заурядного) [11, с. 267]. Данное противоречие порождает новую цель – осознать свою уникальность, свое несходство с другими, найти собственную идентичность и, именно благодаря ей, обрести значимость в глазах других и начать движение к самоопределению [там же].

Таким образом, большинство современных авторов так или иначе разделяют точку зрения Л.С. Выготского, согласно которой новая ступень в развитии подростка, его личности и самосознания определяется появлением рефлексии: «наряду с первичными условиями индивидуального склада личности (задатки, наследственность) и вторичными условиями ее обра-

зования (окружающая среда, приобретенные признаки) здесь выступают *третичные условия* (рефлексия и самооформление)» [2, с. 237]. Рефлексия, по Л.С. Выготскому, ведет к внутренним изменениям сознания и, следовательно, самой личности, к возможности «определять образ жизни и поведения, изменять наши действия, направлять их и освобождать их из-под власти конкретной ситуации» [3, с. 252], а также к более глубокому пониманию других людей.

Многие исследователи подчеркивают, что становление сущностных характеристик юности непременно происходит через призму конкретной исторической эпохи; познание внутреннего мира личности возможно только в соотнесении с контекстом культуры и истории [8; 14; 16]. Л.С. Выготский, особо акцентируя роль «культурного содержания среды», определяющей разную структуру и динамику самосознания [2], однако полагал, что условия жизни, внешняя обстановка жизни сами по себе, т. е. прямо, непосредственно не способны определить психическое развитие ребенка. Для определения динамики возраста Л.С. Выготский обращается к понятию «*социальная ситуация развития*», понимая ее, как «совершенно своеобразное, специфическое для данного возраста, исключительное, единственное и неповторимое отношение между ребенком и окружающей его действительностью, прежде всего соци-

альной» [там же, с. 25]. Л.С. Выготский, таким образом, считает, что главное, от чего зависит развитие, — это то, в каких взаимоотношениях со средой находится сам ребенок, что он воспринимает, как он к этому относится и как переживает среду [4]. Именно характер взаимоотношения ребенка со средой, т. е. *переживание* как «единица сознания», как концептуальная «клеточка», в которой «в неразложимом виде представлена, с одной стороны, среда, то, что переживается, — переживание всегда относится к чему-то, находящемуся во вне человека, — с другой стороны, представлено то, как я переживаю это, т. е. все особенности личности и все особенности среды присутствуют в переживании» (цит. по: [10]), определяет роль и влияние среды на развитие ребенка, в первую очередь на «перестройку сознательной личности ребенка».

Несмотря на то, что в психологических исследованиях изучению юности уделяется весьма значительное внимание, проблема того, как проживается и переживается данный этап в зависимости от «культурного содержания среды», остается удивительно мало исследованной.

Цель настоящего исследования состояла в сравнительном анализе особенностей проживания периода юности и специфики переживаний личности на данном этапе в двух выборках: 1925–1927 гг. и 2011–2012 гг., который позволил бы прояснить вопрос: что в психологии юности можно отнести к некоторым «возрастным константам», а что зависит от конкретно-исторических, социально-экономических условий? Таким образом, эмпирические задачи состояли в выявлении сходных характеристик людей, проживающих период юности в разные социально-исторические периоды, и в раскрытии качественной специфики переживаний юности в разных выборках.

Метод

Для решения поставленных задач мы обратились к труду советского психолога, педолога М.М. Рубинштейна «Юность: по дневникам и автобиографическим записям», который в своем исследовании предлагает метод автобиографических записей для анализа переживаний юности [13]. В своей работе М.М. Рубинштейн описывает и интерпретирует полученные с помощью метода автобиографических записей результаты исследования, проведенного в 1925–1927 гг. Метод «автобиографических записей» представляет собой открытую анкету для определения ретроспективных переживаний юности, состоящую из 22 вопросов: 6 общих, содержащих информацию о поле, возрасте, образовании, профессии, национальности, месте, где протекали отрочество и юность, и 16 основных, освещающих переживания в главных сферах жизни молодого человека.

В исследовании М.М. Рубинштейна приняли участие 129 человек, из них 62 мужчины и 67 женщин, средний возраст респондентов составил 22,5 года. Выборка нашего исследования была составлена аналогично выборке М.М. Рубинштейна по следующим критериям:

пол, возраст, образование, место, где протекали отрочество и юность (исключен из рассмотрения только критерий социального происхождения). В нашем исследовании приняли участие тоже 129 человек, 62 мужчины и 67 женщин, средний возраст респондентов составил 22 года. Из них 62 респондента имели высшее образование, 60 — среднее, 7 — неоконченное среднее образование. Отрочество и юность у 74-х человек протекали в большом городе, у 55 человек — в маленьком городе, поселке городского типа или деревне.

Исследование проходило в двух формах, как и у М.М. Рубинштейна. В групповой форме экспериментатор раздавал анкеты респондентам, после чего предлагал им ознакомиться с письменной инструкцией. Некоторые респонденты заполняли анкету в интернете через ресурс *virtualexs* (у М.М. Рубинштейна — анкета высылалась по почте). Качественная обработка первичных данных, полученных в нашем исследовании, производилась аналогично исследованию М.М. Рубинштейна, путем подсчета процентных соотношений. При этом мы так же, как и в предшествующем исследовании, ответы одного респондента по одной рубрике разносили по разным группам, если ответ указывал, не один, а несколько объектов; в результате общая сумма процентов превышает 100. Варианты ответов также были взяты нами из исследования М.М. Рубинштейна. Однако анализ в настоящем исследовании осуществлялся без учета гендерной принадлежности, а в целом по выборке 1925–1927 и выборке 2011–2012 гг.

Первые вопросы анкеты М.М. Рубинштейна касались перехода от детства к отрочеству. Хронологические границы отрочества, обозначенные в анкете, — это возрастной период от 14 до 18 лет, который, в соответствии с современными отечественными периодизациями развития, относится к периоду ранней юности [15].

Результаты и обсуждение

Ответы респондентов, отражающие переживания по поводу изменений физического «Я» и касающиеся душевных переживаний, представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Отражение переживаний по поводу физических изменений при переходе от детства к отрочеству (в %)

Переживания	Выборка 1925–1927 гг.	Выборка 2011–2012 гг.
Незаметно	62,75	69,11
Болезненно	12,30	17,64
Сильный рост	17,15	0,76
Слабость	3,85	6,61
Появление силы	13,3	11,7
Угловатость	2,35	5,88

Анализ табл. 1 показывает, что большинство респондентов двух выборок не отмечали каких-либо особенностей в физическом переходе от детства к отрочеству, для большинства из них изменения в физическом

«Я» прошли незаметно. Однако стоит отметить, что в выборке 1925–1927 гг. большее число респондентов сообщали о сильном росте. Вполне возможно, что в связи с акселерацией современные юноши и девушки пик физических изменений переживают чуть раньше, чем это было в 20-х гг. XX в., он приходится, скорее, на подростковый возраст, чем на юность [8].

Таблица 2
Отражение душевных переживаний при переходе от детства к отрочеству (в %)

Переживания	Выборка 1925–1927 гг.	Выборка 2011–2012 гг.
Незаметно	28,95	37, 71
Угнетенность	15,20	13, 50
Чувство одиночества	8,30	9,41
Возбудимость, раздражительность	14,55	20,99
Застенчивость, стыд	12,80	8,05
Бодрость	2,30	3,96
Замкнутость	4,65	10,77
Задумчивость	13,20	6,68
Чувство взрослости	12,10	11,45
Прилив религиозности	4,65	3,96
Половое возбуждение	6,35	3,96
Стремление к нарядам	3,00	3,96
Умственный подъем	7,60	3,96
Мысли о самоубийстве	0,00	8,39

Судя по результатам, представленным в табл. 2, более выраженными оказываются воспоминания о душевных переживаниях в изучаемый период: только приблизительно треть респондентов каждой выборки не отмечают каких-либо особых эмоций, чувств и ощущений, связанных с переходом на этап юности, остальные называют самые разные переживания, большинство из которых негативны. Частота упоминаний различных переживаний в сравниваемых выборках во многом отличается. В выборке 1925–1927 гг. наиболее часто упоминаемыми являются переживания угнетенности, возбудимости и раздражительности, затем следуют (в порядке убывания) задумчивость и ощущение застенчивости и стыда. В выборке современных респондентов на первом месте стоит упоминание о возбудимости и раздражительности, затем следуют угнетенность, чувство взрослости, замкнутости и чувства одиночества. Более того, 8,39 % из них сообщают, что в тот период их посещали мысли о самоубийстве, тогда как респонденты первой выборки не упоминали об этом. Таким образом, несмотря на то, что переживания, испытываемые в период юности, называются респондентами обеих выборок практически одинаковыми, частота их упоминаний, а, следовательно, конфигурация во многом отличаются, что обуславливает различный эмоциональный статус юношей и девушек в начале прошлого века и в наше время. Если для первых характерен акцент на эмоциях угнетенности, то для вторых — на эмоциях раздражительности, т. е., огрубляя, можно сказать, что первым кажется, что с ними что-то не так (негатив направлен на себя), вто-

рым — что другие «не такие, какими должны быть» (негативные эмоции направлены во вне).

Следующие вопросы анкеты М.М. Рубинштейна должны были выявить особенности умственного развития юношей и девушек, их стремлений и интересов (табл. 3). **Проблема интересов**, превращение влечений в интересы является, по мысли Л.С. Выготского, «ключом ко всей проблеме психологического развития подростка» [2, с. 6]. Именно в период юности одним из главных новообразований является становление мировоззрения, что находит отражение в ответах респондентов (юность как период, в котором «по кусочкам собиралось одеяло картины мира»).

Таблица 3
Интересы в период юности (в %)

Интересы	Выборка 1925–1927 гг.	Выборка 2011–2012 гг.
Сильный умственный рост	37,10	14,18
Стремление к образованию	39,65	40,87
Интерес к внутреннему миру	32,30	35,13
Самоанализ	15,35	20,83
Интерес к личному миру	36,20	38,18
Интерес к философии	35,75	14,83
Интерес к религиозным вопросам	30,70	14,83
Кризис религиозного общения	9,25	0,00
Общественно-политические интересы	36,50	17,88
Естественно-математические интересы	4,65	20,58
Интерес к технике	1,60	14,18
Интерес к истории	4,75	14,83
«Серость и вялость»	2,25	39,53

Обращаясь к табл. 3, в первую очередь необходимо сделать ряд комментариев к терминологии, которую использовал М.М. Рубинштейн. В своей работе он различал личный мир, под которым понимал интерес «к определению своего будущего, своей личной судьбы», и внутренний мир, который он описывал как интерес к своей душе, внутренним переживаниям, «к своим отношениям к окружающему человеческому миру и человеческим отношениям» [13]. Из табл. 3 следует, что респондентов двух выборок отличает выраженное стремление к образованию, к определению своего будущего и направленность на свой внутренний мир, на свое «Я». Поскольку в большинстве развитых стран на период юности приходится время выбора профессии, то многие психологи в качестве ведущей деятельности юности называют профессиональное самоопределение, понимаемое как многомерный и многоступенчатый процесс, развернутый во времени [7]. Однако профессиональное самоопределение в выборке XXI в. протекало качественно отлично от выборки начала XX в. Необходимость скорейшего профессионального определения, материального обеспечения собственной жизни в настоящее время не является актуальным требова-

нием для подростка 14–18 лет, проживающего в центральной части России. По этой причине профессиональное самоопределение современного подростка, как правило, сводится к выбору вуза, образования, а не собственно профессии.

Стремление понять «Кто Я?», самоанализ, повышенный интерес к себе, к своему внутреннему миру явно выражены в анкетах респондентов обеих выборок («Жизнь в своем внутреннем пространстве. Здесь было все, а реальности боялся»). Таким образом, выделенная, вслед за А.Б. Залкиндом, Л.С. Выготским [2, с. 37] *эгодоминанта* или *эгоцентрическая установка*, заключающаяся в том, что собственной личностью подростка становится для него одной из центральных доминант интересов, является, по-видимому, некой «возрастной константой», отражающей закономерности возрастного развития. Данная концентрация на своем «Я» порождает не только противоречие: «Я не похож на других» — «Я — как все» [11, с. 267], и поиск своей уникальности, но и принятие «Я» другого («осознание того, что нельзя заставлять других усваивать собственные представления», «понимание через свои трудности, что есть сострадание, сопереживание»).

Что касается других интересов, то судя, по воспоминаниям респондентов выборки 1925–1927 гг., они обнаруживали в период юности ярко выраженные интересы к философии, к религиозным и общественно-политическим вопросам. Они отмечали, что находились под бременем общественной морали, социальных запретов и не всегда могли открыто выражать то, что их действительно увлекало, что было им интересно и важно: «В моем воспитании было запрещено упоминать имя какого бы то ни было бога, и какой бы то ни было религии. Днем я был атеистом, а ночью простиивал на коленях и молился Богу». В ответах респондентов выборки 2011–2012 гг. не встречалось противопоставления «Я и общество», если и содержалось упоминание о запретах, то это были родительские запреты, а не общественно-социальные («Вопросы религии у нас не принято обсуждать, но меня всегда влекли религиозные книги, которые я читал втайне от родителей»). Тем парадоксальней, что для современных юношей и девушек в большей степени характерна недифференцированность интересов, ощущение общей «вялости и серости»; не отмечают они и какого-то особого роста в их умственном развитии в этот период. Известный в возрастной психологии тезис о философской направленности личности в период юности [12], по-видимому, в реальности отражает потребность найти себя, свое предназначение в жизни, которые реализуются в границах собственного «Я», во внешнем плане проявляясь не в интересах к философским или общественно-политическим вопросам, а в достаточно прагматичном выборе вуза для продолжения образования. Более выраженными интересами современных юношей и девушек являются интересы к истории и к естественным наукам и технике, что также отражает «культурное содержание среды».

Ряд других вопросов анкеты М.М. Рубинштейна направлен на конкретизацию интересов юношей и девушек. В частности, М.М. Рубинштейн спрашивал, принимал ли респондент участие в кружках в отрочестве и юности и в каких; какие книги предпочитал, кто был кумиром и др. Проанализируем ответы на эти вопросы респондентов двух выборок.

Таблица 4

Отношение к чтению в период юности (в %)

Отношение к чтению, предпочитаемый жанр читаемых книг	Выборка 1925–1927 гг.	Выборка 2011–2012 гг.
Равнодушные или мало читали	3,10	12,37
Чтение запоем, глотание книг без разбора	50,80	13,74
Исторические романы	9,50	4,34
Чтение периодами	0,00	0,96
Религиозно-философская литература	2,80	0,96
Изыщная литература	1,60	5,38
Евангелие	5,60	0,00
Авантюрные романы, детективы	14,45	15,83
Эротическая литература	2,40	0,96
Научная литература	5,50	4,34
Фантастика	0,00	16,87
Художественная литература	0,00	20,00

По данным табл. 4, респондентов двух выборок в период юности отличает любовь к чтению и разнообразие предпочитаемых литературных жанров, среди которых наиболее часто называемые в первой выборке — авантюрные романы и историческая литература, во второй — фантастика и детективы. Наибольшее отличие между двумя выборками касается того, что современные респонденты в четыре раза чаще отмечают, что в период юности были равнодушны к чтению и мало читали, для некоторых выбор книг сводился к «изыщной литературе», так называемой беллетристике, т. е., бульварным, дамским романам и т. д. По-видимому, сказывается технический прогресс: современные подростки чаще проводят время у компьютера, играя в различные компьютерные игры или общаясь в социальных сетях.

Таблица 5

Посещение кружков/секций/объединений в период юности (в %)

Кружки/секции/объединения	Выборка 1925–1927 гг.	Выборка 2011–2012 гг.
Отсутствие	6,80	16,09
Драматические	18,65	13,30
Литературные	28,50	0,90
Спортивные	7,90	35,38
Журналистов	4,55	2,43
Самообразования	8,75	0,00
Общественные	12,15	0,62
Социальной деятельности	4,65	2,71
Философские	2,25	2,71
Музыкальные, хоровые	8,40	27,51
Естественно-математические	5,45	6,96
Исторические	2,35	1,80

Из таблицы 5 следует, что подавляющее большинство респондентов обеих выборок в период юности занимались в различных кружках, секциях, школах и объединениях. Однако предпочтение тех или иных занятий заметно меняется в сравниваемых выборках: респонденты в 1925–1927 гг. чаще указывали на занятия в литературных кружках, в кружках самообразования и кружках общественно-социальной направленности, современные респонденты — на занятия спортом и музыкой. Респонденты в первой выборке больше стремились помогать взрослым, участвуя, например, в социальной деятельности, а респонденты второй выборки больше нацелены на развитие себя, своих личных способностей («*участвовал везде, где можно проявить себя...*»). Такое явное изменение характера увлечений отражает социальный контекст, в котором протекал период юности наших респондентов, социальную моду и основной тренд молодежной субкультуры.

Таблица 6
Отражение эстетических выявлений юности (в %)

Эстетические пристрастия	Выборка 1925–1927 гг.	Выборка 2011–2012 гг.
Отсутствие	2,35	19,97
Стихи	53,50	13,91
Сцена	44,10	29,05
Пение	10,95	4,83
Музыка	16,35	13,91
Писательство (проза)	10,95	48,73
Живопись, рисование	13,05	16,94
Природа	9,85	0,00
Скульптура	4,55	0,00
Танцы, балет	6,80	4,83
Художественная литература	3,10	18,45
Кино	1,55	7,86
Внешность, наряды	10,00	4,83
Эстетическая поглощенность	7,50	4,83
Театр	0,00	6,34

В таблице 6 отражены эстетические пристрастия в юности. Для выборки 1925–1927 гг. наиболее предпочитаемыми были написание стихов, выступления на сцене, занятия музыкой, а для современной выборки — написание прозы, чтение художественной литературы и выступления на сцене. Респонденты наших дней чаще писали о посещении кино и театров, но никто — о наслаждении природой. Примечательно, что респонденты выборки 2011–2012 гг. в девять раз чаще сообщали об отсутствии эстетических интересов в период юности: «*Я не любил всю эту эстетику — театры, музеи, казалось, это скоро умрет, это участь стариков. Мне нравилось смотреть кино, общаться с друзьями, иногда читать, иногда увлекался и мастерил что-то*».

Кто является объектом для подражания современной молодежи, отличается ли он от объектов подражания юношей и девушек начала XX в.? Анализ ответов респондентов позволяет утверждать, что половина современных респондентов имела героев и

кумиров в юности, наиболее популярными из которых были актеры, музыканты и спортсмены, в то время как респонденты начала XX в. выбирали в качестве моделей для подражания известных исторических деятелей, повлиявших на ход исторических событий (Петр Великий, Наполеон, Жанна Д'Арк, герои революции и т. п.). Данное различие, по-видимому, также обусловлено социальным контекстом развития: для наших дней характерна массовость культуры, доступность разнообразных СМИ, которые в первую очередь пишут и говорят о культовых фигурах современности в основном из области шоу-бизнеса. Поэтому современных подростков, скорее, привлекают внешний вид, определенные личностные качества, способность к самореализации, к изменению собственной жизни, а не те качества, которые обуславливают изменение жизни или мировоззрения других людей или даже целых народов. Таким образом, современные юноши и девушки в большей степени сконцентрированы на собственном «Я», в отличие от тех, кто жил почти 90 лет назад и хотел походить на людей, оставивших след в истории, живших для будущих поколений, чья основная установка — «Я для других».

Вопрос о самостоятельности в юности (см. табл. 7) вызвал наибольшую активность и интерес у респондентов, это проявилось не только в том, что при ответе на него респонденты были максимально откровенны, но и в том, что так или иначе многие затрагивали данную проблему при ответе на другие вопросы. Подавляющая часть респондентов обеих групп отмечают, что стремились к самостоятельности в период юности, при этом около половины из них выражали открытый протест против взрослых. Данный результат подтверждает известный в возрастной психологии вывод о центральном новообразовании подросткового периода — формировании чувства собственной взрослости [15], которое нередко выражается в требовании автономии, в первую очередь от родителей; в стремлении к самостоятельности; в стремлении выстроить отношения с родителями или другими авторитетными взрослыми из ближайшего окружения по-новому, «на равных», освободиться от их контроля и опеки. Л.С. Выготский называет данные потребности **доминантой усилия**, проявляющейся в стремлении к сопротивлению, к преодолению, к волевому напряжению, которые иногда разрешаются в упрямстве, хулиганстве, борьбе против авторитета, протесте и других формах негативизма [2, с. 37]. Выявленное сходство результатов между двумя выборками, отстоящими друг от друга почти на 90 лет, позволяет, по-видимому, говорить о стремлении к автономии и независимости, к установлению новых отношений между подростком и взрослыми, *отношений взаимозависимости* как одной из ярко выраженных возрастных закономерностей развития. Тем не менее качественный анализ ответов на вопрос о стремлении к самостоятельности в период юности позволил обнаружить отличие между двумя сравниваемыми выборками. Протест против

взрослых в выборке 1925–1927 гг. оказался наиболее характерным для лиц мужского пола, при этом «чувство взрослости» у них выражалось в основном в форме подражания поведению взрослых.

Таблица 7
Отражение стремлений к самостоятельности в период юности (в %)

Стремления к самостоятельности	Выборка 1925–1927 гг.	Выборка 2011–2012 гг.
Отсутствие стремлений к самостоятельности	4,55	6,55
Стремление к самостоятельности	85,05	82,80
Протест против взрослых	29,70	30,00

Что касается современной выборки, то протест против взрослых оказался характерной формой поведения для лиц как мужского, так и женского пола. При этом форма проявления протеста против взрослых, демонстрация «своей взрослости» приобретают другой характер: *«Мне хотелось самой принимать все решения в жизни, поэтому я постоянно меняла свой внешний облик, делала перестановки в комнате. Мне хотелось быть непредсказуемой, поэтому один день я могла помочь в уборке по дому, а в другой хлопала дверью, крушила...»*; *«Взрослость отставала радикально — вредными привычками, компаниями. Родители этого не понимали и очень раздражали»*. Подобные ответы респондентов являются типичными, преобладают развернутые ответы с перечислением самых разнообразных форм протеста. Кроме того, если раньше юноши и девушки (в основном первые) пытались создать свои объединения (наподобие научных кружков), которые отражали их стремление приблизиться к культуре взрослых, то в настоящее время популярные среди молодежи субкультуры, наоборот, пытаются доказать свою уникальность, особое положение в обществе, стараются не быть похожими на взрослых. Г. Крайг отмечает, что современные подростки стремятся изолировать себя от всех других социальных и возрастных групп [8].

Следует также отметить, что часть респондентов обеих выборок отмечают отсутствие у них ощущения взрослости, стремления к самостоятельности. Однако если ранее это было обусловлено беспрекословным авторитетом взрослого, то в настоящее время за этим стоит более прагматический взгляд на жизнь (*«без взрослых мне не выжить»*).

Известно, что общение со сверстниками в подростковый и юношеский периоды приобретает чрезвычайную значимость, играя важную роль в развитии личности. Наличие друзей, дружба на этом возрастном этапе связана со многими аспектами психологического благополучия [1]. Одновременно с усилением интимности дружбы между представителями одного пола начинают появляться отношения влюбленности между представителями противоположного пола. Любовь как специфическая форма человеческих взаимоотношений, предполагающая

максимальную интимность, близость [7], — одна из животрепещущих проблем юношеского возраста. Согласно Э. Эриксону, юношеская влюбленность представляет собой попытку прийти к определению собственной идентичности путем проекции собственного первоначально неотчетливого образа на кого-то другого и лицезрения его уже в отраженном и проясненном виде [17]. Однако, несмотря на всю значимость общения, в юности сильнее по сравнению с предыдущими возрастными этапами проявляется чувство одиночества, потребность в уединении.

Насколько эти ставшие традиционными представления о дружбе и любви в период юности отражаются в реальных воспоминаниях молодых взрослых начала XX в. и их сверстников начала XXI в.? Судя по ответам респондентов, представленным в табл. 8, потребность в аффилиации является ключевой потребностью в обеих выборках респондентов, хотя более выражено она представлена в первой выборке (*«Я жила в окружении. Даже не важно, наверное, с кем, главное, чтобы вокруг были. Сложно вспомнить себя одной»*). Желание *«иметь свою компанию»*, *«жажда близких друзей»*, потребность в поддержке, принятии, стремление узнать других (*«какой человек внутри, а не что он собой демонстрирует»*) являются преобладающими в этом возрасте и не зависят от социально-исторической эпохи, в которой живут подростки. Однако за общим стремлением к группированию (быть в компании сверстников) лежат разные потребности. Респонденты современной выборки нередко указывали, что компания позволяла *«вести взрослую разгульную жизнь»* (*«в компании я была не собой, это не я, но мне все нравилось, и гулять, и пить, и воровали иногда, а если потом и получали, то все вместе»*), в то время как респондентам М.М. Рубинштейна в компании важнее была общность интересов — научных, литературных и т. д.

Таблица 8
Отражение стремлений к дружбе, любви, обществу в период юности (в %)

Потребность в аффилиации	Выборка 1925–1927 гг.	Выборка 2011–2012 гг.
Потребность дружбы	64,35	49,57
Любовные увлечения	48,95	34,77
Страх перед другим полом	7,55	27,86
Стремление к людям, к обществу	32,50	46,86
Мечты об идеальной любви	12,85	1,84
Стремление к уединению	44,90	40,76
Желание внимания	6,00	15,43

Несмотря на то, что в обеих выборках часть респондентов обнаруживала стремление к уединению (*«Потребность в контактах, любви, близких, и в то же время необходимость понять, осмыслить себя в одиночестве»*), для большинства отсутствие общения, друзей представляло очень серьезную проблему (*«Если бы я мог общаться с крутыми ребятами из школы...Но я был никем»*; *«Хотелось понять, почему»*

меня избегают, что со мной происходит, почему меня не любят»). Характерны ответы респондентов, когда из-за неудач в общении они сначала пытались познать «всю прелесть одиночества», а затем разочаровывались, испытывали сильную тягу к общению и дружбе.

Таблица 9
Ответы респондентов по поводу проявлений сексуальных влечений в период юности (в %)

Сексуальные влечения	Выборка 1925–1927 гг.	Выборка 2011–2012 гг.
Отсутствие проявления	14,30	6,09
Смутное стремление	38,25	32,15
Прямое стремление	17,50	66,29
Прямое стремление к одним и романтическое обожание других	30,70	6,09
Мечты о детях	4,50	0,00
Охорашивание	3,00	0,70
Гомосексуальные наклонности	3,05	0,00

Респонденты второй выборки реже прямо указывают на любовные увлечения в период юности (см. табл. 9), однако они оказались более просвещенными в отношениях между полами, в большей степени осознавали свои сексуальные влечения, имели более тесный опыт взаимодействия со сверстниками противоположного пола. По этой причине, видимо, они меньше мечтали об идеальной любви. У респондентов выборки 2011–2012 гг. в пять раз меньше наблюдалось половое вожделение одних и романтическая любовь к другим, как правило, объект обожания и вожделения был слит. Данный результат подтверждает выводы многих авторов, что сексуальные установки подростков за последние десятилетия претерпели значительные изменения: растет терпимость в таких вопросах, как ранние сексуальные связи, изменилось отношение к добрачным связям. Этот процесс связывают с современными требованиями равенства полов, а также с отмеченной активностью феминистских движений, когда меняются именно женские, а не мужские социальные установки [6]. Таким образом, если гормональные изменения пубертата ведут к усилению сексуального влечения, то социальные факторы (культура, семья) оказывают влияние на то, как подростки овладевают своей сексуальностью [там же]. Кроме того, необходимо отметить еще одно изменение: респонденты нашей выборки, в отличие от выборки начала XX в., несмотря на большую открытость по отношению к интимной жизни, нередко на наличие сексуального опыта, испытывали больший страх перед другим полом и относились к общению с ним более инфантильно, они не строили долгосрочных планов, прогнозов, не указывали на желание иметь детей, не представляли себя в роли супруга/супруги, матери/отца.

Последние вопросы анкеты М.М. Рубинштейна относятся к проблеме становления личностной

идентичности, представляющей процесс определения самого себя, своих ценностей и жизненных целей, формирования представлений о себе, дающих возможность чувствовать свою непрерывность, тождественность, целостность и уникальность [16]. Частью разрешения кризиса идентичности является построение системы ценностей и этических принципов, приобретение личных моральных норм как ориентиров собственного поведения.

Таблица 10
Нравственные воззрения в период юности (в %)

Нравственные установки	Выборка 1925–1927 гг.	Выборка 2011–2012 гг.
Требовательность к себе	50,90	23,16
Требовательность к другим	53,15	24,90
Проповедничество	20,70	6,00
Легкомыслие в поведении и строгость в рассуждении	8,25	0,69
Подчеркнутое отрицание морали	4,75	3,90
Снисходительность	5,25	0,69
Максимализм	0,00	46,65
Строгость	0,00	22,17
Честность	0,00	3,29
Свобода	0,00	2,59
Ответственность	0,00	3,29
Гуманизм	0,00	1,19
Сдержанность	0,00	3,29
Не было	0,00	1,19

Обращаясь к табл. 10, в которой отражены нравственные воззрения в период юности, сделаем ряд пояснений к терминологии М.М. Рубинштейна. Проповедничество понимается как пропаганда своих позиций, взглядов, строгость — «это та сторона, которая ведет к страстным спорам по поводу иногда весьма незначительных сторон поведения, к готовности усмотреть почти катастрофическое положение там, где речь идет иногда просто о мелочах жизни» [13, с. 86]. В отличие от требовательности, строгость не всегда включает желание заставлять других делать по-своему. Из нравственных установок респондентов 1925–1927 гг. главными являются требовательность к себе и другим, в то время как респонденты 2011–2012 гг. чаще упоминают максимализм как наиболее присущую им личностную черту в период юности. Можно утверждать, что содержание ценностей и моральных принципов в период юности во многом зависит от культурного контекста и исторического периода, в котором живут юноши и девушки.

Л.С. Выготский выделяет в качестве одной из ведущих групп, или доминант, интересов [2, с. 37] **доминанту дали**, т. е. установку, на обширные, большие масштабы, которые для подростка более приемлемы, чем ближние, текущие, и **доминанту романтики**, выражающуюся в особенно сильном тяготении подростка к неизведанному, рискованному, к приключениям, к героизму. Анализ ответов респондентов двух выборок (табл. 11, 12) подтверждает данное положение: несмотря на изменение социаль-

ных условий жизни, культурного и экономического контекста, романтические устремления, представленные тягой ко всему необычному, к путешествиям, приключениям, героизму, присутствовали в обеих выборках респондентов («Путешествия, смена обстановки всегда были привлекательны»; «в глубине души хотелось приключений»). Специфика романтических устремлений состояла в том, что тяга ко всему необычному респондентами нашей выборки была представлена более широко — в нее включались стремление к противоправным действиям (к воровству, насилию и проч.), к необычным течениям в моде, религии; желание быть в центре внимания; стремление стать членом особых неформальных субкультур и течений, которые, в отличие от выборки 1925–1927 гг., видятся молодежи как естественный способ выделиться, показать свою уникальность, непохожесть на взрослых («Хотелось быть кем-то необычным, чувствовался внутренний потенциал»). Кроме того, необходимо отметить, что невозможность по тем или иным причинам путешествовать в период юности переживается нашими респондентами болезненно — «как упущенное время, упущенные возможности».

Таблица 11
Романтические устремления в период юности (в %)

Романтические устремления	Выборка 1925–1927 гг.	Выборка 2011–2012 гг.
Мечты о путешествии	56,85	41,13
Устремление к героическому, необычному	46,30	34,92
Мечты о славе	16,30	8,50
Мечты о самопожертвовании	9,25	0,00
Отсутствие	0,00	30,25
Неформальные субкультуры	0,00	7,72
Нереализуемые	0,00	6,27

Таблица 12
Типы умонастроения в период юности (в %)

Типы умонастроения	Выборка 1925–1927 гг.	Выборка 2011–2012 гг.
Мечтатель	68,95	61,01
Идеалист	42,35	23,57
Реалист	8,45	27,97
Материалист	10,25	9,62
Практик	6,20	14,02

Отсутствие у 30,25 % современных респондентов каких-либо романтических устремлений в период юности; резкое снижение числа тех, кто мечтал о славе и отсутствие стремлений к самопожертвованию ради других людей или ради какой-либо идеи, по-видимому, отражают изменения социальных установок, произошедших за это время: наиболее значимыми стали прагматические ценности и ценности конкретной личности, в противовес ценности коллективизма, который господствовал в начале XX в. Несмотря на то, что большинство респондентов выборки 2011–2012 гг. так же, как и респонденты первой вы-

борки, относят себя к мечтателям (см. табл. 12), они реже называют себя идеалистами и чаще реалистами и практиками («Я был поглощен реальностью, на прекрасное и фантазии времени не оставалось»). Такой результат в какой-то степени соотносится с имеющимися данными по изменению ценностных ориентаций, согласно которым к «нулевым годам» возросла значимость прагматических ценностей [5].

Таким образом, на основании анализа анкет респондентов двух выборок (1925–1927 гг. и 2011–2012 гг.) можно сделать вывод о том, что существуют константные характеристики юности, которые остаются неизменными, несмотря на смену исторических эпох, социального и культурного контекстов. Данный факт согласуется с исследованиями Л.С. Выготского, а также других русских педологов, которые полагали, что для конкретного поколения может меняться удельный вес характеристики, что обусловлено социальными, внешними факторами; сама же характеристика остается относительно устойчивой. В сравниваемых выборках наблюдается константность ключевых характеристик юности: повышенный интерес к своей личности, к своему внутреннему миру; самоанализ и рефлексия; чувство взрослости и стремление к самостоятельности; протест против взрослых; выраженная потребность в аффилиации (в дружбе и любви), существующая вместе со стремлением к уединению; появление и осознание сексуальных влечений; начало профессионального самоопределения; романтические устремления и мечтательность.

Вместе с тем обнаруживается качественная специфика выявленных характеристик юности, меняется значение сфер жизнедеятельности, интересов, стремлений, переживаний, моделей для подражания и личностных проявлений, их конкретное наполнение и раскрытие. Респонденты выборки 2011–2012 гг. характеризуются более выраженным и тотальным, не зависящим от гендерных особенностей, чувством взрослости и инфантильным характером, проявляющимся в разнообразных формах протеста против взрослых, а не в стремлении скорее включиться в их деятельность; более ранним началом любовных отношений; большим стремлением к путешествиям, приключениям, и меньшим — к романтической любви и самопожертвованию; более ярко выраженными эмоциями возбудимости и раздражительности и менее — эмоциями смущения и стыда; недифференцированностью интересов, ощущением апатии в том, что касается интереса, направленного на социальные и общественные проблемы; более выраженным равнодушием к чтению; предпочтением детективных и фантастических литературных жанров; ориентацией на такие занятия, как спорт и музыка, и на модели для подражания из этих же областей; нередко ограничением профессионального самоопределения выбором вуза, а не собственно профессией; максимализмом как наиболее присущей личностной чертой; большей реалистичностью и практичностью.

Как отмечал М.М. Рубинштейн, гражданская война в России, последовавший голод, приход к власти большевиков и т. д. не отразились на проживании юности его респондентов: молодые люди игнорировали исторический фактор в своих автобиографических записях, вероятно, по причине того, что в указанные исторические события они были недостаточно зрелыми, чтобы ощутить их влияние [13]. Респонденты нашего исследования также не вплетали исторические события в контекст своих автобиографических записей, только 9 % респондентов заметили, что условия их жизни «явно отличались от тех, что были в СССР». Однако отсутствие упоминания исторических событий не означает, что «дух эпохи» не влияет на переживания периода юности.

Заключение

Подводя итог, следует сказать, что выполненное исследование, конечно, не позволяет делать окончательный вывод о характере изменений проживания периода юности, произошедших за последние 80–90 лет. Однако выявленные некоторые общие контуры в его динамике, по-видимому, отражают изменение социально-исторических факторов и факторов «культурного содержания среды» [3].

Кроме выявления возрастных констант и когортной специфики, нами прослеживались индивидуальные варианты проживания периода юности, отражающие не только общие закономерности возраста или конкретно-исторических условий жизни,

но и особенности индивидуального опыта, актуальных обстоятельств жизни, специфику мотивационно-смысловой сферы личности и ее когнитивных возможностей. Нами были выделены следующие наиболее встречающиеся модели проживания юности молодых людей, подростковый возраст которых пришелся на конец 1990-х — начало 2000-х гг.: «юность как поиск себя» (21 % от числа респондентов); «юность как стремление к уединению» (11 %); «юность как достижение» (16%); «юность как стремление к аффилиации» (52 %). Подчеркивая индивидуальную вариативность проживания периода юности, мы полагаем, что ее обсуждение — предмет отдельного исследования. Здесь лишь хочется подчеркнуть, что факторами, определяющими динамику переживаний периода юности, а также различные модели его проживания, являются возраст, социальный контекст, индивидуальность самого субъекта жизни, то, что Л.С. Выготский назвал «третичными условиями индивидуального склада личности (рефлексия и самооформление)» [2, с. 237].

Наконец, еще одним важным выводом данной работы можно считать демонстрацию возможности использования такой стратегии исследования, как план с временным лагом, которая позволила провести сравнительный анализ переживаний юности в двух поколениях, отстоящих друг от друга почти на 90 лет; выявить общие и отличительные психологические особенности проживания периода юности в разных социально-исторических контекстах, ориентируясь на автобиографические воспоминания.

Литература

1. Берк Л. Развитие ребенка. СПб., 2006.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Детская психология. М., 1984.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. Основы дефектологии. М., 1983.
4. Выготский Л.С. Психология развития ребенка. М., 2003.
5. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в условиях социально-экономических изменений: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2002.
6. Кле М. Психология подростка (психосексуальное развитие). М., 1991.
7. Кон И.С. Психология юношеского возраста. М., 1979.
8. Крайг Г. Психология развития. СПб., 2000.
9. Ливехуд Б. Ход жизни человека // Психология возрастных кризисов: Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко. Мн., 2000.
10. Мецераков Б.Г. Взгляды Л.С. Выготского на науку о детском развитии // Культурно-историческая психология. 2008. № 3.
11. Петровский В.А. Человек над ситуацией. М., 2010.
12. Практическая психология образования / Под ред. И.В. Дубровиной. М., 2000.
13. Рубинштейн М.М. Юность: по дневникам и автобиографическим записям. М., 1928.
14. Шпрангер Э. Психология юношеского возраста // Педология юности. М.; Л., 1931.
15. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М., 1989.
16. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 2000.
17. Эриксон Э. Юность: кризис идентичности. М., 1996.

Features of Youth Period: Age and Social Historical Context

O.N. Molchanova

PhD in Psychology, professor at the Department of General and Experimental Psychology,
National Research University Higher School of Economics

E.Yu. Vasilevskaya

student at the Faculty of Psychology, National Research University Higher School of Economics

The paper illuminates psychological features of the period of youth in various social historical contexts. It compares the individual youth experiences of two different eras: 1925–1927 and 2011–2012. The study employed the autobiographical notes method, an open-ended questionnaire for identifying retrospective youth experiences that was used by M.M. Rubinstein in his sample in 1925–1927. The total number of participants equaled 129 subjects, 67 women and 62 men, with the average age of 22 years. The outcomes of the study revealed both similar characteristics in the two samples (such as increased interest in one's own inner life; reflection; longing for independence; protest against adults; need for affiliation; romantic aspirations, and others) and differing ones, because interests, aspirations, experiences, displays of personality, and role models have changed indeed. While the most essential features of the youth period remain constant regardless of historical time and social contexts, there is a certain qualitative aspect of the revealed features that reflects the changes in the "cultural content of the environment".

Keywords: youth period, experiences, reflection, dominant of interests, social context.

References

1. Berk L. Razvitie rebenka. SPb., 2006.
2. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 4. Detskaya psihologiya. M., 1984.
3. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 5. Osnovy defektologii. M., 1983.
4. Vygotskii L.S. Psihologiya razvitiya rebenka. M., 2003.
5. Zhuravleva N.A. Dinamika cennostnyh orientacii lichnosti v usloviyah social'no-ekonomicheskikh izmenenii: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2002.
6. Kle M. Psihologiya podrostka (psihoseksual'noe razvitiye). M., 1991.
7. Kon I.S. Psihologiya yunosheskogo vozrasta. M., 1979.
8. Kraig G. Psihologiya razvitiya. SPb., 2000.
9. Livehud B. Hod zhizni cheloveka // Psihologiya voznastnykh krizisov: Hrestomatiya / Sost. K.V. Sel'chenok. Mn., 2000.
10. Mesheryakov B.G. Vzglyady L.S. Vygotskogo na nauku o detskom razvitiy // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2008. № 3.
11. Petrovskii V.A. Chelovek nad situaciei. M., 2010.
12. Prakticheskaya psihologiya obrazovaniya / Pod red. I.V. Dubrovinoi. M., 2000.
13. Rubinshtein M.M. Yunost': po dnevnikam i avtobiograficheskim zapisyam. M., 1928.
14. Shpranger E. Psihologiya yunosheskogo vozrasta // Pedologiya yunosti. M.; L., 1931.
15. El'konin D.B. Izbrannyye psihologicheskie trudy. M., 1989.
16. Erikson E. Detstvo i obshestvo. SPb., 2000.
17. Erikson E. Yunost': krizis identichnosti. M., 1996.

Психологические представления о позитивных альтернативах отчуждения человека

О.С. Лукаш

аспирант факультета психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В статье рассматриваются интерпретации отчуждения как негативного психического состояния, консервация которого означает отказ человека от развития личности. Показываются трактовки отчуждения в двух его вариантах: отчуждение от реального «я» и переживание отчужденности; отмечаются возможные соотношения этих вариантов. Основной анализ сосредоточен на альтернативных отчуждению позитивных состояниях и способах выхода из отчуждения в эти альтернативы. Объектами анализа являются в основном труды классиков философии — работы античных авторов, К. Маркса, М. Хайдеггера, С. Кьеркегора, а также Н.М. Бахтина; и классиков психологии личности — работы К. Хорни, Э. Фромма, К.Г. Юнга, экзистенциальных психологов, Э. Эриксона, Ф. Перлза, К. Роджерса, С. Мадди, М. Чиксентмихайи. По результатам сравнения положений теорий выделяются наиболее характерные варианты рассмотрения позитивных альтернатив отчуждения. Основные паттерны, которые приводят к установлению этих состояний, объединяются в группы, и на основании этого предлагается уровневая структура формирования позитивных для отчуждения альтернатив.

Ключевые слова: отчуждение, отчуждение от реального «я», реальное «я», переживание отчужденности, психология личности.

В современной психологии понимание отчуждения далеко не однозначно. Отчуждение может рассматриваться, например, как объективно закрепленное отношение между человеком и социумом [39] или как определенного рода психопатологические явления [13], а часто выступать лишь в обыденном смысле слова¹.

В этой статье будет рассматриваться такая группа трактовок понятия «отчуждение», которая характерна для работ, посвященных проблемам личности — понимание отчуждения как некоего продолжающегося субъективного психического состояния человека, причем состояния — негативного. Именно такой подход к отчуждению наиболее распространен и в философии, в рамках которой психологические знания об отчуждении стали складываться первоначально.

Описания отчуждения как состояния удобнее разделять² на два основных варианта, которые можно также назвать двумя основными формами отчуждения: 1) субъективно-неприятное чувство отчужденности, отдаленности человека от мира, который его окружает, или от определенных его частей — на-

зовем его переживанием отчужденности; 2) отчуждение человека от некоей своей истинной глубинной сущности, от своего реального «я», вследствие «озабоченности конформностью, желаниями других, давления социальных институтов и других «внешних» мотивов» [16] — назовем его, вслед за К. Хорни, отчуждением от реального «я». Данная дифференциация не означает, что каждый из рассматриваемых отчуждений авторов непременно определяет оба или один из двух этих видов отчуждения, но означает, что в основной массе классических трактовок, за исключением отдельных случаев смешения обоих видов, тот или иной из них подразумевается.

Характеристика отчуждения как негативного состояния основана на объективном мнении исследователей, понимании ими отчуждения как чего-то отрицательного, что необходимо преодолеть. Отметим, однако, что авторами может предполагаться позитивная роль общего процесса: сначала самого отчуждения, а затем — выхода из него. Так, переживание отчужденности может быть рассмотрено как своего рода сигнал, о том, что что-то идет не так [43], и тогда общий итог отрицателен, лишь если человек не

¹ Например, В. Франкл рекомендует консультанту соблюдать определенную «степень отчужденности от пациента» [26, с. 138], а А.Н. Леонтьев определяет жест как движение, отчужденное от действия [7, с. 22].

² Так как в центре внимания этой статьи другие аспекты, то мы не останавливаемся ни на доказательстве, что такое разделение отчуждения на виды более продуктивно в сравнении с другими или со смешением различных пониманий (см.: [8]), ни на подробном описании феноменологии указанных состояний (см.: [43]).

сумеет воспользоваться сигналом и выйти из отчуждения, т. е. когда ситуация не разрешится, а законсервируется. Если же речь идет об отчуждении от реального «я», ситуация законсервирована изначально: человек не слышит сигналов, что что-то не так, отказывается, говоря словами Р.Д. Лэйнга, от переживания — что, опираясь на определение переживания Л.С. Выготским [4, с. 382–383], можно назвать отказом от осознания своей личности в единстве со средой и, в конечном счете — отказом от пути личностного развития. Вообще, по мнению автора данной статьи, любое закрепившееся отчуждение можно назвать отказом от развития, только для переживания отчужденности это отказ от развития в конкретной среде, неприятие ее, подразумевающее стремление к другому, более благоприятному окружающему миру, тогда как для отчуждения от реального «я» это отказ от развития в среде, который не предполагает своего осознания и рассмотрения человеком альтернатив своим отчужденным отношениям.

Хотя в ходе дальнейшего изложения мы увидим, что переживание отчужденности может пониматься, в том числе, как шаг на пути выхода из отчуждения от реального «я», но решающими этапами перехода к подлинно позитивным альтернативам отчуждению являются, конечно, совсем иные переживания или действия. Спектр представлений о противоположных отчуждению состояниях и способах перехода к ним достаточно широк, анализ же совокупности этих представлений, насколько известно автору, пока не проводился. Поэтому в задачи данной статьи не входит рассмотрение всевозможных градаций в трактовках позитивных альтернатив отчуждению, как не входит и составление полномасштабного обзора таких трактовок, который потребовал бы гораздо большего объема. Наша задача локальней, зато и необъемней: составить, опираясь на ряд работ, по большей части классиков психологии и философии, наиболее кратко описывая их толкования отчужденных и неотчужденных состояний, некий первоначальный вариант карты основных наиболее характерных вариантов рассмотрения позитивных альтернатив отчуждению и способов достижения человеком неотчужденной жизни. На взгляд автора, такой подход может быть весьма полезен для нахождения благоприятных ракурсов дальнейшего, более детального и кропотливого, анализа феномена отчуждения и его альтернатив.

Психологические представления о состоянии отчуждения и его позитивных альтернативах в рамках философии

Мысль о том, что человек может быть отдален от своей собственной сущности, стала появляться в работах философов, по-видимому, примерно с начала первого тысячелетия нашей эры. Например, Сенека

в своем трактате «О скоротечности жизни» [25] пишет, что людям, в массе своей погрязшим в разрушительных страстях, необходимо «вернуться к себе» в уединении, вдали от мирской суеты и таким образом встать на путь обретения мудрости и благой жизни. В других, более поздних, работах употребляется и сама конструкция «отчуждение». Так, согласно Плотину, люди обыкновенно отчуждены от самих себя и поэтому не могут познать истину и Бога. Для того же чтобы оказаться способным познать свою действительную природу, человек должен достигнуть таких высоких состояний души, в которых он отрешится от всего внешнего и душа, «не склоняясь ни к одной из внешних вещей, не замечая больше ни одной вещи» [22, с. 309], сможет приблизиться к Богу. Люди же, однако, хотя и заботятся, и даже чрезмерно, о том, чтобы оставаться самими собой, обращают свою заботу лишь на окружающие их «вещи», а не на развитие своих душ. Подобного рода идеи о недопустимости потери себя в пристрастности к внешним, чуждым вещам можно найти также у некоторых христианских мыслителей (напр.: [36]).

Первым, кто стал систематически употреблять термин «отчуждение» в значении, близком к современному его пониманию, был Г.В. Гегель [44, с. 15]. Согласно мнению исследователей [17; 44], гегелевское отчуждение (*Entfremdung*³) можно проинтерпретировать как, своего рода, циклический процесс. Сначала происходит отделение человека от социальной субстанции, «отказ индивида от одностороннего представления о себе как о воплощении социальных ролей». Отделяясь от социальной субстанции, человек воспринимает ее как нечто внешнее по отношению к себе, чуждое. В результате этого он «утрачивает свою универсальность, отчуждает себя от своей внутренней природы и становится самоотчужденным». Но возможен и следующий этап — «отказ от столь же одностороннего представления о себе как об уникальном и отдельном», позволяющий человеку вернуть утраченную в результате первого этапа универсальность, достигнуть «подлинного единства с социальной субстанцией» [17, с. 72–73].

К. Маркс, стоящий у истоков одной из наиболее влиятельных философских теорий отчуждения, полагает, что в капиталистических условиях рабочий отчужден от процесса своего труда, который воспринимается как что-то вынужденное, от чего как можно скорее надо избавиться; отчужден от других людей, которых он рассматривает, «руководствуясь масштабом и отношением, в котором находится он сам как рабочий» [11, с. 567]; и в итоге, — отчужден от своей родовой сущности. Вместе с тем отчуждается и капиталист, который начинает воспринимать окружающее лишь с точки зрения рыночной стоимости. Первопричину всех этих отчуждений Маркс видит в материальных условиях, а именно — в закреплённом способе производства отчуждении рабочего от продукта своего труда. Альтернативой же от-

³ У Гегеля два термина, которые на русский переводятся как «отчуждение», в контексте данной работы нас интересует *Entfremdung*.

чужденному существованию предполагается свободная от материальной детерминированности деятельность, при которой развитие человеческих сил становится самоцелью, и которая должна повсеместно установиться в результате развития производственных технологий, а также социальной революции, возможной благодаря осознанию рабочими своего отчуждения (а значит и переживанию отчужденности) и классовой борьбе. То есть осознание отчуждения является некоторым этапом на пути к его преодолению, но в итоге отчуждение человека Маркс предполагает преодолевать благодаря материальным и социальным изменениям.

Иначе, прежде всего через изменение сознания, видится преодоление отчуждения в другом влиятельнейшем подходе к отчуждению — подходе экзистенциалистов. М. Хайдеггер, например, полагает, что то состояние отчуждения человека, о котором говорил Маркс, объясняется более общим состоянием его «бездомности», вызванным особенностями современной «новоевропейской» культуры. Человек потерял себя, потерял свой дом, потерял контакт с истинным бытием, и чтобы вновь обрести потерянное и, следовательно, преодолеть отчуждение, ему нужно «вернуться к истине бытия и попытаться найти себя в ней» [32, с. 287]. Для того чтобы это могло произойти, человек, по Хайдеггеру, должен ощущать себя не «господином сущего», но простым «пастухом бытия», он должен жить «рядом с бытием», свободно воспринимать его вызовы и отвечать на них.

Отметим также позицию С. Кьеркегора, который хоть и не использовал напрямую термина «отчуждение», однако оказал значительное влияние на последующее понимание отчуждения в психологии: на описания Кьеркегора ссылаются такие авторы, как Мэй [14], Лэйнг [10], Хорни [34]. То, что более поздними авторами трактуется как отчуждение, у Кьеркегора называется отчаянием. Кьеркегор выделяет отчаяние неосознаваемое, которое соответствовало бы в нашей классификации отчуждению от реального «я», и осознаваемое, которое соответствовало бы переживанию отчужденности. По Кьеркегору, осознаваемое отчаяние встречается достаточно редко, чаще всего человек свое отчаяние не осознает, противясь его осознанию. Это может быть отчаяние, которое называется Кьеркегором «недостаток конечного», когда человек погрязает в своем воображении, или другое — «недостаток бесконечного»: глубоко скрываемое отчаяние человека, у которого «выхождена духовность», который считает «слишком дерзким быть собою», теряет свое «я» в угоду мнениям мира, и «тем лучше, чем забывает об этом» [6, с. 268–272], тем более внешне благополучную жизнь может вести. Кьеркегор считает, что для исцеления человека от отчаяния ему нужно обратиться к диаметрально противоположному состоянию, которое описывается так: «Обращаясь к себе самому, стремясь быть собой самим, мое Я погружается — чрез

свою собственную прозрачность — в ту силу, которая его полагает» [там же]. Эта «прозрачность» достигается, по Кьеркегору, благодаря тому, что Я ощущает Бога, ощущает, что оно само «существует ради этого Бога». Человек же, который пытается преодолеть отчаяние вне Бога, исключительно из самого себя, только повышает осознаваемость своего отчаяния, которая хотя и может увеличить шанс на конечное исцеление, но сделает также отчаяние более напряженным.

Отметим также подход Н.М. Бахтина, удачно сочетающий в себе черты экзистенциализма и марксизма, и предвещающий некоторые особые рода положения психологов об отчуждении. Николай Бахтин описывает ситуацию разложения личности человека, когда сознание и действие «перестают быть двумя нераздельными аспектами единого Я» [2, с. 49], и форма личности становится лишь «чуждой оболочкой» для ее содержания; причем два основных вида разложения личности подобны кьеркегоровским видам отчаяния: один, особенно распространенный в европейской культуре XIX столетия — уход от внешней жизни, от активного действия в самоуглубление и замену настоящей жизни доступными суррогатами — «романом, газетами, алкоголем» [там же]; другой — наоборот, стремление человека как можно более активно действовать «только затем, чтобы забыть себя, уйти от мучительного ритма своего раскрепощенного сознания, потерять себя в событиях и делах...» [там же]. Преодоление этих состояний мыслитель видит в неустанном волевом усилии, направленном на возведение человеком своей скрытой сущности в зримое обнаружение. Человек должен всей своей волей и сознанием «прорасти в акт, в действие, в мир» [там же, с. 52], так чтобы в каждом его действии проявлялась его сущность, а сознание оказывалось не более чем «переходным состоянием, как бы предварительной стадией готовящегося и назревающего действия» [там же, с. 50–51].

Таким образом, мы видим, что философы, особенно более ранние, сосредоточены, скорее, на рассмотрении отчуждения человека от его истинной сущности, чем на переживании отчужденности. Для того чтобы достигнуть неотчужденных состояний, ими предполагаются такие изменения: отрешение от суетных дел, от общественной жизни (Сенека, Плотин, Гегель); преодоление капиталистического способа производства (Маркс); направленность на возведение всей своей сущности в свои действия (Бахтин); очищение сознания от страстей (Сенека, Плотин), от каких-либо односторонних представлений (Гегель, Маркс, Хайдеггер) и последующее возвращение к своему «я» таким способом, чтобы суметь настроиться при этом на особое восприятие некоего внешнего параметра — мудрости, Бога, бытия, единства с социальной субстанцией (Сенека, Плотин, Гегель, Хайдеггер, Кьеркегор). При этом только в концепции Маркса основная работа, которая должна совершиться человеком для снятия отчуждения, пред-

полагается на уровне действия, у всех же остальных рассмотренных авторов действие и сознание либо равнозначимы, либо основная работа предполагается на уровне сознания; и, вероятно, этими авторами подразумевается отчуждение несколько иного характера, более широкое, чем то, о котором пишет Маркс.

Позитивные альтернативы отчуждения в психологии личности

Альтернативы, предлагаемые для обоих видов отчуждения. Наиболее часто встречается в психологических теориях одновременное рассмотрение отчуждения от «я» и переживания отчужденности, представляющего собой явление, соположенное отчуждению от «я» (Хорни, Фромм, Лэйнг), отчасти смешивающееся с ним (некоторые экзистенциальные психологи) или присущее определенным его вариантам (Эриксон). Во всех этих случаях позитивные альтернативы обоим видам отчуждения — едины.

Из авторов, для которых отчуждение человека от своего «я» является одной из базовых концепций, обратимся, в первую очередь, к Хорни. В «Неврозе и личностном росте» К. Хорни анализирует отчуждение человека от своего реального «я», от «самого живого, что есть в нас» [34, с. 141], что всегда еще не вполне реализовалось и выводит нас в область возможного: «Это живой, неповторимый, непосредственный центр нашей личности; та ее часть, которая может и хочет расти» [там же]. Проявления этого реального «я» можно заметить в наиболее искренних спонтанных реакциях человека, когда проявляются его стремления и убеждения, когда он всем своим существом говорит чему-нибудь «да» либо «нет». Соответственно, близость к такому реальному «я» можно считать альтернативой отчуждению, при котором «невротическая гордость» человека заставляет его стараться быть тем, кем, как ему кажется, ему «Надо» являться. Однако не всякую близость к реальному «я» следует считать позитивной альтернативой. Один из трех основных типов невротического поведения, по Хорни, — уход в отставку — предполагает как раз относительную близость человека своему реальному «я», однако такие люди переживают свою отчужденность уже от окружающих и неспособны выстроить свои отношения с реальным миром так, как им бы этого хотелось. Поэтому позитивной альтернативой как отчуждению от «я», так и такому переживанию отчужденности следует считать описываемые К. Хорни характеристики здоровой цельной личности — человека эмоционально искреннего, способного «вкладывать всего себя в свои чувства, работу, суждения» [33, с. 239] и гибко в зависимости от обстоятельств выбирать наиболее приемлемые из паттернов взаимодействия с окружающим миром в целях реализации собственного потенциа-

ла. Для того чтобы это могло осуществиться, Хорни выделяет следующие условия:

- теплая атмосфера в детстве, «здоровые столкновения с желаниями и волей других» [34, с. 29];
- или, при отсутствии первого условия:
- добросовестно выполненная аналитическая работа или самоанализ.

Еще один автор, в концепции которого отчуждение является одним из ключевых понятий, — Э. Фромм. Отчуждение, по Фромму, это, во-первых, фрустрация человеком своей подлинной личности и утверждение взамен нее социального «я» (одно из описаний: забота «не о своей жизни, счастье, а о том, как бы это стать наиболее ходким товаром, как бы это пользоваться наибольшим спросом» [31, с. 107]). Во-вторых, отчуждение — некое особое чувство человека капиталистического общества, появляющееся у него ощущение собственной ничтожности, бессилия, беспомощности и изолированности. Фромм с самых разных сторон показывает альтернативы этим отчуждениям: главным образом это особенности неотчужденной личности, которые в данном случае могут одновременно считаться и способами установления позитивного неотчужденного состояния:

- выражение своих подлинных мыслей и чувств, ведущее к «спонтанным» связям с окружающим миром [28];
- продуктивная ориентация, подразумевающая активную творческую связь человека с миром, с собой, восприятие себя и других как целей развития, ощущение себя субъектом своей деятельности и сохранение связи с ее результатами [29; 30; 31];
- на общественном уровне — переход к социалистическому неавторитарному строю [29].

Отметим также взгляды Э. Эриксона, который полагает, что человеческому эго приходится сталкиваться с определенным рода отчуждением на каждой новой стадии своего развития. Чтобы благополучно выйти на следующую стадию, человек должен преодолеть это отчуждение в ходе возрастного кризиса. Эриксон замечает, что ребенок, преодолевая в ходе кризиса определенное отчуждение, «начинает чувствовать себя «в большей степени собой», более любимым, более расслабленным, более ярким в своих суждениях — иными словами, по-новому витальным» [35, с. 125]. Индивид, который успешно преодолевает отчуждение каждой из стадий, получает в награду сильное эго, которое способно к успешному внутреннему синтезу всего опыта человека, полученного им из различных стадий и аспектов своей жизни. Эриксон считает, что всякая культура способна предоставить достаточно возможностей для неотчужденного существования. Можно выделить два общих способа попадания на путь такого существования. Так же как и у Хорни, воспользоваться каким-либо из них следует в зависимости от того, необходимо ли человеку справляться с уже закрепившимся отчуждением:

- «правильное» воспитание, когда индивиды «в процессе развития идентичности успешно приспосабливаются к господствующей технологии и становятся тем, что они делают» [там же, с. 40], т. е. отождествляют «себя с тем, чем они занимаются в данный момент или в данном месте» [там же, с. 62];

- аналитическое лечение.

Психологи экзистенциальной направленности, в отличие от Эриксона, особо акцентируют повсеместность и масштабность отчуждения от собственной сущности именно людей современной западной культуры. Лэйнг, например, называет современного человека «нормально отчужденным» [9]. В работах авторов экзистенциального направления, как правило, описывается самая разнообразная феноменология переживания отчужденности, основной же идеей экзистенциальных психологов относительно позитивных альтернатив отчуждению является уже известная нам по работам философов мысль о том, что человек способен отринуть свое отчуждение благодаря подлинной «встрече» с окружающим его миром. Отметим здесь способы продвижения человека по такому пути преодоления отчуждения:

- «вернуться к контакту с реальностью, с которой мы давным-давно потеряли контакт» [там же, с. 334], избрав направление «назад и внутрь», и пусть поначалу «люди скажут, что мы двигаемся в обратном направлении, уходим и теряем контакт с ними» [там же];

- пробираться через свою тревогу, приближаться к реальным переживаниям, не заикливаясь на объяснении их причин [14];

- развивать внутреннее видение, подсказывающее, насколько наш внешний опыт соответствует нашей внутренней природе [3];

- на макроуровне — развивать сообщества [15];

- экзистенциальная психотерапия: аналитики призваны «вновь открыть человека как существо, связанное со своим миром, и вновь открыть мир как нечто значимое для человека» [14, с. 138–139].

Альтернативы для отчуждения от реального «я». Первый из авторов-психологов, сосредоточенных только на описании такого вида отчуждения, как отчуждение человека от собственной сущности, — К.Г. Юнг. В терминах Юнга, это отчуждение сознательного Эго от центральной, собирающей сознательные и бессознательные части личности в единое целое структуры — Самости. Так как в современном рационалистическом обществе человек все больше уделяет внимания своему сознанию и все меньше — бессознательному, то такое отчуждение распространилось слишком сильно [38, с. 366–367]. В то же время, полная интеграция Эго и Самости не есть однозначно положительная альтернатива отчуждению: это состояние, к которому человек в конечном счете стремится, однако на жизненных этапах, требующих приспособления к социальным стандартам, развитие Эго, по Юнгу, наоборот, требует некоторого отдаления Эго от Самости [1]. Позитивной поэтому можно, по-видимому, считать ситуацию, когда отчуждение не является чрезмерным.

Одним из наиболее распространенных механизмов формирования отчуждения К.Г. Юнг считает проекции, поэтому для установления позитивных альтернативных отчуждению состояний близости к Самости предлагается:

- людям перейти к взаимному устранению проекций друг друга [38];

- для того чтобы это получалось — перейти к самопознанию, ведь оно позволяет «поставить под сомнение абсолютную правильность наших утверждений» [там же, с. 379];

- при этом людям не следует уповать на социальные изменения, которые никак не помогут устранить раскол личности, а только обратят прежние содержания сознания в бессознательное, бессознательного — в сознание [38].

Ядро понимания отчуждения Ф. Перлзом составляет отчуждение от «я», которое нам и интересно, однако кроме «я» отчуждение распространяется Перлзом и на все остальное, что есть в мире. Дело в том, что в основе системы Перлза лежит представление о контактной границе Эго, которую оно устанавливает в своих взаимоотношениях с миром, идентифицируясь со всем, что лежит внутри границы, т. е. признавая это своим и отчуждаясь от всего, что остается за ее пределами. Человек отчужден от «я», если он неправильно устанавливает эту границу, допуская ошибку в своих идентификациях и отчуждениях, например, если его отвержение чего-то как якобы ему объективно не подходящего, в действительности, обусловлено отвержением спроецированной части самого себя. Если же граница с миром установлена верно, то у человека спонтанно появляется «ощущение, что “это я думаю, воспринимаю, чувствую и делаю это”» [21, с. 20], и результатом становится здоровое развитие и применение всех возможных сил человека в трудных ситуациях. Чтобы перейти к такому состоянию, необходимо:

- пройти гештальт-терапию: «В гештальт-терапии мы стремимся интегрировать эти отчужденные, отделенные от нас части самости и сделать человека снова целостным — хорошо функционирующим, способным опираться на собственные ресурсы, способным возобновить свой рост, если он почему-либо прервался» [19, с. 207];

- в ходе этого процесса увеличить прежде всего самоосознание, а также правильно установить и расширить границу Эго.

Подход к человеку К. Роджерса предполагает в качестве основной ценности близость человека к своему «я», желание «быть тем «я», которым он и является на самом деле» [23, с. 225]. В концепции этого автора особо подчеркивается то, что для полноценного развития человеку следует научиться давать возможность свободно протекать всем своим чувствам, в том числе и негативным. Однако термин «отчуждение» Роджерс употребляет в более узком смысле, чем упомянутые ранее авторы, рассматривая его как механизм сохранения человеком «позитив-

ной оценки других людей» (цит. по: [27, с. 377]), для того чтобы не замечать собственных, кажущихся ему неприемлемыми, негативных чувств по отношению к этим людям. Соответственно, способом перехода к позитивной альтернативе такому отчуждению будет:

- услышать и принять свои негативные чувства по отношению к другим.

Альтернативы для переживания отчужденности. В завершение обзора рассмотрим идеи, связанные, в первую очередь, с переживанием отчужденности, в которых позитивные альтернативы предлагаются именно для этого, внешне значительно более заметного, чем отчуждение от «я», состояния.

Зачастую отдельное рассмотрение этого переживания встречается лишь в форме частных положений авторов, не составляя при этом никакой особой теории. Так, в работе У. Джемса 1899 г. указывается, что юношу, воспитанного исключительно на книгах, в будущем ожидает постоянное чувство некоторой меланхолической отчужденности от действительного мира, и, чтобы такого не происходило, нужно широко задействовать в воспитании ручной труд, знакомство с природой, усваивание наибольшего количества разнообразных практических вещей, как катание на лошадях или управление лодкой [5].

В других случаях переживанию отчужденности посвящаются полноценные теории. Например, теория С. Мадди, который разрабатывал концепцию четырех составляющих переживаемого отчуждения — бессилия, вегетативности, нигилизма и авантюризма — и измерял их у людей с помощью опросника. Мадди описывает в основном характеристики позитивных альтернатив отчуждению, возможно, предполагая, что ориентация на такие характеристики и может быть способом их достижения:

- должны присутствовать три составляющих: включенность в деятельность, ощущение контроля ситуации, позитивная готовность к ответу на последующее развитие ситуации [41].

Сходные параметры отмечает М. Чиксентмихайи при описании условий для переживания человеком состояния потока. Переживание потока является основной составляющей в разработанном Дж. Накамурой и М. Чиксентмихайи конструкте жизненной ангажированности. Полной противоположностью ангажированности авторы называют, как раз, отчуждение, подразумевающее, по их определению, активное отдаление «я» человека от объекта, с которым он взаимодействует, отсутствие привязанности и чувства принадлежности. Соответственно, неотчужденному состоянию может способствовать:

- отношение к окружающему, характеризующееся одновременно как потоковое состояние и как обладающее высокой субъективной важностью; при этом вероятность данного состояния повышается тем более, чем более присутствуют, так называемые, условия потока, такие, как четко поставленная достаточно сложная задача или наличие набора соответствующих задаче умений [42].

* * *

Широко известные осмысления отчуждения как психологического состояния, конечно, куда многочисленнее представленных в этой статье. За рамками этого обзора остались такие важнейшие направления в осмыслении состояния отчуждения, как современные экзистенциализм и марксизм, современный психоанализ, некоторые положения социологических концепций, работы А. Адлера, А. Маслоу, А. Лоуэна, работы отечественных психологов — как советского (С.Л. Рубинштейн и А.Н. Леонтьев), так и современного периодов. Тем не менее все основные наиболее характерные особенности представлений о позитивных альтернативах были отмечены, и мы можем говорить о составлении первоначальной карты этих представлений.

Характеризуя основные варианты осмысления позитивных для отчуждения альтернатив, отметим, что только небольшая часть психологических теорий резонирует с наиболее распространенным у рассмотренных философов взглядом на альтернативу как на уход от суетности, очищение сознания и особое восприятие бытия — это концепции авторов экзистенциальной направленности. Другие представления психологов об альтернативах отчуждению можно сопоставить с марксистской установкой на свободную от материальной необходимости деятельность, а также с идеями Н.М. Бахтина о действии «всем своим существом» — это положения о чувствовании себя субъектом своей деятельности, идентификации с ней, неотделении себя от ее результатов (Фромм, Хорни, Перлз, Эриксон), а также об особом восприятии деятельности, вовлеченности в нее (Мадди, Накамура и Чиксентмихайи, в меньшей степени — Джемс).

Третья точка зрения — распространенная, в той или иной степени, среди психологов, которые рассматривают отчуждение от реального «я», предполагает неустанное понимание и принятие человеком всех своих переживаний, интеграцию всего объема имеющегося у человека опыта. Это может показаться противоположностью первой из альтернатив, т. е. очищению сознания и настройке на особое восприятие бытия, однако, эти подходы, даже в крайних своих проявлениях, разнятся не так кардинально и, более того — некоторые их этапы, вероятно, подобны друг другу. Если упомянутые философы предлагают человеку для достижения близости истинному «я» сначала уйти от страстей или односторонних представлений, а потом научиться правильным образом воспринимать бытие, то психологи полагают, что сначала следует научиться правильным образом воспринимать события своей жизни и принимать свои переживания, что должно привести к некоему подобию того, с чего как раз начинают философы — к уравниванию, гармонизации своих чувств.

В заключение охарактеризуем основные обнаруженные нами группы паттернов, способствующих

установлению позитивных неотчужденных состояний.

1. Превентивные меры, направленные на недопущение отчуждения:

— правильное воспитание, здоровые столкновения с другими (Хорни, Эриксон, Джемс);

— развитие сообществ (Мэй).

2. Действия, направленные на переход к позитивному неотчужденному состоянию.

• Настроиться на восприятие мира:

— уход от повседневности, от рутины и мишуры (Лэйнг, Сенека, Плотин, Гегель, Хайдеггер, Кьеркегор, Бахтин);

— очищение сознания от страстей (Сенека, Плотин) и односторонних представлений (Гегель, Хайдеггер);

— обращение к особому восприятию бытия, мудрости, Бога, мира (Сенека, Плотин, Хайдеггер, Кьеркегор, Лэйнг, Мэй), единства с социальной субстанцией (Гегель).

• Услышать свои чувства:

— принятие и развитие своих чувств, обращение к собственным переживаниям (Роджерс, Перлз, Фромм, Хорни, Бьюдженталь, Юнг);

— развитие самопознания (практически все психологи, Гегель, Маркс, Кьеркегор), избегание проекций (Юнг, Фромм), успешный синтез личности, расширение границ Эго (Эриксон, Юнг, Перлз).

• Изменить характер деятельности:

— связь с результатами деятельности (Маркс, Фромм), переход от материально детерминированной деятельности к свободной (Маркс);

— полное проявление себя в своей деятельности (Бахтин, Хорни, Перлз) нацеленность на развитие, творческий характер деятельности, отождествление себя со своими занятиями (Маркс, Фромм, Эриксон, Перлз);

— включенность в деятельность, ощущение контроля ситуации, позитивная готовность к ответу на развитие ситуации (Мадди), решение достаточно сложной субъективно значимой задачи и обладание навыками, достаточными для ее решения (Накамура и Чиксентмихайи).

• Изменить характер общественных процессов:

— изменение социального строя (Маркс, Фромм) либо же — обязательное отсутствие сколь бы то ни было радикальных изменений социального строя (Юнг);

— добровольная помощь друг другу в преодолении отчуждения, в том числе помощь в рамках общественных структур (Юнг, Мэй, Фромм).

Отдельно обозначим психотерапию, которая отмечается большинством рассмотренных авторов-психологов.

Указанные четыре группы паттернов, направленных на переход к позитивным альтернативам отчуждения, можно рассматривать, кроме того, как уровневую структуру формирования неотчужденного состояния. Тогда в каждом отдельном случае переход человека к неотчужденному состоянию удобней будет анализировать на четырех возможных уровнях: общественные процессы — характер деятельности — работа с чувствами — настройка на восприятие мира. Автор этой статьи полагает, что подобно упомянутым закономерностям в соотношении видов отчуждения могут существовать и закономерности соотношения различных способов перехода к неотчужденным состояниям. Поэтому использование данной структуры может быть полезно в попытках выявить и проанализировать эти закономерности или, по крайней мере, может способствовать сравнению конкретных вариантов установления позитивных неотчужденных состояний.

Литература

1. Альшулер Л.Р. Юнг и политика // Кембриджское руководство по аналитической психологии / Под ред. П. Янг-Айзендрат, Т. Даусона. М., 2000.
2. Бахтин Н.М. Разложение личности и внутренняя жизнь // Бахтин Н.М. Из жизни идей. М., 1995.
3. Бьюдженталь Д. Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии. М., 1998.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Детская психология. М., 1984.
5. Джемс У. Психология в беседах с учителями. СПб., 2001.
6. Кьеркегор С. Болезнь к смерти // Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
7. Леонтьев А.Н. Философия психологии. М., 1994.
8. Лукаш О.С. Отчуждение человека: круг явлений и варианты трактовки в психологии личности // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012». [Электронный ресурс]. М., 2012.
9. Лэнг. Р.Д. Расколотое «Я». СПб., 1995.
10. Лэйнг Р.Д. «Я» и другие. М., 2002.
11. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., Т. 25. Ч. 2. М., 1962.
13. Меграбян А.А. Дегерсонализация. Ереван, 1962.
14. Мэй Р. Открытие бытия. М., 2004.
15. Мэй Р. Смысл тревоги. М., 2001.
16. Оксфордский толковый словарь по психологии / Под ред. А. Ребера, 2002.
17. Осин Е.Н. Смыслоутрата как переживание отчуждения: структура и диагностика. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2007.
18. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Смыслоутрата и отчуждение // Культурно-историческая психология. 2007. № 4.
19. Перлз Ф. Гештальт-подход. Свидетель терапии. М., 1996.
20. Перлз Ф. Гештальт-семинары. М., 1998.
21. Перлз Ф. Теория гештальттерапии. М., 2004.
22. Плотин. Шестая эннеада. Трактаты VI—IX. СПб., 2005.

23. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.
24. Роджерс К. Психология супружеских отношений. Возможные альтернативы. М., 2002.
25. Сенека Л.А. О скоротечности жизни // Историко-философский ежегодник '96. М., 1997.
26. Франкл В. Воля к смыслу. М., 2000.
27. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность. Теории, уп- ражнения, эксперименты. СПб., 2006.
28. Фромм Э. Бегство от свободы. Мн., 2003.
29. Фромм Э. Здоровое общество. Искусство любить. Душа человека. М., 2007.
30. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни. М., 2004.
31. Фромм Э. Человек для себя. Мн., 2003.
32. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. СПб., 2007.
33. Хорни К. Наши внутренние конфликты. М., 2012.
34. Хорни К. Невроз и личностный рост. СПб., 1997.
35. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
36. Эжарт И. Проповеди и рассуждения / Мейстер Эк- харт. М., 1912.
37. Юнг К. Психологические типы. СПб.; М., 1995.
38. Юнг К.Г. Нераскрытая самость (настоящее и буду- щее) // Юнг К.Г. Психология dementia praecox. Мн., 2003.
39. Daugherty T.K., Linton J.M. Assessment of Social Alienation: Psychometric Properties of the SACS-R // Social Behavior and Personality. 2000. 28. № 4.
40. Maddi S.R. The Existential Neurosis // Journal of Abnormal Psychology. 1967. V. 72. №. 4.
41. Maddi S.R., Hoover M., Kobasa S.C. Alienation and Exploratory Behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1982. V. 42. №. 5.
42. Nakamura J., Csikszentmihalyi M. The Construction of Meaning through Vital Engagement // Flourishing: Positive Psychology and the Life Well-Lived / Keyes C.L.M., Haidt J. (eds.), Washington, 2003.
43. Schabracq M., Cooper C. To be me or not to be me: about alienation // Counselling Psychology Quarterly. 2003. V. 16. №. 2.
44. Schacht R. Alienation. N.Y., 1971.

Psychological Concepts of Positive Alternatives to Human Estrangement

O.S. Lukash

PhD student at the Department of General and Experimental Psychology,
National Research University Higher School of Economics

The paper addresses various interpretations of estrangement as a negative state of mind, preservation of which in an individual represents his/her refusal of personal growth. The paper distinguishes between two meanings of estrangement (first, one's estrangement from the real 'self'; second, one's feelings of estrangement) and outlines their possible relations. However, the analysis is focused primarily on the alternatives to estrange- ment, that is, on positive states of mind, ways of escaping estrangement and entering these alternatives. The objects of this analysis are the classics of philosophy: the works of antique philosophers, Karl Marx, Martin Heidegger, Soren Kierkegaard, Nikolai Bakhtin; and the classics of personality psychology: the works of Karen Horney, Erich Fromm, Karl Jung, as well as of existential psychologists, such as Erik Eriksson, Frederick Pearls, Carl Rogers, Salvatore Maddi, Mihaly Csikszentmihalyi. The comparison of these theories reveals the most characteristic ways of reviewing the positive alternatives to estrangement. The main patterns leading to these positive states are divided into groups, which, in turn, constitute the grounds for a layered structure of positive alternatives formation.

Keywords: estrangement, estrangement from real 'self', real 'self', feelings of estrangement, personality psy- chology.

References

1. Al'shuler L.R. Yung i politika // Kembriidzhskoe ruko- vodstvo po analiticheskoi psihologii / Pod red. P. Yang- Aizendrat, T. Dausona. M., 2000.
2. Bahtin N.M. Razlozhenie lichnosti i vnutrennyaya zhizn' // Bahtin N.M. Iz zhizni idei. M., 1995.
3. B'yudzhental' D. Nauka byt' zhivym: Dialogi mezhdu terapevtom i pacientami v gumanisticheskoi terapii. M., 1998.
4. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii: V 6 t. T. 4. Detskaya psihologiya. M., 1984.
5. Dzheims U. Psihologiya v besedah s uchitelyami. SPb., 2001.
6. K'erkegor S. Bolezn' k smerti // K'erkegor S. Strah i trepet. M., 1993.
7. Leont'ev A.N. Filosofiya psihologii. M., 1994.
8. Lukash O.S. Otchuzhdenie cheloveka: krug yavlenii i varianty traktovok v psihologii lichnosti // Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "LOMONO-SOV-2012". [Elektronnyi resurs]. M., 2012.

9. *Leng R.D.* Raskolotoe "Ya". SPb., 1995.
10. *Leing R.D.* "Ya" i drugie. M., 2002.
11. *Marks K.* Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda // *Marks K., Engel's F.* Iz rannih proizvedenii. M., 1956.
12. *Marks K., Engel's F.* Sochineniya, 2-e izd., T. 25. Ch. 2. M., 1962.
13. *Megrabyan A.A.* Depersonalizaciya. Erevan, 1962.
14. *Mei R.* Otkrytie bytiya. M., 2004.
15. *Mei R.* Smysl trevogi. M., 2001.
16. Oksfordskii tolkovyi slovar' po psikhologii / Pod red. A. Rebera, 2002.
17. *Osin E.N.* Smysloutrata kak perezhivanie otchuzhdeniya: struktura i diagnostika. Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2007.
18. *Osin E.N., Leont'ev D.A.* Smysloutrata i otchuzhdenie // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2007. № 4.
19. *Perlz F.* Geshtal't-podhod. Svidetel' terapii. M., 1996.
20. *Perlz F.* Geshtal't-seminary. M., 1998.
21. *Perlz F.* Teoriya geshtal'tterapii. M., 2004.
22. *Plotin.* Shestaya enneada. Traktaty VI-IX. SPb., 2005.
23. *Rodzhers K.* Vzglyad na psihoterapiyu. Stanovlenie cheloveka. M., 1994.
24. *Rodzhers K.* Psikhologiya supruzheskih otnoshenii. Vozmozhnye al'ternativy. M., 2002.
25. *Seneka L.A.* O skorotechnosti zhizni // Istoriko-filosofskii ezhegodnik '96. M., 1997.
26. *Frankl V.* Volya k smyslu. M., 2000.
27. *Freidzher R., Feidimen D.* Lichnost'. Teorii, uprazhneniya, eksperimenty. SPb., 2006.
28. *Fromm E.* Begstvo ot svobody. Mn., 2003.
29. *Fromm E.* Zdorovoe obshestvo. Iskustvo lyubit'. Dusha cheloveka. M., 2007.
30. *Fromm E.* Imet' ili byt'? Radi lyubvi k zhizni. M., 2004.
31. *Fromm E.* Chelovek dlya sebya. Mn., 2003.
32. *Haidegger M.* Pis'mo o gumanizme // Haidegger M. Vremya i bytie. SPb., 2007.
33. *Horni K.* Nashi vnutrennie konflikty. M., 2012.
34. *Horni K.* Nevroz i lichnostnyi rost. SPb., 1997.
35. *Erikson E.* Identichnost': yunost' i krizis. M., 1996.
36. *Ekhart I.* Propovedi i rassuzhdeniya / Meister Ekhart. M., 1912.
37. *Yung K.* Psihologicheskie tipy. SPb.; M., 1995.
38. *Yung K.G.* Neraskrytaya samost' (nastoyashee i budushee) // Yung K.G. Psikhologiya dementiapræcox. Mn., 2003.
39. *Daugherty T.K., Linton J.M.* Assessment of Social Alienation: Psychometric Properties of the SACS-R // Social Behavior and Personality. 2000. 28. № 4.
40. *Maddi S.R.* The Existential Neurosis // Journal of Abnormal Psychology. 1967. V. 72. № 4.
41. *Maddi S.R., Hoover M., Kobasa S.C.* Alienation and Exploratory Behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1982. V. 42. № 5.
42. *Nakamura J., Csikszentmihalyi M.* The Construction of Meaning through Vital Engagement // Flourishing: Positive Psychology and the Life Well-Lived / Keyes C.L.M., Haidt J. (eds.), Washington, 2003.
43. *Schabracq M., Cooper C.* To be me or not to be me: about alienation // Counselling Psychology Quarterly. 2003. V. 16. № 2.
44. *Schacht R.* Alienation. N.Y., 1971.

Размышления над книгой «Цветная Вселенная: Михаил Матюшин об искусстве и зрении»

В.М. Мунипов

доктор психологических наук, профессор кафедры культурно-исторической психологии
Московского городского психолого-педагогического университета

М.В. Мунипов

выпускник кафедры биофизики биологического факультета Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова (1981)

Да, простота нужнее людям,
но сложное понятней им
Б. Пастернак

В серии «Очерков визуальности», задуманной как серия «умных книг» на темы изобразительного искусства, издательство «Новое литературное обозрение» осуществило перевод с английского языка и в 2008 г. выпустило в свет книгу шведского искусствоведа М. Тильберг «Цветная Вселенная: Михаил Матюшин об искусстве и зрении». Прекрасное название книги, которое в полной мере соответствует содержанию. Книга отвечает принципиально новому подходу издательства к книгам указанной серии, а, возможно, и повлияла на его формирование. «Столкновение методик и исследовательских стратегий жанров и дискурсов, — с точки зрения издательства, — призвано представить и поле самой культуры, и поле науки о ней в качестве единого сложноорганизованного пространства, а не в привычном виде плоскости со строго охраняемыми территориальными границами».

Структура и основные источники исследования

Исследование, о котором идет речь в книге М. Тильберг, разделено на пять частей, которым она дала названия: «Цвет», «Зрение», «Культура», «Идеология» и «Синтез». Они указывают на основной ход рассуждения в каждой из перечисленных частей. Кроме того, в книге есть приложения — список сокращений, терминология по цвету, а также текст основной работы Матюшина «Закономерность изменчивости цветовых сочетаний. Справочник по цвету» (далее — «Справочник»). Поскольку «Справочник» является библиографической редкостью, в книгу включена его факсимильная копия.

Начинается книга с содержательного и достаточно объемного введения, которое тем самым перерастает в самостоятельную главу. В ней рассматриваются предмет и цель исследования; цвет и зрение как область исследования; источники, метод и структура исследования. Глава вторая содержит биографию Матюшина. Глава третья посвящена

экспериментальной работе Матюшина, в результате которой был создан «Справочник», в основном, в Государственном институте художественной культуры в Ленинграде (ГИНХУК). Глава четвертая представляет «Справочник» как теорию цвета. Идеи Матюшина рассматриваются здесь в сопоставлении с представлениями В. Оствальда, Мишеля-Эжена Шевреля, а также в сравнении с современными научными положениями. Глава пятая посвящена теме зрения. Центральным методом, лежащим в основе экспериментов, которые привели к написанию «Справочника», является «расширенное зрение». В этой главе также рассказывается о различных культурных течениях и событиях, повлиявших на мировоззрение Матюшина. Глава шестая в основном посвящена пространству, а глава седьмая — методам обнаружения цвета в материальном и нематериальных мирах. В этих главах Тильберг обращается к тем источникам, на которые ссылается в своих работах Матюшин. В главе восьмой рассматриваются другие советские теории цвета, ссылки на которые есть в «Справочнике». О них российские и западные читатели, указывает Тильберг, узнают впервые. В этой же главе представлен анализ влияния идеологической обстановки в СССР на работу Матюшина. В главе девятой Тильберг возвращается к Матюшину и к методам, которые он выработал, чтобы выстоять в условиях кардинально меняющейся ситуации сталинского времени. Последняя, десятая, глава книги посвящена судьбам учеников Матюшина и судьбе самой теории цвета после смерти ее автора.

Основные источники исследования Тильберг — «Справочник» (текст книги, цветовые таблицы и таблицы цветоформ), архивные материалы об экспериментальной работе матюшинской Лаборатории цвета в ГИНХУКе, а также эссе и статьи Матюшина. За исключением «Справочника» и нескольких статей, эти материалы не публиковались. Изданный в 1932 г. тиражом 400 экземпляров «Справочник», искусствовед Н. Харджиев предлагал переиздать, чтобы сделать его доступным справочным пособием для

художников, дизайнеров, архитекторов и искусствоведов и тем самым вывести его из разряда библиографических «сверхредкостей». Отдельное переиздание «Справочника» в Швеции входило и в планы Тильберг, но стоимость перепечатки — более 90 использованных в таблицах цветовых тонов — оказалась задачей для нее недоступной (слишком дороги технологии цветопередачи большого количества цветовых тонов).

В книге Тильберг впервые опубликовано большое количество архивных материалов. Она работала как в русских, так и в зарубежных архивах. Впечатляет перечисление архивов (заявившее всю двадцать пятую страницу книги), в которых Тильберг искала материалы о Матюшине и русском художественном авангарде. Обращают на себя внимание культура, ответственность и, если хотите, увлеченность Тильберг работой с архивными материалами, которые зачастую требовали сложной и кропотливой исследовательской деятельности для их адекватной интерпретации.

Предмет, цель и исторический контекст исследования

Первоначальные идеи, которые легли затем в основу теории цвета, были подсказаны Матюшину его рано ушедшей из жизни женой Еленой Гуро (1887—1913). После ее смерти Матюшин принял решение целиком посвятить себя цветоведческим исследованиям.

Как это нередко бывает в научной работе, исследование Тильберг началось в результате счастливого и в какой-то мере случайного стечения обстоятельств. Она занималась славистикой, специализировалась по русской литературе и в какой-то момент, по ее словам, готовясь к дополнительному экзамену по искусствоведению, заинтересовалась Е. Гуро как художником и поэтом. К тому моменту Тильберг уже знала о цветоведческих работах Матюшина. Однако именно изучение творчества Гуро побудило ее к архивным поискам. «И благодаря этой новой информации передо мной, — отмечает исследовательница, — постепенно начала возникать совершенно отличная от прежней картина — словно фоновый рисунок переместился на передний план, — и я изменила предмет своего исследования» [24, с. 22]. Кстати сказать, первая дипломная работа Тильберг по искусствоведению посвящена теории цвета М. Матюшина (1992), а вторая — Е. Гуро (1992).

Некоторые попытки интерпретации идей Матюшина предпринимались и до Тильберг. Однако они, как правило, по мнению Тильберг, сводились к двум исходным позициям: его работа рассматривалась через призму либо оккультизма, либо поэзии и, соответственно, терминологически описывалась как «поэтические образы» или как «мета-смысл», находящийся «за пределами разума», или даже просто как

«бессмыслица». Автор рассматриваемой книги в данном случае ссылается на работы Елены Муриной и Василия Ракитина (Rakitin, 1991), Ш. Дуглас (С. Douglas, 1973—1974) и других. «Подобная постановка вопроса — был ли Матюшин ученым, оккультистом или поэтом — представляется мне, — делает основополагающий вывод Тильберг из рассмотренного источника для целей своего исследования, — неудачной и не затрагивающей сути проблемы...» [там же, с. 11].

На Западе опубликован целый ряд общих работ о цвете и теорий цвета, созданных художниками и для художников. Однако анализ Тильберг показал, что, несмотря на высокий качественный уровень этих трудов, используемая в них аргументация и общие направления исследований если и применимы к теории Матюшина, то лишь частично. «Первая цель моего исследования, — подчеркивает Тильберг, — состоит в том, чтобы рассмотреть цвет как категорию культуры... Будучи помещенным в культурный контекст, цвет попадает в высшей степени в сложное поле между словом и образом» [там же, с. 17]. Здесь исследовательница сталкивается с целым веером сложнейших проблем и ни от одной она не уклоняется. Первой из них следует назвать процесс кодирования для выражения переживания средствами языка. Другими словами, чтобы получить возможность говорить о цветах средствами языка, мы должны присвоить им имена, которые всегда символы. Тильберг рассматривает работы многих ученых, искусствоведов, антропологов, культурологов, философов, что представляет специальный интерес для анализа. Мы же приведем выводы рассмотрения только одной работы, чтобы представить стремление Тильберг не пропустить какого-либо автора, занимавшегося этой проблемой, и, соответственно, лучше понять теорию Матюшина. Рассматривая исследования Умберто Эко в области семиотики и его попытку решить указанную лингвистическую проблему, шведский ученый констатирует, что он потерпел неудачу (и оказался ею совершенно фрустрирован из-за отсутствия внятных языковых кодов, которые позволили бы расшифровать значение цвета в отдельной культуре [там же, с. 18]).

Раскрывая установки своего исследования, Тильберг констатирует, что цвет является в высшей степени сложным природным явлением. «Другая цель моей работы, — указывает Тильберг, — рассмотреть цветовое зрение с позиций естественных наук. Однако в этом смысле понятие цвета оказывается «круглым» — он как бы беспрестанно вертится, поворачиваясь разными гранями и ускользая из рук» [там же, с. 20]. И вновь исследовательница убеждается в том, что существующие теории цвета и цветового зрения — настолько обширная территория, что исследовать ее, будучи специалистом только в одной области, невозможно. Возникает проблема определения точек пересечения различных дисциплин. «Пространство исследований цвета не только необъятно, —

заключает Тильберг, — но в нем соприсутствует наука, псевдонаука и еще «нечто среднее». И как раз в это самое «нечто среднее» попадает Матюшин» [там же]. «Нечто среднее» — это наиболее интригующее положение шведского ученого, за которым скрываются, как мы думаем, тонко улавливаемые истоки и оригинальность содержания концепции Матюшина, к которым мы еще вернемся.

Сейчас же важно подчеркнуть, что для исследования сложнейшего предмета Тильберг разработала собственную теорию, о которой она пишет как о «...собственной заранее выработанной теории, потребностью в ней была вызвана моим бережным отношением к оригинальным текстам, которые сформировали мое понимание теории Матюшина» [24, с. 27]. Эта теория и бережное отношение пронизывают всю ткань книги и принципиально отличают исследование Тильберг от предыдущих.

Одна из гипотез Тильберг состоит в том, что Матюшину был свойственен визуальный подход к реальности — более последовательный и научно обоснованный, нежели тот, который присущ любому художнику, мыслящему зрительными образами. Обоснованию данной идеи во многом посвящена рассматриваемая книга. Материалы Матюшина и учащихся его мастерской многочисленны и во многих случаях не каталогизированы. Тильберг не стала составлять каталог документов об экспериментальной деятельности матюшинских лабораторий. Она занялась систематизацией различных аспектов цвета, стремясь реконструировать на этой основе ту концепцию визуальности, которую исповедовал сам Матюшин. «Подосновой моей работы, — пишет Тильберг, — на всем ее протяжении был вопрос: «Что может сказать теория цвета о мировоззрении ее автора?» Руководствуясь именно этим вопросом, я исследовала слова и цвета, рождавшиеся в матюшинских мастерских» [там же, с. 28]. Материалы, использованные в исследовании, созданы Матюшиным, а метод их интерпретации и логическая структура работы принадлежат Тильберг.

Она обостряет свое понимание теории Матюшина и потому стремится к расширению объема теоретических и практических знаний. Тильберг не могла пропустить работу Дж. Гейджа, пытавшегося понять, почему картины выглядят так, как они выглядят с точки зрения теории цвета, включая и материальность, и иерархию цветов, и традицию организации цвета в цветовых телах или шарах. (Имеется в виду, как мы представляем пространственные модели всех цветов, которые получают по законам смешения цветов). «Так что я соглашаюсь, — заключает Тильберг, — с правильностью предпринятой Дж. Гейджем (J. Gage, 2000) попытки «изучать историчность цвета», и следуя этой позиции» [там же, с. 18]. Исторических исследований теорий цвета в Советском Союзе не существовало, констатирует Тильберг, и не существует в России до сих пор.

Важную роль в работе Тильберг сыграло понятие «глаз периода (времени)» (period eye), которое как

бы замыслено специально для анализа творчества Матюшина. Тем более, если исследователь задался целью изучать его и вглубь, и вширь. Ввел рассматриваемое понятие М. Баксдалл [29] в книге «Живопись и опыт Италии 15-ого века». Понятие основано на значимости исторического контекста во всем разнообразии его конкретных обстоятельств для понимания искусства. «Глаз периода» включает в себя религиозные, коммерческие и социальные условности, регулирующие взаимоотношения между мировоззрениями авторов и зрителей, которые и являются решающим фактором метода интерпретации произведений искусства.

Баксдалл расширяет герменевтическое понятие «горизонт», или «жизнь-мира» (в оригинале «life-world»): не только убеждения зрителей воздействуют на их интерпретацию картины, но и сама картина есть «хранилище» различных связей. «Подобно Баксдаллу, — пишет Тильберг, — я считаю зрительную данность, то есть в моем случае цветовые таблицы и таблицы цветоформ, важными хранилищами информации. Они являются своего рода визуальными уликами существования культуры, которую я изучаю. Но если «глаз периода» Баксдалла складывается из Бога, денег и общения, — заключает Тильберг, — в настоящем исследовании больше внимания уделяется и идеологическим обстоятельствам» [24, с. 29].

Тильберг анализирует влияние диалектического материализма на работу Матюшина. Показывает расхождения между идеями Матюшина, его современников и позиций государственных органов надзора. Она также рассматривает вопросы субъективности-объективности в применении к диамату, последствия которого прежде не освещались в исследованиях по истории цвета. Изучение Тильберг одной из теорий авангарда основано на герменевтической позиции, причем явленной с различных точек зрения. Матюшинскую теорию цвета она тоже рассматривает с разных точек зрения — и саму по себе, в контексте того времени, когда она была разработана, т. е. синхронно, и с точки зрения сегодняшней науки, т. е. анахронно.

Одной из самых необычных в истории искусства теорий цвета, разработанной Матюшиным и составившей концептуальный каркас его основного труда «Закономерность изменчивости цветовых сочетаний. Справочник по цвету», — не нашлось места в истории теории цвета. «Этот труд, — отмечает Тильберг, — и по сей день не удостоился изучения ни как отдельная теория, ни как результат одного из направлений деятельности Матюшина в живописи, музыке или театре, ни как справочное пособие для художников и дизайнеров» [там же, с. 12]. Впервые о существовании «Справочника» Тильберг узнала из книги «К истории русского авангарда», выпущенной в 1976 г. в Стокгольме под редакцией Н. Харджиева; в ней были опубликованы тексты Матюшина и Малевича, а также первая часть автобиографии Матюшина.

О месте и роли науки в творчестве Матюшина

Конкретные основы «Справочника» были заложены в 1920-х гг. в период работы Матюшина в Ленинградском государственном институте художественной культуры (ГИНХУК), в тесном сотрудничестве с учениками первого набора. Тильберг столкнулась с тем, что удивительно мало исследований посвящено Ленинградскому ГИНХУКу, несмотря на важную роль, которую он сыграл в культурной жизни города. Архивные материалы об экспериментальной матюшинской Лаборатории цвета в ГИНХУКе вообще находились в забвении. Анализируя тщательно и бережно исследования, проводившиеся Матюшиным и его группой в Ленинградском ГИНХУКе, и его обращение к данным других ученых, Тильберг не спешит с выводом о роли и месте науки в творчестве Матюшина. И это при том, что он, как и многие другие художники русского авангарда, разрабатывая свои художественные концепции, настаивал на их научности. В противовес высказываниям Матюшина Тильберг жестко оценивает его гинхуковские эксперименты. В их изложении отсутствуют пояснения, описания стандартных условий проводившихся наблюдений, информация о способностях и ограничениях наблюдателей. Все это вызвало у Тильберг сомнения в ценности проведенной Матюшином работы. «Для этого у него не было ни специального оборудования, ни соответствующего образования, ни интереса» [24, с. 355]. Она даже пишет: «Следует ли ее вообще воспринимать всерьез? Однако при выбранном мной подходе этот вопрос не является релевантным» [там же, с. 395]. И далее следует неожиданное и полное глубокого смысла заключение, проясняющее в том числе и предыдущую мысль Тильберг: «Матюшина наука интересовала постольку, поскольку он мог использовать ее как материал, который его фантазия превращала в новые зрительные образы. Он возвел свой индуктивный метод, основанный на эмпирических наблюдениях, проведенных со всего лишь несколькими испытуемыми, в ранг закона природы. Полученные результаты он излагал либо визуальным языком посредством картин и научных схем, либо словами при помощи аналогий» [там же].

Приведенное нами заключение Тильберг — одно из убедительных свидетельств адекватности выбранного ею подхода к изучению творчества Матюшина. Сделанный же вывод соотносится с подобными заключениями других представителей русского художественного авангарда. Отмечая, что многие «теории» Малевича не выдерживают проверки с точки зрения научных критериев, Хан-Магомедов пишет: «Но это не значит, что они бессмысленны. Они очень нужны в процессе строительства стиливой художественно-композиционной системы. Поэтому стоит только пересадить «теории» Малевича из научного поля на поле стиливое, метафорическое, как сразу

зуду проявляется оригинальная творческая концепция с большими стилиобразующими потенциями, не претендующая на некую объективную научность» [27, с. 18].

Рассматриваемое заключение Тильберг перекликается с неоднократно высказываемой в Агни-Йоге мыслью о том, «что в основе художественного творчества лежит способность создания человеком *мыслеформ*, или мыслеобразов — музыкальных, литературных, художественных, — представляющих собой энергоинформационное выражение произведения искусства. Помимо основы, доступной физическим органам чувств человека (то есть видимой или слышимой), каждое произведение искусства имеет еще и недоступное органам чувств энергоинформационное содержание. Это содержание, или мыслеформы, обладают большим воздействием на психику слушателей, читателей, зрителей» [7, с. 346]. Матюшин не мог знать этого утверждения Агни-Йоги, но оно ему близко по содержанию, и он на основе Учения Блаватской высказывал подобные мысли, а Тильберг тонко уловила такую их направленность.

При размышлении о роли науки в творчестве Матюшина, не раз возникал вопрос, а не рассматривал ли он Учение Блаватской как своеобразную лабораторию в противовес научной лаборатории. Мысль была настолько экстравагантной, что авторы данной рецензии не решались даже ее высказать. До тех пор пока не натолкнулись на четко сформулированные идеи по этому поводу у М. Мамардашвили и А.В. Ахутина. «Поскольку в поэзии, допускаем мы, — пишет Ахутин, — язык с наибольшей полнотой раскрывает свои возможности, в ней-то и следовало бы находить истинное *языкознание*. В этом смысле М. Мамардашвили противопоставляет *лабораторию романа* научной лаборатории» [1, с. 59]. «Мы занимаемся сейчас фактически экспериментальной психологией, — писал Мамардашвили, — в отличие от наблюдательной. В действительности экспериментальная психология (хотя ее ищут с конца 19-го века), и именно в строгом смысле, давно уже существует. Она существует в произведениях, в литературе» [12, с. 145].

Необходимо отметить, что была и вненаучная причина ориентации Матюшина на соответствие научности — избежать политического преследования в Советском союзе в 1920-е гг. Научной деятельности придавалось важное значение в построении нового общества. «Матюшин стремился придать своей теории научность, — отмечает Тильберг, — чтобы избежать обвинений в метафизичности или оккультизме. Несмотря на наличие ссылок на большое число вненаучных, а точнее сказать, оккультных источников, Матюшин открыто отвергал оккультизм, заявляя, что он занимался не более чем «объективными наблюдениями» [23, с. 349–350]. Ссылки на П. Лазарева, Гельмгольца и фон Криза в «Справочнике» важны для него. «Их имена, так же, как и их идеи, были нужны Матюшину в качестве алиби, признаваемого

в мире науки и необходимого в политической действительности Советского Союза 1920-ых годов» [там же, с. 352]. Помимо ссылок на признанных ученых, Матюшин использовал терминологию, которая ассоциировалась с общепризнанными формами исследований. Например, он иногда заменял термин «последовательный образ», который обычно используется в науке о цвете, на термин «дополнительный цветовой рефлекс в глазу», что отсылало к исследованиям И.П. Павлова.

Учение Блаватской и «прозрения» Матюшина

Метафизика и оккультизм (в понимании Блаватской) — две связанные и стержневые линии творчества Матюшина — то, что он тщательно оберегал и по возможности скрывал, чтобы не попасть в зловещие жернова идеологии советского государства. Поэтому он не ссылался и на Блаватскую.

Тема «Матюшин и Учение Блаватской» одна из наиболее интересных и в то же время крайне трудных для восприятия в исследовании Тильберг. Для ее изучения необходимо основательно знать не только творческое наследие Матюшина, но и Учение Блаватской, что объективно трудно. Вряд ли одной жизни хватит, писала Е. Рерих, чтобы изучить книги «Тайная Доктрина» Блаватской и «Письма Махатм». Только в «Тайной Доктрине» содержится огромный фундаментальный научный материал, анализируются сложнейшие метафизические доктрины эзотерической философии Востока и выявляются их корреляции с новейшими достижениями западной науки.

Тильберг много сделала, но не исчерпала тему «Матюшин и Учение Блаватской». Поэтому мы решили попытаться внести свой посильный вклад в исследование указанной проблемы. Естественно, побудительным толчком к такому рискованному занятию послужила книга Тильберг, предоставляющая достаточный материал для выявления с достаточной определенностью и, где необходимо, реконструкции соответствующих идей Матюшина. Волею судеб один из авторов «Размышлений...» десять дней общался с С. Рерихом в Индии. В центре бесед находились идеи Блаватской, Е. Рерих и Н. Рериха, которые в молодые годы автор очень смутно понимал и несколько лучше воспринимал разъяснения Посвященного С. Рериха. Российская делегация, в состав которой входил автор, состояла из семи человек, но беседы на указанные темы С. Рерих вел только с одним человеком. Поэтому единственное, что автор четко осознал тогда, что это определенный знак, который ему предстоит расшифровать. Было одно знаковое событие, предназначение которого автор ощутил сразу, но сокровенный смысл не осознал. С. Рерих и его супруга Девика сказали: «По существующей индийской традиции об этом не распространяются». Кстати, мысль об этом возникла сразу и до то-

го, как об этом сообщили автору. Е. Рерих в таких случаях говорила — о сокровенном на базаре не распространяются.

После возвращения в Москву возник повышенный интерес к творческому наследию семьи Рерихов. Впервые произошло знакомство с работами Е. Рерих, которая продолжала дело Блаватской и находилась в духовном контакте с Махатмами. Далее последовало изучение трудов Блаватской и писем Махатмы, продолжающееся и по сей день. И все это лично для себя — при незримом водительстве С. Рерих. И вновь волею судеб выпал случай «помочь» Матюшину и попытаться продвинуться в раскрытии одного из самых сокровенных профессиональных его увлечений — постичь Учение Блаватской и на этой основе решить сложнейшие проблемы, с которыми он столкнулся.

Матюшин искал в различных учениях то, что ему как художнику и музыканту приоткрывалось: есть какая-то другая реальность, которая более реальна, чем та, которую мы считаем реальной, обыденной жизнью. Люди с обычным, ненатренированным зрением, считал он, могут видеть лишь поверхность действительности, которая мешает нам узнать «истинную действительность». Это прозрение, определившее многое в творческих поисках Матюшина, произошло, по нашему убеждению, или совместно с Е. Гуро, или под ее сильным влиянием. Нельзя исключить и возможности влияния через труды Блаватской пифагорейской теории музыки и цвета. «Мало кто из людей понимает, — писал в 1928 г. Мэнли П. Холл, — насколько они сильно ограничены стенами, сооруженными чувственными восприятиями. Наши знания о свете неполны, но есть и вовсе неизвестные формы света, для которых нет оптического эквивалента. Есть бесчисленные цвета, которые мы не можем видеть, так же как и звуки, которые мы не можем слышать, запахи, которые мы не можем обонять, ароматы, которые не могут быть нами осознаны, и субстанции, которые не могут быть ощущаемы. Человек окружен сверхчувственной Вселенной, о которой он ничего не знает, ибо центры чувственного восприятия не развиты в достаточной степени для того, чтобы уловить более тонкие уровни вибраций, из которых состоит Вселенная» [28, с. 325].

Из анализа матюшинских текстов можно сделать вывод, отмечает Тильберг, что он верил, что все сущее происходит от одного начала и является его выражением. По его представлениям всё, включая материю, есть энергия, распространяющаяся с разной скоростью посредством волн различной длины; в этом смысле он был убежден в существовании связи между вибрациями цвета и звука. Вибрации (по матюшинским словам — волны, флюиды, колебания и т. д.) соединяют все со всем в единое целое, но воспринять все частоты и направления движения одновременно, все силы как одну, дифференцированную, но всеобъемлющую, способно только высшее сознание, лишь ему открыто, что все различия — не более

чем иллюзия, поскольку они поглощаются единым источником сущего. Судя по всему, продолжает Тильберг, одной из важных задач «расширенного зорения» как раз и было приобретение способности *видеть* все эти волны, движущиеся с разной скоростью. Матюшин описывает это ощущение целостности Вселенной в терминах единого высшего организма — живого существа, обладающего сознанием. «Такое восприятие мира, — заключает Тильберг, — заставляет вспомнить индийские Веда, в большинстве из которых Вселенная наделяется сознанием». В своей книге «Разоблаченная Изида» Елена Блаватская, основательница теософии, проводит знак равенства между эфиром и «душой мира», «божественном» и вытекающими из его магнетических свойств магическими силами, «духом света», «живым огнем» или «Софией — Святым Духом как женским началом». Именно здесь вода становится «медовой росой» скандинавских Эдд и рождает «звездный свет» [24, с. 260]. Далее дается ссылка на труд Блаватской и поясняется — «Душа Мира» (*anima mundi*), олицетворенная Земля как живой саморегулирующийся организм. И вывод Тильберг: «несмотря на привлекательность этой картины, у Матюшина было свое представление о новой, живой Вселенной. Это было почти чувственным впечатлением слианности «Я» со Вселенной» [там же].

Все, что пишет Тильберг, заставляет нас не только вспомнить индийские Веда и Блаватскую, но и задуматься над тем — не был ли Матюшин Посвященным, имея в виду его глубокое проникновение в суть Учения. Ведь был же его современник В.И. Вернадский Посвященным.

В.И. Вернадский вслед за Тейяром де Шарденом обосновал рождение ноосферы. «Планетарной оболочкой», что возникла, «отправляясь от биосферы и над ней», «земной сферой мыслящей субстанции» — так французский мыслитель определял ноосферу. Ее рождение он «связывает с появлением на древе жизни удивительного психического явления рефлексии. Это сознание *второй степени*, как называет он рефлексии, открыло невиданный до того в природе — в таком мощном качестве — целый веер свойств и возможностей живого существа: «свободу, предвидение будущего, способность планировать», строить и т. д.». Не забудем еще одного уникального качества рефлексивного разума: способность извлекать смысл вещи и явления, собственных действий и выборов, которую о. Тейяр, как до него Федоров и мыслители русского космизма, расширяют до главного — открытие человеком смысла своего появления в эволюции. И эти же качества подсказывают человеку и человечеству так строить свое домысленное целеполагание и за ним действие, чтобы они наиболее точно соответствовали направлению целевой причины вынесшего их к бытию эволюционного движения и их самих» [22, с. 449—450]. Отдельные концепции и идеи Тейяра де Шардена и В.И. Вернадского созвучны, а иногда почти совпадают с положениями Учения Блаватской. Они, безусловно, представили

бы большой научный и эзотерический интерес для Матюшина, так как близки были ему по направленности мысли и духовным устремлениям. Матюшин не мог бы, безусловно, пройти мимо, например, следующей мысли Тейяра де Шардена. Он не просто планировал расширение возможностей наших органов чувств, которые научились бы проникать в сферы цвета и звука, пока для нас недоступные. Он ставил проблему в общем виде: найти такие «более прямые способы восприятия и действия, которые, отвечая старым надеждам, смогли бы обнаружить пластичность и прозрачность материи по отношению к духу» [там же, с. 425].

Однако Матюшин не мог знать о творчестве двух выдающихся ученых и мыслителей, которые были его современниками. Работы Тейяра де Шардена при его жизни не издавались, а концепция ноосферы Вернадского в Советском Союзе долгое время замалчивалась. В статье «Вл. Ив. Вернадский» [3], нет упоминания о ноосфере. Основное произведение Тейяра де Шардена «Феномен человека» появилось в русском переводе в нашей стране только в 1965 г. под ограничительным грифом «для научных библиотек» и без последней, пятой части книги — «Феномен христианства».

Одного дара художника и музыканта явно недостаточно для постижения «истинной действительности», и потому Матюшин, естественно, выходил на метафизику. «Естественно» в том смысле, в каком это понимал, например, М. Мамардашвили. «Под философским взглядом на вещи я понимаю взгляд, который видит невидимый, или метафизический, элемент нашей жизни. Такой взгляд может быть свойственен любому человеку, вовсе не только профессионалу-философу, кстати, именно профессиональному философу он чаще всего не свойственен» [14, с. 23]. В другом месте он поясняет: «Метафизика в том смысле, в каком только что было сказано, имеет физические последствия, и нам нужно учиться в области социальной мысли через наблюдаемые явления видеть ненаблюдаемое, и потом из этого ненаблюдаемого нам понятнее (и мы иначе понимаем) то, что мы наблюдаем» [там же, с. 14]. Пытаясь проникнуть за пелену материи в мир первопричин, Матюшин принимал различие между физической и метафизической науками, которое содержится в Учении Блаватской. Для него это было принципиально важно в плане поиска «истинной науки» для изучения «истинной действительности». В одном из писем Учитель Блаватской Махатма указывает «на разницу между физическими (часто называемыми точными) и метафизическими науками. Последние... не поддаются верификации в глазах не очень разбирающейся во всем этом публики, относятся г-ном Тиндэлом к области поэтического вымысла» [2, с. 75]. Следует напомнить, что идеи Матюшина также описывались как «поэтические образы», или как «мета-смысл», находящийся «за пределами разума».

От метафизики в рассмотренном понимании естественен переход Матюшина к «оккультизму». В конце XIX в. этим термином обозначалось все имеющее отношение к иным планам бытия, недоступным восприятию органов чувств обычного человека и в силу этого невидимых (от латинского «occult» — невидимый). Теософское общество, созданное Блаватской в 1875 г. в Нью-Йорке, призвано было «открыть западному миру часть эзотерических философских доктрин Востока и тем самым стимулировать начало нового этапа исследований в области эзотерических знаний. Более узкая, практическая, задача распространения на Западе теософии состояла в том, чтобы предостеречь западный мир от безоглядного увлечения опасным для подлинного духовного развития спиритизмом, которое в ту эпоху, подобно психической эпидемии, охватило США, Европу и перекинулось в Россию» [7, с. 13]. Ставилась также задача создания ядра будущего всемирного братства просвещенных и высокодуховных людей разных национальностей и вероисповеданий, свободных от социальных, национальных и религиозных предрассудков.

Оккультизм, в понимании Блаватской и ее Учителей — Махатм, — точная наука, его законы непреложны. Для него характерно сближение научного и философского методов познания. У оккультной науки есть свои методы исследования, такие же строгие и обоснованные, как методы противостоящей ей официальной физической науки. Эксперимент и дедукция лежат в основе оккультной науки. По своему статусу она является научным и философским, а не религиозным учением. В ней нет понятия «чуждесного», «сверхестественного» как выходящего за сферу действия природных законов: «Мир, творящий все силы, — мир оккультизма, и только тот, кто движется к высшей степени посвящения, начинает осознавать тайны бытия... Наконец скрытые предметы стали явными и тайные чудеса исчезли из его поля зрения навсегда. Теперь он знает, как использовать силу, чтобы вызывать желаемые действия. Тайные химические, электрические или божественные свойства растений, трав, корней, минералов, живых тканей он знает так же хорошо, как оперения птиц. Никакие изменения в эфирных вибрациях не могут теперь ускользнуть от него. Он применяет свои знания. И посмотрите, какое чудо! Он, начинающий с отвержения самой идеи того, что чудо возможно, теперь становится чудодеем и почитается глупцами как полубог; либо подвергается хуле еще больших глупцов как шарлатан» [2, с. 10].

Небольшой раздел «Лаборатория цвета» книги Тильберг начинается с важной констатации: «Вся работа Матюшина и его сотрудников в ГИНХУКе строилась на принципе «чтения природы как книги», как сам он писал в поздней автобиографии, основой служило «живое неутомимое наблюдение природы...» Все сотрудники были обязаны в течение двух летних месяцев писать на открытом воздухе для того, чтобы получить практический живописный опыт

и проверить результаты лабораторной работы» [24, с. 80]. И в этом ничего необычного нет — так учатся и поступают едва ли не все художники. Однако раздел кончается фразой: «Конечной целью было постижение природы и мира как единого целого организма» (с. 81). Такое постижение природы вновь побуждает задуматься о влиянии на Матюшина Учения Блаватской и ее Учителей — Махатм. В одном из писем Учитель К.Х. советует: «Но вы должны и помнить одно: мы только следуем *природе и стараемся копировать ее* деятельность [16, с. 198]. И еще: «Е.П. Блаватская часто спрашивала: разве трудно поверить тому, что человек должен развивать свои новые способности и чувства, ближе соприкасаясь с природой? И отвечала: вся логика эволюции учит нас этому правильному выводу» [там же, с. 13]. Эти и другие положения Учения, которые знал или приближался к их постижению Матюшин, наполняли глубоким смыслом его работу, включая и исследования в ГИНХУКе.

В Учении Блаватской и Махатм четко определялись отправные причины и достижимая цель, о которых пишет А. Владимиров: «Окружающий мир, общество стремительно изменяются, но почти не меняется одно — человеческая натура. Тысячелетия вдохновенных религий, доступность к шедеврам мирового искусства, эпоха грамотности и информированности мало изменили человека. Его приземленные вожеления остаются прежними. Не хватает материальных ресурсов, угрожающе меняется климат, ухудшается здоровье миллионов... Вопреки всем достижениям науки человечество по-прежнему остается в рабстве у материальной природы. Человек по-прежнему душой *не свободен*» [4, с. 217]. И в другом месте: «Цивилизация всегда развивала физическую и интеллектуальную сторону за счет психической и духовной. Овладение и управление своей собственной психической природой, которую безумцы ныне соединяют со сверхестественным, были среди раннего человечества свойствами врожденными и такими же естественными, как хождение и мышление» [23, с. 235—236].

В одном из писем 1880 г. Махатма К.Х. обращал внимание своего корреспондента: «Я внимательно прислушивался к беседе, которая происходила в доме мистера Хьюма. Его аргументы совершенны с точки зрения экзотерической мудрости (поверхностной внешней, профанной. — *Прим. А.В.*). Но когда настанет время и ему будет позволено заглянуть в мир эзотеризма (тайной, скрытой, посвященной, истиннознающей. — *Прим. А.В.*) с его законами, базирующимися на математически точных расчетах будущего, на неизбежных результатах причин, которые мы всегда вольны создавать и формировать, как хотим, но не способны управлять их следствиями, которые, таким образом, становятся нашими властелинами, только тогда и вы, и он поймете, почему непосвященным наши действия часто кажутся немудрыми, если не просто безрассудными» [17, с. 24—25].

Одного корреспондента смутила фраза «математически точные исчисления будущего». Махатма пояснил: «Это касается понимания учений эзотерической философии в связи с кармой. Дело обстоит таким образом. Совершение какого-то действия регистрируется в академических документах, или записях, как это называет Е.П. Блаватская. В момент регистрации действия там же фиксируется его будущий результат. Тот, кто знает, как проводить математически точные исчисления, определит отношение следствия к причине и таким образом получит прогноз будущего» [2, с. 162].

Философская доктрина эзотеризма не связана с духовной традицией какой-либо одной национальности или страны, подчеркивала Блаватская, ее содержание имеет общемировое значение. Учение теософии, писала она в «Тайной Доктрине», является не *синтезом идей*, высказанных в других учениях, а именно изначальной архаичной духовно-эзотерической традицией, *международной* по своему происхождению. «Корни Учения Махатм уходят в глубину тысячелетий, — пишет один из глубоких знатоков этого учения А. Владимиров, — а его ветви образуют наиболее глубокие учения и мистерии (объединения Посвященных. — В.М., М.М.) на всех континентах, включая индийскую, египетскую, шумерскую, китайскую, древнеамериканскую, авестийскую, халдейскую и древнегреческую традиции. В XIX в. эзотерическую часть этой Доктрины приоткрыли «Письма Махатм» и «Тайная Доктрина» Блаватской. Но первым, — подчеркивает автор труда, — кто в обозримые историей времена сделал общетеософскую часть Учения Махатм достоянием просвещенных масс, — стал Платон. В этом качестве он выступил в полном смысле *мировым истолкователем и мировым Учителем*» [4, с. 100].

В наши дни исследователи анализируют корреляции между основными положениями теософии и наиболее передовыми направлениями и концепциями современной науки, а также изучают те влияния, которые оказали философские произведения Блаватской на развитие западной культуры (науки, литературы) XIX–XX вв. Так, А. Владимиров, Н. Ковалева [7], С. Крэнстон [10] и другие делают вполне аргументированный, подтвержденный многочисленными ссылками на научные источники, вывод, о том, что «Тайная Доктрина» во многом опередила выводы западной науки в представлениях о Космосе, человеке и жизни. Известность и авторитет Блаватской оказались столь значимы, что 1991 г. (столетие со дня ее ухода) был объявлен ООН Годом Блаватской.

Матюшин искал ответы на основные вопросы, которым посвящена «Тайная Доктрина» Блаватской: общие проблемы космического развития, соотношения Духа и Материи, телесного и психического, особенности появления человека на земле. Основательно интересоваться Учением Матюшин стал, как нам представляется, после того, как нашел в нем положения, имевшие непосредственное отно-

шение к его концепции: о расширении сознания и открытии высших центров, утончении всех чувств и развитии всех возможностей, заложенных в организме. И все это сфокусировано на крайне важном для Матюшина положении из Учения: «Восприятие тонких энергий сопровождается всегда утончением организма. При этом нужно помнить, что сознание помогает прежде всего, ибо тонкие энергии могут восприниматься лишь при утончении организма» (цит. по: [18, с. 419]). В результате открывается выход в другой мир, Тонкий Мир. Достичь другой, высшей действительности можно, считал Матюшин, при помощи максимального зренья, «расширенного зренья». Вполне определенно он высказывается по поводу необходимости утончения чувств и всего организма. Правда, делает это в образной форме: «Мы все незаметно для себя делаемся или бритвой, или топором. Эти состояния регулируются сознанием» [24, с. 217]. Тильберг достаточно осторожно упоминает о наличии у Матюшина понятия «расширенного сознания». Хотя в ряде мест книги вполне определенно раскрывает его содержание. «Тренировка или *культивация* органов тела и чувств, — пишет она, — должна была вывести человека на новый путь — к новому сознанию, которое можно было бы изменять и в конечном итоге полностью преобразовать таким образом, чтобы видеть действительность такой, какова она на самом деле: к новому *пространственному реализму* [там же]. Концепция нового пространственного реализма формировалась под влиянием идей Учения Блаватской. Интересно заметить, что Пролог к одной своей книге Тейяр де Шарден назвал «Видеть» (видеть все «больше и лучше»), в смысле возрастать в сознании и познании. Матюшину зачастую приходилось знакомиться с Учением из вторичных источников, а, возможно, иногда отсылки к ним служили своеобразной «маскировкой» первоисточников, с которыми он был знаком. С этим связано, как нам представляется, его упоминание о двух источниках термина «расширенное сознание» — книгах М. Лодыжинского «Свехсознание и пути к его достижению» и Л. Успенского «*Tertium organum*. Ключ к загадкам мира», изданных в 1911 г. Первым и основным источником этого термина и раскрытия его содержания является Учение Блаватской и Махатм. Об этом в завуалированной форме сообщают авторы двух источников термина. Лодыжинский пишет о двух способах достижения «сверхсознания»: во-первых, о теософских путях и в том числе об индуисткой Радже-Йоге и, во-вторых, об опыте русской православной традиции аскетизма — подвижничестве. Успенский популяризовал идеи, связанные с четвертым измерением, и сделал их общедоступными. Рассуждая об эволюционном восхождении к четвертому измерению, Успенский приводит краткий обзор позиций других философов и начинает с Платона. В конечном счете основные положения о четвертом измерении своим истоком имеют Учение Блаватской и Ма-

хатм. Некоторые положения почти дословно повторяют то, о чем говорится в Учении. Представляя свою систему, Л.Д. Успенский обращает внимание на то, что «самые важные идеи и принципы самой системы принадлежат не мне». И далее добавляет: «Я повстречал в России во время войны группу людей, которые изучали некую систему, своими корнями уходящую к восточным школам» [25, с. 6–7].

Внимание Матюшина не могли не привлечь утверждение Успенского о том, что человечество не использует и малой толики заключенных в нем сил, а также изложение основополагающих принципов существования мира и человека, основанные на тайных знаниях и способные помочь человечеству расширить границы психических и физических возможностей. Тильберг пишет: «Согласно Успенскому наличный мир четырехмерен: в нем существуют три пространственные измерения и одно временное. Последующие измерения, находящиеся за пределами ограничений времени — пространства, существуют, но доступны лишь «сверхчеловеку», натренировавшему свое зрение так, что оно может вступать в контакт с «космическим сознанием». Перейдя на высшую, четвертую стадию или выйдя в «четырехмерное пространство», человек становится частью живого и мыслящего организма, имя которому Земля. Таким образом, именно к этой пантеистической идее о Земле как живом мыслящем организме приводит книга Успенского (идея дословно повторяет одно из основных положений Учения. — В.М., М.М.) и именно это созвучно тезису Матюшина, изложенному в статье «Опыт художника нового измерения», сможет увидеть человек, овладевший «расширенным зрением» [24, с. 229].

Идеи панпсихизма (Бог как душа мира), отмечает Б.Г. Мещеряков, разрабатывал известный немецкий физик, философ и психолог Г.Т. Фехнер (1801–1887) [3, с. 695–696]. Заслуживает внимания тот факт, что Фехнер беседовал с Махатмой Кут Хуми во время его пребывания в Германии. Беседа затрагивала философские взгляды Фехнера, который считал мир высоко одушевленной средой, полагая, что даже растения и звезды обладают душой; Бог же, представляя собой душу Вселенной, имеет род существования, аналогичный человеческому. Фехнер утверждал, что естественные законы являются лишь формами развертывания Божественного совершенства. Эти идеи находятся в тесной связи с теми, отмечает Дж. Барборка, которые Махатма К.Х. высказал Фехнеру, о чем он написал в одном из своих писем: «Я сказал однажды Г.Т. Фехнеру, когда ему захотелось узнать взгляд индуса на то, что он написал: «Вы правы... Каждый алмаз, каждый кристалл, каждое растение и каждая звезда имеют свою индивидуальную душу; не только лишь человек и животное... и существует иерархия душ от низших материальных форм до Мировой Души» [2, с. 326]. Один из основателей британского Общества психических исследований (1882) психолог К.К. Мэсси очень скептически был настроен относи-

тельно существования Махатм, и когда услышал от А.П. Синнета, что Махатма К.Х. упомянул в одном из своих писем, что он был в Германии и разговаривал с Фехнером, то британский психолог написал немецкому невропатологу и психиатру К. Вернике, проживавшему в Веймаре, прося его получить у Фехнера информацию об этом эпизоде. Вернике вступил в переписку с Фехнером и 25 апреля 1883 г. получил от него ответ, две выдержки из которого приведем: «То, о чем осведомляется господин Мэсси, в основных чертах является соответствующим действительности. Имя упомянутого индуса, приехавшего в Лейпциг, было однако, не Кут Хуми, а Ниси Конта Чаттопадхьяя (это имя Махатмы К.Х. до инициации. — В.М., М.М.)... Я очень хорошо помню, как он посетил меня однажды...» [там же, с. 325]. Рассмотрим далее научные изыскания М. Матюшина в рамках разрабатываемой им «теории зрения». Художник многократно повторял, отмечает Тильберг, что для всего его творчества крайне важным является сам акт видения, непосредственно «глядение» и «смотрение». Матюшин, пишет Тильберг, стремился к овладению новым зрением, зрением более «высокого» уровня. В его попытке проникнуть в тайны перцептивных функций органов чувственного восприятия цвет служил инструментом передачи зрительной формы обычно невидимых элементов. «Цвет был для него не языковой игрой, но инструментом, способным открыть путь в другую реальность, и одновременно самой целью проникновения в нее» [24, с. 11]. Рассматривая значение зрения в модернизме, Тильберг пишет, что в этом отношении Матюшин был типичным модернистом. И далее дается сноска: «Анализ «постановки» восприятия, в первую очередь зрения и слуха, в книгах «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста, «Волшебная гора» Томаса Манна и «Улисс» Джеймса Джойса (все эти романы были написаны в 1920-х гг.) [там же, с. 166].

В связи с процитированным положением М. Тильберг о Матюшине интересно «сопоставить» его с идеями М. Мамардашвили, который изучал роман М. Пруста. Сопоставление важно, так как позволяет показать еще одно из прозрений Матюшина, подтверждаемое работами современных философов. Анализируя «Лекции о Прусте (психологическая топология пути)» М. Мамардашвили, А.В. Ахутин рассматривает «Философский элемент», который, согласно М. Мамардашвили, неотъемлем от сознательной жизни. В нем условие ее возможности, в этом «элементе» она коренится (вместе с корнями вещей) и этим «элементом» исполняется. «Мы находимся, добавляю я от себя, — пишет А.В. Ахутин, — в области *начала*» [1, с. 56]. «Мы находимся в точке, — писал Мамардашвили, — где должны говорить о некотором «протообразии» как начале воображения, некотором «прозрении» как начале акта зрения. Потому что необходимость художественного акта в составе мира (не внешнего к его устройству) мы берем на том уровне, когда можем сказать, что он есть

начало акта зрения» [12, с. 281]. Можно сказать, поясняет философ, что живопись есть самораскрытие зрения и зримости, искусство зрения, зрение как искусство, а самый элементарный акт зрения как бы протоживописен. Художественный и музыкальный опыт позволяли Матюшину выражать подобные идеи не в таких отточенных формулировках, но близких к ним. Один пример из работы Тильберг мы привели выше. Возможно и влияние на Матюшина перечисленных Тильберг романов. А выход Матюшина в область начал происходил под влиянием Учения Блаватской.

Для Матюшина значимы идеи о зрении, которые он назвал термином «Зорвед» — ЗОР — ВЕД (Зрение плюс Ведание). «Зорвед» по существу самого акта зрения (поле наблюдения 360 град.), писал Матюшин, знаменует собой физиологическую перемену прежнего способа наблюдения и влечет за собой совершенно иной способ отображения видимого. «Зорвед» впервые вводит наблюдение и опыт доселе закрытого «заднего плана». Новые данные обнаружили влияние пространства, света, цвета и формы на мозговые центры через затылок. Говоря о том, что сегодня нам известно о цветном зрении, Тильберг наряду с другими моментами отмечает, «что зона коры головного мозга, в которой фиксируется максимальное повышение активности процессов при зрительной стимуляции, — это затылочная зона. Эти данные совпадают с тем, что Матюшин утверждал еще несколько десятилетий назад в тексте «Справочника», хотя у него и не было технических возможностей доказать свои гипотезы с той точностью, что доступна исследователям сегодня» [24, с. 210]. У Матюшина не было технических возможностей, но имелись весомые основания для включения в «Справочник» рассматриваемого утверждения. В «Тайной Доктрине» Блаватской обосновывается тезис, что человеческий организм на определенной ступени развития мог «иметь три глаза при необходимости иметь Третий глаз посреди лба, подобно легендарным циклопам, что также подтверждается наукой. Существовали... человеческие существа в те отдаленные дни... при одной голове, но о трех глазах. Они могли видеть перед собой и позади себя... духовное зрение людей стало тускло вследствие их падения в Материю, и соответственно с этим Третий Глаз начал утрачивать свою мощь...» [23, с. 207–208]. Затем настало время пробудить Внутреннее Зрение и овладеть его искусственным стимулом, процесс этот был известен древним Мудрецам. С этого времени, поясняет А. Владимиров, *внутреннее зрение* могло приобретаться лишь путем упражнения и посвящения. «Третий глаз» *мертв* и более не действует, он оставил позади себя свидетеля своего существования. Этим свидетелем является сейчас шишковидная железа» [там же, с. 208].

Утверждается на основе данных науки, что многие животные — особенно среди низших видов позвоночных — имеют третий глаз, ныне атрофированный, но который, несомненно, действовал при своем

возникновении. Обращается внимание на то, что Декарт усматривал в шишковидной железе *местонахождение Души*, что она «находится в этой маленькой glande, которая, будучи привязанной к мозгу, тем не менее, обладает независимой от него деятельностью, ибо она легко может быть приведена в своего рода маятникообразное движение» [там же, с. 211]. В работах Макса Генделя и его последователей, поясняет А. Владимиров, говорится о вибрационном действии ножки шишковидной железы, создающей интра-звуковые волны. В этом качестве шишковидная железа уподобляется палочке для зажигания огня, которая воздействует на гипофиз. В «Тайной Доктрине» указывается на близость Декарта к Оккультной истине. «Ибо шишковидная железа, как это показано, гораздо теснее связана с Душою и Духом, нежели с физиологическими чувствами человека. Если этот непарный «третий» глаз атрофирован теперь в человеке, то это доказательство того, что он, как и в низшем животном, когда-то действовал, ибо природа никогда не создает ни малейшей, ни ничтожнейшей формы без какой-либо определенной цели и пользы» [там же, с. 212].

Матюшин отталкивается от индусской традиции йоги, пишет Тильберг, согласно которой процесс обучения протекает во всем организме одновременно. В эссе «Опыт художника новой меры» в качестве примеров средств поставленной им цели Матюшин приводит медитацию и йогу. Он был убежден, что путем наблюдения, медитации и йоги художник сможет достичь такого состояния, в котором ему откроется мир «без границ и делений». «Упражнения позволяют объединить все окружающее «переднее и заднее», «не запоминать, а учиться видеть затылком, теменем, висками и даже ... ног, так же как йоги у индусов учат дышать не одними легкими, а всеми частями тела» [там же, с. 218]. По мнению Матюшина, в конечном счете эти упражнения могут привести и к более глобальным результатам: «Глубинное сознание освобождает-раскрепощает взор; поле наблюдения становится свободным, широким и безразличным к манящим точкам цветности и формы. Через внутреннюю сосредоточенность мир видимый входит во всю раму нашего глаза до самого предела целый» [там же]. В работах С. Вивекананды, на которого ссылается Матюшин, отмечается, что люди, за редким исключением, не способны воспринимать явления иных миров, так как органы чувств обычного человека ориентированы на восприятие материи лишь физического плана с соответствующим ей вибрационным уровнем. Материя тонких планов бытия имеет более высокий уровень вибраций (т. е. колебания частиц материи в единицу времени, поясняет Н. Ковалева) и в силу этого не воспринимаются органами чувств обычного человека. «Поэтому иные миры (как, впрочем, и многие явления физического плана бытия — ультразвук, ультрафиолетовое излучение и т. п.) оказываются недоступными, невидимыми для большинства людей» [7, с. 90].

Для восприятия материи высших планов бытия индивид должен поднять вибрации своего организма до уровня вибраций этого плана. Такую задачу для себя ставил Матюшин. Подводя предварительные итоги анализа роли и места Учения Блаватской в творчестве Матюшина, приведем обобщающий вывод Тильберг. «Тезисы Матюшина обнаруживают явное сходство с основными теософскими идеями: и Матюшин, и теософы описывают Вселенную как состоящую из слоев разных «плоскостей» или «измерений», топологически расположенных друг над другом в рамках организованной снизу вверх иерархии. Чем выше поднимается человек по этой иерархической «лестнице», тем лучше будет его карма (конкретное земное воплощение)» [24, с. 222–223]. Иерархия — важнейший космический фактор эволюции как человеческого сознания, так и мироздания в целом в Учении Блаватской. «В Иерархии Небесной никто не назначается, но все достигается. Именно в Космосе существует непреложное подчинение «Низшего Высшему», в этом основа эволюции» [18, с. 188]. Тот факт, что Матюшин стал последователем эзотерической части указанной Доктрины — выдающееся его прозрение. Оно пронизало едва ли не все его творчество и позволило открывать новые подходы к решению многих проблем и прежде всего к изучению цвета и цветовой Вселенной. В исследовании цвета «сопричастуют», приводили мы слова Тильберг, наука, псевдонаука и «нечто среднее». Этим средним, как мы считаем, является Учение Блаватской. В таком прозрении Матюшин был единственным среди выдающихся представителей русского художественного авангарда. Такое прозрение — редчайший дар. И данное утверждение корреспондирует с тем, как Махатмы определяли ученика — «это редкий цвет поколения пишущих; чтобы стать им, необходимо следовать внутреннему импульсу своей души безотносительно к благоразумным суждениям мирской науки или практического ума» [2, с. 82]. Кстати сказать, целый ряд идей Матюшина невозможно понять с точки зрения указанных благоразумных суждений.

Возможно, только Малевич, работая и общаясь с Матюшиным, доверяя ему и прислушиваясь к его советам, находился под влиянием его прозрений. Мы говорим «возможно», так как в фундаментальном труде Хан-Магомедова о супрематизме об этом не упоминается. Может быть, эта линия исследований, которую пытается наметить Тильберг, лежит в стороне от научных интересов Хан-Магомедова. Однако такое исследование не принизит заслуг создателя супрематизма, заложившего один из первых камней в стиль XX в. Как не снижает величия Эйнштейна тот факт, что программное произведение теософии «Тайную Доктрину» Блаватской он изучал, она была его настольной книгой.

Важно подчеркнуть, что, став последователем Учения Блаватской, Матюшин во многих своих воззрениях стал нашим современником. Оценить это по достоинству можно, если принять во внимание, что

теософия и сейчас остается, как отмечает Н. Ковалева, одним из самых могущественных духовных течений Запада, а в России Блаватскую по-прежнему плохо знают — «несть пророка в своем Отечестве» [8]. Более того, издаются книги, дискредитирующие Блаватскую, представляя ее авантюристкой. Все еще сохраняется настороженное отношение к Учению Блаватской и ее Учителей-Махатм.

Матюшин — наш современник

Самое поразительное, что направленность и тематика духовных и художественных прозрений Матюшина имеет много общего с постановкой основополагающих проблем современной физики. Естественно, все это еще в большей степени относится к Блаватской и ее Учителям, которым было открыто будущее многих направлений современной науки. Сегодня физики обсуждают проблемы, которые являются пограничными между богословием, физикой и философией. На эти проблемы вышли ученые физического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, о чем содержательно и интересно рассказывали доктор физико-математических наук Ю.С. Владимиров и кандидат физико-математических наук В.Д. Захаров в беседе с А.Г. Гордоном под названием «Физика духа» [5]. «Мы занимаемся, — говорил Ю. Владимиров, — проблемами общей теории относительности, то есть проблемами пространства, времени, элементарными частицами, то есть самыми элементарными кирпичиками мироздания и закономерностями, которые управляют всем нашим миром. И естественно, что эти первоосновы сказываются на всех — и живых, и неживых объектах. Изучая эти проблемы, мы невольно вышли за пределы традиционной физики. Пришлось затронуть и философские вопросы, и вопросы религии. Нас стали интересовать, во-первых, догматы религиозные — то, что в них заложено и, во-вторых, философские достижения, полученные в течение многих веков. Обнаружилось много общего между тем, чем мы занимаемся, и тем, что заложено в упомянутых разделах культуры» [там же, с. 280].

Мысли Ю. Владимирова имеют много общего с идеями, которые развивал в первой половине XX в. Пьер Тейяр де Шарден, называвший себя «физиком в старом греческом смысле слова», т. е. тем первоначальным синкретическим универсальным натурфилософом. В свою очередь, подобное положение С. Семенова находит у русского мыслителя Н. Федорова, высоко ценившего такой тип натурфилософа. Для него «философы природы» от Фалеса до Парменида и Анаксагора были «астрономами» в широком смысле этого слова, которые не отделяли Землю от Неба и искали разрешение вопроса «об опоре, о причине мира». «И сам Федоров, и Тейяр де Шарден соединили в себе это древнее мироощущение единства Вселенной, искавшее *опору от падения* миров (от эн-

тропии, используя современное понятие), с новым синтезом христианства и науки, открывающим реальные перспективы одухотворения и спасения мира» [22, с. 203].

Продолжая свое сообщение, Ю. Владимиров говорит о трех началах физики — это пространство-время, частицы и поля. В философско-религиозной сфере три начала — материальное, идеальное (или рациональное) и духовное. Имеются тесные аналогии между этими началами. Материальное начало соответствует частицам; идеальное начало философии соответствует категории физического пространства — времени, потому что пространство — время — это идеальная категория. Это некая рациональная конструкция, которая используется в физике и математике, а духовное начало соответствует полям, переносчикам взаимодействий. Согласно названным аналогиям, религиозное миропонимание, объединяющее духовное и материальное начала, должно быть уподоблено физическому видению мира, потому что любая религия не строится на одном лишь духовном начале. Всегда, если есть Бог, то Бог — Творец материального мира. И если бы не было материального мира и человека, который в нем живет, то рассуждения о Творце теряли бы всякую силу. Невозможно удержаться, чтобы не привести тезис одного из Махатм: «Представление, что Материя и Дух совершенно отличны друг от друга и оба вечны, конечно, никак не могло прийти мне в голову, как бы мало я не знал о них, ибо одна из элементарных и фундаментальных доктрин Оккультизма гласит, что оба они суть одно, отличаясь лишь в относительных проявлениях, и причем только в ограниченных восприятиях чувственного мира. Итак, будучи далеко не «лишними философской широты», доктрины наши указывают лишь на единый принцип в природе — духо-материю или материю-дух...» [17, с. 56]. В другом месте: «Ведь Дух есть энергия, но мы знаем, что никакая энергия не может проявиться вне материи» [там же, с. 312].

Уместно привести авторитетное мнение Тейяра де Шардена. «Начав с векового спора между материалистами и спиритуалистами, отмечает известный философ и филолог С. Семенова, (одни гипертрофируют лишь *внешнюю*, другие — психически-духовную, *внутреннюю* сторону природы вещей), о. Тейяр приходит к синтезирующему решению: объединить оба эти взгляда «в рамках своего рода феноменологии или расширенной физики, в которой внутренняя сторона вещей будет принята во внимание в той же мере, как и внешняя сторона мира» [22, с. 330]. И внешнее, и внутреннее вещей, утверждает французский ученый и мыслитель, развиваются вместе, более сложное и улучшенное *психическое* обладает и более сложной, изощренной материализующей организацией, но нераздельны, являясь «*взаимосвязанными сторонами или частями одного и того же явления*». Материальное и духовное нераздельно сплетены в самой основе мира, в самой ткани универсума. Тейяр де Шарден выражал это видение так:

«В мире нет ни духа, ни материи: ткань универсума — это «*дух-материя*». Только такая субстанция могла произвести человеческую молекулу» (цит. по: [22, с. 331]).

Продолжая аналогию с физикой, Ю. Владимиров указывает, что идеализм следует сопоставить с геометрическим видением мира, поскольку в последнем используется обобщенная категория, объединяющая пространство-время и поля. Общая теория относительности, соответствующая геометрическому видению мира, в этой классификации представляет собой идеализм. Материалисты были правы, добавляет В. Захаров, когда клеймили Эйнштейна идеалистом, потому что для них идеализм был бранным понятием. На базе общей теории относительности, продолжает Ю. Владимиров, строится современная космология — представление о Вселенной в целом. Если хотите, замечает он, то это заслуга идеализма в физике. «Матюшин высказывал новаторскую идею, — подчеркивает Тильберг, — о возможности постижения эйнштейновского пространства-времени при помощи нового способа смотрения. Матюшин понимал, «что современные ученые... Минковский, Эйнштейн, Планк смело бросают мысли, сбивающие спокойную уверенность человека в совершенстве его познания и воспринимающих пространство органов и центров». Этот текст Матюшин создавал в то же время, когда «работал над «Справочником» — в 1920-е годы» [24, с. 244–245].

Матюшин в свое время по-своему пытался преодолеть те трудности, с которыми сегодня столкнулась физика. «Мы хотим понять мир, — говорит Ю. Владимиров, — на основе тех понятий, которыми оперируем. Природа же говорит на другом языке. На каком языке говорит природа, мы должны понять, исходя из того, что мы сейчас знаем. А это заложено на основу первоначала, к разгадке которого стремится современная физика... А для того, чтобы описать первоначало, нужно, вообще-то говоря, перейти к другим понятиям, к другому языку, к другим закономерностям.» [5, с. 298–299]. К другим понятиям, к другому языку, к другим закономерностям Матюшин приходил через Учение Блаватской.

Не имея возможности излагать содержание всей беседы и соотносить ее с прозрениями Матюшина, остановимся только на ее заключительной части. Математика как наука, напоминает Ю. Владимиров, возникла в религиозной секте Пифагора только благодаря тому, что сама наука «математика», математическое понятие числа и все, что с ними связано, было поднято до уровня религии. Известно, что Пифагор создал секту для того, чтобы преодолеть вечный круговорот жизни и смертей, и указывал тот путь, который позволит человеку подняться вверх, приблизиться к небесам. Пифагор рассматривал математику, добавим от себя, как священную и точнейшую из всех наук. Так возникла, продолжает Ю. Владимиров, наука. Потом произошло разделение, и человек нагородил множество границ: гуманитарные науки, естественные науки, религия, философия и т. д. «На

самом деле все едино, — заключает беседу Владимиров, — и я не хотел бы тоже ставить так вопрос, что физика займет место религии. Нет, она не займет место религии, а, скорее всего, они сольются, образуя единое знание, аналогично тому, как это было на заре истории человечества» [там же, с. 303].

Матюшин в самые трудные времена в нашей стране примкнул к этому знанию Учения Блаватской, или, как часто его называли, «континенту мысли». Последний, предупреждали Махатмы, может быть увиден теми, кто пожелает поднять занавес, которым сомнение, подозрение и скептицизм скрывают этот прекрасный континент, надежно спрятав его. Матюшину удалось приподнять этот занавес. Богатая индивидуальность, заметила как-то Е. Рерих, будет всегда обладать синтетическим умом.

Относительно способа, каким должна изучаться оккультная доктрина, Махатмы дают следующий совет: «В нашей доктрине необходимо использовать синтетический метод: вы должны охватить целое — то есть слить воедино макрокосм и микрокосм, — прежде чем у вас появится возможность изучать части по отдельности или анализировать их с пользой для себя. Космология — это физиология одухотворенной Вселенной, поскольку существует лишь один общий закон» [2, с. 378]. Такой синтетический метод, к постижению которого устремлен был Матюшин, определял многие его открытия и прозрения в изучении Доктрины. «Если рассматривать мудрость как синоним умственной завершенности, — писал в 1928 г. Мэнли П. Холл, — становится ясно, что такое состояние может существовать только в Целом, потому что все, что меньше Целого, не может обладать полнотой Всего. Ни одна часть сущего не является полной. Отсюда любая часть является несовершенной. Там, где присутствует неполнота, с ней сосуществует невежество, потому что любая часть, способная к познанию Самой Себя, не может осознать Себя в других частях» [28, с. 857]. Такой метод Матюшин использовал и при исследовании проблемы, ставшей смыслом его жизни. Отсюда и появилось изучение не только цвета, а цвета и цветной Вселенной. Символично, что А. Владимиров заканчивает свой диалог с А. Гордоном идеями Пифагора, который, по мнению отдельных историков, превосходил Платона по глубине философских построений и о котором мы меньше знаем. Пифагорейская философия оказала влияние на Платона. Пифагор строго соблюдал обет нерушимого молчания, который налагали объединения посвященных Греции, Египта, Персии и Индии на своих членов. Поэтому его неисчислимы сокровища абстрактного знания менее известны, чем философия Платона. «Учение Пифагора говорит о том, что он был превосходно знаком с содержанием восточных и западных эзотерических школ... Пифагорейская доктрина математической философии до сих пор считается одной из систем мысли, которые позволяют разрешить тайну бытия» [там же, с. 240—241]. К ней необхо-

димо добавить пифагорейскую астрономию, пифагорейскую теорию музыки и цвета и многое другое. Данную проблематику мы, к сожалению, вынуждены фрагментарно затрагивать, чтобы показать, что древнегреческая традиция, в которую корнями уходит Учение Махатм и Блаватской, имеет такого выдающегося представителя, как Пифагор, а не только Платона. Одновременно с этим мы видим, что сегодня ученые, и прежде всего физики, открывают новые пласты знания для себя в этой традиции. И, естественно, все это мы делаем для того, чтобы лишний раз подчеркнуть поразительную прозорливость Матюшина, сумевшего в условиях СССР 20—30-х гг. XX в. обратиться к Учению Блаватской. Руководствуясь содержанием книги Тильберг, мы не противопоставляем ей наше понимание проблемы Матюшин-Учение Блаватской. Мы в отдельных местах развиваем ее идеи, иногда поясняем их, собираем вместе и в определенной логике соответствующие положения, разбросанные по разным частям книги. Самое же главное, мы стремились подчеркнуть важнейшее значение для понимания творчества Матюшина — его проникновение в суть Учения Блаватской. Само собой напрашивается вопрос: Обсуждались ли на семинаре физического факультета МГУ «Фундаментальная физика и духовная культура» научные открытия, которые предугадала Блаватская в «Тайной Доктрине»? Они были сделаны примерно через столетие после издания этой книги. Лучи рентгена, лучистая материя Крукса, открытие электрона Дж. Томсоном, теория о том, что материя (вещество) эквивалентна энергии (формула Эйнштейна $E = mc^2$), а пространство и время взаимно обусловлены друг другом. Во времена Блаватской считалось, что атом неделим. А в «Тайной Доктрине» говорилось, что атом делим и должен состоять из частиц или субатомов. Сущность электричества и природа души, лучистое состояние материи и цикличность развития Вселенной, — какие только проблемы не были подняты в «Тайной Доктрине» [16]. Вопрос мы задаем не только потому, что содержание беседы А. Гордона имеет прямое отношение ко всем названным предвосхищениям. Нам важно лишний раз подчеркнуть, к какому Учению примкнул Матюшин.

Матюшин и Малевич

М. Тильберг, как она пишет, сочла необходимым «пересмотреть позиции Матюшина по отношению к Малевичу» [24, с. 32], а также «во многом... уточнить и традиционное представление о Малевиче» [там же, с. 33]. Сопоставление Матюшина и Малевича — задача архисложная. Она предполагает фундаментальное знание их творческого наследия и ту меру объективности, которая дается лишь годами исследовательских усилий. Если Тильберг стала знатоком Матюшина, то вряд ли то же самое можно утверж-

дать относительно Малевича. И это не укор Тильберг, а желание подчеркнуть, что Малевич нуждается в таком же фундаментальном исследовании, как и Матюшин. И осуществить его одновременно одному ученому в одном исследовании вряд ли возможно. Трудности обусловлены и тем, что изучение творческой практики и концепции супрематизма продолжается. Поэтому необходима предельная осторожность в выводах и заключениях.

Матюшин, как он предстает в монографии Тильберг, — художник, композитор и теоретик цвета, понимание которого требует нетривиальных методов и принципов исследования. Тильберг интуитивно нащупывает, как нам представляется, один из наиболее перспективных подходов к исследованию творчества Матюшина. Тот подход, о котором не раз говорил Мамардашвили в своих лекциях: «чтобы понять, что подразумевает автор, необходимо воссоздать его мышление как живую возможность собственного мышления» [13, с. 283]. Уже даже по одному этому аспекту исследования Матюшин и Малевич неравноценно представлены в монографии Тильберг. В этом окончательно убеждаемся после изучения фундаментального труда выдающегося исследователя русского художественного авангарда С.О. Хан-Магомедова «Супрематизм и архитектура (проблемы формообразования)», изданного в 2007 г. В это время завершалась работа над переводом на русский язык труда Тильберг, и она не могла воспользоваться результатами исследования С.О. Хан-Магомедова.

В центре его монографии — фигура Малевича. Логика исследования Хан-Магомедова с необходимостью вовлекает в его канву различные стороны творческого общения Малевича и Матюшина. У авторов этой статьи возник естественный интерес к сравнению, как представлены эти взаимоотношения у Тильберг и Хан-Магомедова. Дополнительный побудительный мотив — один из авторов Размышлений является и одним из создателей института дизайнера в СССР и до сегодняшнего дня занимается историей дизайнера и русского художественного авангарда, стремясь глубже понять эти явления. Тема «Матюшин и Малевич» — одна из важнейших в исследовании Тильберг, и для нас она стала такой же.

Матюшин стоит в одном ряду с выдающимися представителями русского художественного авангарда. «Однако для выявления стилевых параметров супрематизма, — отмечает Хан-Магомедов, — важнее анализ не по вертикали, а по горизонтали, т. е. сравнение с теми течениями, которые вырвались в беспредметность со своей концепцией формообразования: Кандинский, Ларионов, Татлин, Матюшин, Филонов. Именно у этих творцов авангарда, пионеров беспредметного искусства, были свои концепции формы и свои отношения с предметно-пространственной средой, в которую они не все вышли, оставшись в рамках живописи» [27, с. 112].

Анализ процессов стилизации XX в., отмечает Хан-Магомедов, со всей очевидностью свидетельствует, что стилизирующее воздействие —

это особая составляющая таланта. Это редкий дар, для подлинного расцвета которого требуются определенные условия. «Проблемная ситуация предельно была тогда (первая треть XX в. — *В.М., М.М.*) спрос на таланты не только стилизирующего, но и, так сказать, интегрирующего типа» [там же, с. 10]. Малевич в высшей степени концентрировал в себе свойства стилизирующего таланта, согласно Хан-Магомедову, а одним из наиболее ярких художников интегрирующего типа того периода был Л. Лисицкий. Само различие художников по типу таланта в научном труде неожиданно. Считается, что «талант» — понятие не столько научное, сколько житейское, поскольку не существует ни теории, ни методов его диагностики. И поэтому тем ценнее, что такое эвристическое положение, позволяющее находить новое оригинальное решение проблемы, — вводится историком.

Различение по особенностям таланта позволило «схватить» в едином ключе многие стороны творчества Малевича, а также Матюшина. Особенности таланта Матюшина следует рассматривать, как нам представляется, по аналогии различения Хан-Магомедовым таланта Малевича и известного представителя русского художественного авангарда Лисицкого: «если у Малевича был ярко выраженный стилизирующий талант, ориентированный на формирование стилистического единства на базе конкретного творческого течения (супрематизма), то у Лисицкого был интегрирующий талант, ориентированный на формирование нового стиля 20-го века с включением в него формальных наработок ряда течений художественного авангарда» [там же, с. 29].

Исследование Тильберг убедительно свидетельствует, что у Матюшина был интегрирующий талант, во многом сходный с талантом Лисицкого. Для Матюшина, как и для Лисицкого, были важнее не границы различных новейших течений, а то, что их объединяет. Такая направленность определила и взаимоотношения Матюшина с представителями различных авангардных течений. И здесь не слабой, а сильной стороной его творчества явилось (отмеченное Хан-Магомедовым и у Лисицкого) то обстоятельство, что у Матюшина не было стремления четко ограничить собственную концепцию в каких-либо жестких рамках. Находя некоторые линии пересечения различных течений русского художественного авангарда с разрабатываемой им теорией цвета, Матюшин формировал свое собственное оригинальное видение проблемы. Матюшин — художник, теоретик цвета и мыслитель, которого невозможно поместить в рамки какой-либо концепции.

Уникальный талант Матюшина, как и Лисицкого, позволил ему чувствовать себя раскованно во взаимоотношениях со сторонниками различных авангардных течений.

Кроме указанных особенностей таланта Матюшина был многогранен: художник, музыкант, композитор, скульптор, исследователь цвета и искусства, теоретик музыки, фотограф, издатель. Все названные

виды деятельности прямо или косвенно сфокусированы на исследовании цвета и цветной Вселенной. Работы Матюшина выполнялись в пограничных областях, т. е. на границах различных видов искусства и научных дисциплин. Все это создает серьезные сложности, подчеркнем еще раз, для изучения его творчества. Может быть поэтому так долго не было монографии о Матюшине.

Продолжая тему таланта Матюшина, небезинтересно обратить внимание на еще одну деталь. Матюшин родился в 1861 г. и был незаконнорожденным сыном крепостной крестьянки и дворянина Н.А. Сабурова и поэтому получил фамилию матери. Такое происхождение сыграло, как нам представляется, не последнюю роль в формировании задатков будущей одаренности ребенка. Данное предположение подтверждается определенной возрастной последовательностью проявления одаренности, которая отмечается в психологии. Раньше всего у Матюшина проявилась одаренность к музыке, затем к рисованию и вообще к искусству. Позже всего возникла одаренность к наукам. В семь лет Матюшина отдали в школу, но слабое здоровье помешало окончить даже четыре класса. С раннего детства он играл на гитаре, на аккордеоне и на скрипке и, соответственно, обучался в музыкальной школе. Занятие музыкой стало его первой профессией. В 1874–1880 гг. он учился в Московской консерватории. Тогда же поступил и в Строгановское училище, но учебе воспрепятствовали финансовые трудности. В 1882 году в Петербурге он устроился скрипачом в Санкт-Петербургский придворный оркестр и проработал там до 1913 г., одновременно преподавая в консерватории.

С 1894 по 1898 год Матюшин посещал рисовальную школу Общества поощрения художеств, где познакомился со своей будущей (второй) женой Е.Г. Гуро (1877–1913), сыгравшей ключевую роль в его развитии как художника, художественного организатора и теоретика цвета. В 1903–1905 годы Матюшин и Гуро занимались в школе-студии Яна Ционглинского, поощрявшего интерес своих учеников к сверхчувственным аспектам зрительного восприятия.

Интегрирующий талант Матюшина проявился и в организационной деятельности, и общении с художниками, учеными, писателями, мыслителями. Матюшин находился в эпицентре событий, людей и мест, связанных с русским художественным авангардом, зарождением и становлением супрематизма. Жизнь и работа с Е. Гуро способствовали наиболее полному раскрытию его таланта. Их дом в Петрограде в 1906 г. стал местом частых встреч художников и поэтов. В дружеский круг входили, согласно Тильбергу, такие разные люди, как А. Ремизов, Ф. Сологуб, В. Каменский, Давид и Владимир Бурлюки, В. Хлебников.

В 1910 году они организуют группу «Союз молодежи» для устройства выставок, лекций, дискуссий, а также печатных обсуждений событий искусства. «Союз молодежи» объединял представителей раз-

ных направлений художественного творчества. Персонально туда входили, согласно Тильбергу, Н. Гончарова, М. Ларионов, В. Марков, О. Розанова, П. Филонов, А. Крученых, В. Маяковский, В. Хлебников, Н. Кульбин и К. Малевич. Такой дружеский круг и тесная связь с выдающимися художниками, поэтами и писателями разных направлений и течений свидетельствуют о незаурядных способностях Гуро и Матюшина, которые С.О. Хан-Магомедов определяет как интегрирующий талант. Они обладали огромной духовной и творческой притягательностью, что и позволило им стать, как отмечает Тильберг, движущей силой образовавшегося вокруг них кружка петербургских художников и интеллектуалов. В начале 1910-х гг., отмечает Хан-Магомедов, вокруг Хлебникова, с именем которого связан поэтический футуризм, собираются поэты-футуристы и художники этого же толка: братья Бурлюки, М. Матюшин, Е. Гуро. Через Матюшина и Гуро Малевич сблизился с поэтами-футуристами. «Смелость поэтов футуристов в обращении со словом помогла Малевичу преодолеть психологический барьер в свободном обращении с художественными средствами живописи и оторваться от пуповины кубизма (от французов)» [27, с. 45].

А. Крученых, радикально экспериментируя со словом, был в чем-то ближе Малевичу, чем Хлебников, так как он пришел в поэзию от живописи. Хан-Магомедов приводит слова А. Лейтеса, который встречался с Хлебниковым: «теоретическое обоснование «зауми», с которым выступал Хлебников, мне казалось путанным и неверным в дни моей юности... Тем не менее всякий раз, когда я задумываюсь над психологической стороной хлебниковского пристрастия к так называемой «зауми», я неизменно вспоминаю пушкинские слова: «есть два ряда бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая — от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения» [там же, с. 45–46].

Матюшин находился также в эпицентре людей и событий, связанных с созданием и деятельностью Вольфила — «Вольная Философская Ассоциация» (1919–1924). В это духовно-философское сообщество удалось привлечь многих талантливых и одаренных людей, живших как в Петрограде, так и за его пределами. Число ее членов равнялось 350, а на заседания собиралось до 1000 посетителей. Вольфила привлекала Матюшина, как нам представляется, не только составом ее членов, но и ее целями и задачами. В «Объяснительной записке к проекту положения о Вольной Философской Академии», в частности писалось: «Впервые из идеи Единого Человечества делаются практические выводы. Мечта о соборном строительстве единого здания мировой культуры может, наконец, осуществиться в действительности». Этому делу хочет посвятить себя Вольная Философская Академия. Она связывает со словом Академия память о первых источниках европейской культуры, когда науки, искусство и об-

ственность еще были связаны цельностью и законченностью античного мирозерцания» [26, с. 253]. Совет Вольфила, который возглавил А. Белый, состоял из действительных членов и членов-учредителей: «А. Белый, А.А. Блок, Б.А. Кушнер, Р.В. Иванов (Иванов-Разумник), Е.Г. Лунберг, В.Э. Мейерхольд, Н.Н. Пунин, К.С. Петров-Водкин, К.А. Сюннерберг, А.З. Штейнберг, Л.Л. Шестов и выборных действительных членов: А.В. Васильев, А.Л. Волынский, П.П. Гайдебуров, Вл. Вас. Гиппиус, А.С. Лурье, М.В. Матюшин, А.А. Мейер, Павлов, Э.Д. Радлов» [там же, с. 258]. Мы процитировали полный список Совета Ассоциации, чтобы показать, с какими известными людьми он взаимодействовал и общался. Многие из них были репрессированы и сегодня мало кому известны. Отнесение Матюшина к группе русского авангарда, для которой характерен был талант интегрирующего типа, не снимает, а задает принципиально иной ракурс проблеме изучения творческого общения и взаимодействия Матюшина с Малевичем. Когда формировались основные положения супрематизма, Малевич в 1915 г. писал Матюшину: «Мне нужен человек, с которым бы я мог откровенно говорить и который бы совместно со мной помог мне изложить теорию на основании живописных возникновений. Думаю, что таким человеком можете быть только Вы» (цит. по: [24, с. 45]). При таком доверии и совместной работе проблема взаимодействия двух выдающихся представителей русского авангарда становится одной из центральных для освоения творчества Матюшина. Важно выяснить, в чем его духовная и художественная близость с Малевичем и что их различает. Для такого понимания требуется немало усилий, если иметь в виду, что задача состоит в поиске внутреннего опыта и того, и другого представителя русского авангарда, опыта, зафиксированного в живописных произведениях, проектах, цветовых таблицах, словах, который исследователь должен, если в данном случае воспользоваться плодотворной идеей М. Мамардашвили, воссоздать как свой собственный внутренний опыт посредством исполнения эстетического акта, активизирующего структуру смысла. Малевич доверял Матюшину в том числе и потому, что он не претендовал на лидерство в художественном авангарде. Малевич нашел человека, который и по личностным, и профессиональным качествам был крайне ему необходим. Не случайно в одном из писем Матюшину Малевич писал: «Думаю собрать людей честных к искусству». Строго говоря, Малевич был малообразован и писал в своих анкетных данных: «Образовательный ценз — пятиклассное агрономическое училище. Самообразование по вопросам искусства» [11, т. 2, с. 430]. «Все, кто исследовал тексты Малевича, — отмечает Хан-Магомедов, — удивлялись отсутствию ссылок и цитат и уже сами пытались сопоставлять его тексты с чем-то, превращая его в эрудита. Что-то Малевич узнавал, общаясь с Матюшиным и Гершензоном, но сам почти ничего не читал»

[27, с. 335]. При подготовке выставки «0,10» Малевич очень боялся потери приоритета. И получилось так, пишет Хан-Магомедов, что некоторые соратники Малевича «украли» новую стилистику Малевича. Другие же соратники украсть не украли, но поставили условием своего участия в выставке «0,10» запрет Малевичу называть его беспредметные композиции супрематизмом. В критический и предельно напряженный момент своего творчества Малевич в сентябре 1915 г. пишет несколько писем Матюшину. Вот содержание одного из них: «Выставка выяснилась окончательно и будет открыта с 1-го декабря в Петрограде. Нужно бы было приготовить брошюру о Супрематизме, дело так обстоит, что нужно обязательно. И я хотел бы обработать ее с Вами, отпечатать и продавать на выставке. В Москве начинают со мной соглашаться, что нужно выступить под новым флагом. Но только интересно, дадут ли они новую форму. Мне думается, что Супрематизм наиболее подходящее, так как означает господство. Хотел бы я, чтобы брошюра вышла в эту выставку с Вашим взглядом-предисловием» [11, т. 1, с. 68]. Далее Малевич пишет Матюшину: «Я бы хотел и считаю необходимым к выставке издать листок, который и будет продаваться. И очень буду рад с Вами листок обработать. Тем более, что в Москве уже многие знают о моих работах, но только не знают о Супрематизме ничего. Ах, как жалко, что говорить нельзя с Вами, а нужно писать» [там же, с. 69]. Листовка с Манифестом Малевича, как и брошюра, были выпущены к выставке.

Малевич доверял Матюшину, прислушивался к его мнению, принимал предложения. И речь шла не просто о редакторской правке текстов Малевича, имея в виду, что он сам понимал, как отмечает Хан-Магомедов, что свои «ученые» тексты он пишет косяноязычным языком. С Матюшиным Малевич обсуждал концепцию раннего супрематизма, включая и сам термин. «Можно предположить, что до появления термина «супрематизм» Малевич хотел свое новое стилевое течение как-то привязать к общепринятому термину «реализм». Матюшин, который субсидировал издание первой брошюры Малевича, советовал ему оставить на обложке одно название — «новый живописный реализм», убрав «супрематизм» [там же, с. 129]. Предлагаемый Матюшиным термин — центральный в его художественной концепции и не имел ничего общего с «реализмом» в его обычном понимании. Матюшин не согласился с Малевичем. В статье «О выставке последних футуристов» Матюшин в 1916 г. писал: «Приветствуя всякие искания нового радостно, хотя бы и не до конца найденное, признаем таким «Новый Живописный Реализм» К. Малевича, почему-то названный академично «Супрематизм» [11, т. 2, с. 123]. Термин «супрематизм» не нравился Матюшину. Брошюру и Манифест-листовку Малевич и Матюшин писали вместе, обсуждая, споря, не соглашаясь и находя приемлемые варианты. Матюшин внес определенный вклад в этап развития су-

прематизма, о котором пишет Хан-Магомедов: «...первая брошюра Малевича («от кубизма к супрематизму»), написанная в июне 1915 года, помогла Малевичу закрепить за собой термин «супрематизм» и вместе с экспозицией его работ на выставке «0,10» составляет органичный сплав живописи и деклараций, который дал начало формированию стилиобразующей концепции супрематизма. Дело было сделано, и супрематизм визуально вошел в структуру авангарда» [27, с. 329].

Сравнивая Матюшина и Малевича в разных аспектах их творчества, Тильберг не усматривает, как нам представляется, самого главного и принципиального, на что одним из первых обратил внимание М. Ларионов. Он вычленяет супрематизм из эволюционного процесса развития новейших течений живописи. Ларионов не считает супрематизм и частью беспредметного искусства. «Супрематизм, — подчеркивает Хан-Магомедов, — как показывает формальный анализ, действительно не вырастает из кубизма, футуризма и кубо-футуризма. Это — самостоятельная художественная система. Это художественное открытие. Кроме того, это загадочное явление. Супрематизм загадочен тем, что появляется почти без визуальной живописной подготовки, как вполне сложившееся стиливое течение, резко отделившееся от предшественников (кубизма, футуризма, кубо-футуризма)» [там же, с. 35]. Такое впечатление, добавляет историк, что почти весь живописный супрематизм был уже в голове Малевича к осени 1915 г. В свете сказанного вряд ли корректно писать о Матюшине как о человеке, «который изначально был наставником Малевича» [24, с. 381]. Возможно, имеется в виду, что Малевич по срокам весьма стремительно пробежал путь от импрессионизма к супрематизму. И в этом ему существенно помог Матюшин. «Малевич по времени отставал от своих сверстников в освоении новейших течений живописи. Но он шел с ускорением, не создавая эти течения, а осваивая их. Он был не внутри этих течений, а, как бы догоняя, видел их сзади. Кубизм и футуризм он осваивал как уже сложившиеся системы» [27, с. 79].

Еще до Матюшина Малевич в 1907 г. познакомился с Н. Гончаровой и М. Ларионовым, которые оказали и на него сильное воздействие, необходимое в движении его живописи к беспредметности. «Может сложиться впечатление, что Малевича не было бы без Ларионова и Гончаровой. Однако ученик очень быстро освободился из-под «опеки» обоих художников, чтобы сказать, в свою очередь, новое, беспрецедентное изобразительное слово» [там же, с. 41].

В 1912 году произошла встреча Матюшина и Малевича, положившая начало их многолетней дружбе. Малевич приглашал Матюшина работать в художественных и исследовательских организациях, которые он создавал. В 1913 году Матюшин, А. Крученых и Малевич проводят «Первый всероссийский съезд футуристов» и в принятом на нем Манифесте призывают решительно преобразовать русский язык и театр. С этой целью объявляется об издании ряда

книг, в том числе В. Хлебникова, А. Крученых, Е. Гуро «Трое» (рис. К. Малевича), а также о предстоящих театральные постановках.

В 1916 году в письме Матюшину Малевич пытался, пишет Хан-Магомедов, разобраться в роли футуризма в формообразующих и стилиобразующих процессах. «Футуризм сильно ощутил, — пишет Малевич, — потребность новой формы и прибег к новой красоте «скорости» и машине — к единственному средству, которое смогло бы его унести над землей и освободить от колец горизонта» [11, т. 1, с. 90].

После съезда футуристов началась работа над оперой «Победа над Солнцем». Пролог к опере написал Хлебников, текст либретто — Крученых, музыку — Матюшин, оформление спектакля — Малевич. «Театр, алогизм и кубо-футуризм, — пишет Хан-Магомедов, — сыграли решающую роль в выходе Малевича в супрематизм в 1915 г. Все эти три явления формально тесно связаны между собой во времени и пространстве. Они даже переплетались, образуя запутанный клубок неких средств, форм и приемов будущего супрематизма. Но разобраться в этих переплетениях смог только сам Малевич» [27, с. 51]. В содружестве поэта (пролог к опере написан В. Хлебниковым), художника Малевича и музыканта Матюшина каждый занимался своим делом, работая над оперой «Победа над Солнцем». Для нас существенно отметить, что Матюшин непосредственно принимал участие в важном этапе творчества Малевича. «Можно согласиться с Киблицким, — пишет Хан-Магомедов, — что оформление оперы для Малевича было выходом (исходом) из кубизма и даже футуризма. Но сразу возникает вопрос: «выходом» куда был этот исход? Если в супрематизм, то почему в живописи Малевича в 1914 г. не было никакого супрематизма? Значит, это был выход, видимо, туда, чем в 1914 г. занимался Малевич — в кубо-футуризм и алогизм» [там же, с. 57].

Влияние Матюшина на Малевича неоспоримо. И это — тема специального исследования. Остановимся еще только на одном моменте. Анализируя различные варианты эволюции супрематизма, Малевич рассматривал его выход в космическое пространство. «Здесь тоже была своя эволюция — сначала Малевич отправлял в космическое пространство плоскостные беспредметные супремы (сохранились эскизы), затем Малевич описывал в своих текстах некие аппараты, летающие между планетами (вроде спутников) или парящие над землей. Завершилось все это проектами супрематических жилищ, твердо стоящих на земле (планиты для землянитов)» [там же, с. 379]. В данном варианте эволюции возможно усмотреть влияние Матюшина. Они мыслили космическими и глобальными категориями. Не исключено, что они шли друг к другу навстречу. «Земля и Луна — между ними может быть построен новый спутник, — писал Малевич, — супрематический, оборудованный всеми «элементами, который будет двигаться по орбите, образуя свой новый путь» [11, т. 1, с. 85—86].

До середины 1920-х гг. нарастала утопическая вера Малевича, отмечает Д. Сарабьянов, в возможность мирового переустройства. «В представлении художника супрематизм, являясь формой объективного познания окружающего мира, как бы на правах науки способен постичь существо мира, освоить Вселенную, раскрыв перед человечеством новые возможности организации общества, устройства человеческой жизни» [19, с. 145]. Такая уверенность художника в середине 1920-х гг. не может не вызывать предположения о влиянии на Малевича идей Учения Блаватской и ее Учителей, которые постигал Матюшин. И он не мог не делиться узанным с Малевичем. Должно насторожить утверждение Н. Харджиева, который, полемизируя с исследователями, писал о Малевиче: «Я с удивлением узнал о том... что он был почитателем философии Н. Федорова (которой Малевич никогда не интересовался), что в 1918 году в эволюции художника наступил период «мистического супрематизма» (такого периода не было ни до, ни после) и т. д.» [там же, с. 190].

Не ясно, как установлено, что Малевич никогда не интересовался философией Федорова, имея в виду, что при его жизни и при жизни создателя супрематизма работы родоначальника философии всеобщего дела не издавались, но его идеи устно распространялись по Москве. Многие могли заинтересовать Малевича в Федорове. Приведем только две выдержки из его работ, созвучные мысли Малевича: «Природа в нас начинает не только сознать себя, но управлять собой» и «Порожденный крошечною Землею, зритель безмерного пространства, зритель миров этого пространства должен сделаться их обитателем и правителем» (цит. по: [22, с. 377]). Может быть, все объясняется проще, и утверждение Харджиева — это стремление отвести от Малевича, находившегося под подозрением и дважды арестованного советской властью, дополнительные поводы для обвинения. Во всяком случае необходимо специальное исследование для прояснения данной проблемы.

Может быть, все-таки воспринял Малевич от Матюшина идеи восточной философии, общую характеристику которой дает и Хан-Магомедов, отмечая, что в восточных цивилизациях до нашего времени сохранилось характерное для древности взаимопроникновение науки (философии), религии и искусства. Во всяком случае надежду на правоту нашего предположения мы находим в следующем утверждении историка: «Малевич — самый загадочный гений 20-го века. Прикасаясь к его творчеству, сразу окунаешься в путину проблем и недоумений. Их очень много» [27, с. 17].

Многие авангардисты прошли через символизм, который в России имел два направления — «реалистическое» и «идеалистическое». «Имея в виду эти две тенденции в символизме, — пишет Д. Сарабьянов, — быть может, есть смысл проследить их в русском авангарде (органическая тенденция Ларионова, Гуро, Матюшина, Кандинского и глобально-конст-

руктивная Малевича, Татлина, конструктивистов)» [20, с. 9]. «Первая тенденция, — продолжает мысль Сарабьянова Хан-Магомедов, — при переходе в беспредметность оказалась в стилевом тушике, вторая ориентировалась на выход в предметно-пространственную среду, в архитектуру» [27, с. 43].

Для Матюшина, как и многих других представителей художественного авангарда, чужда была сама мысль о взрывных процессах в его развитии, о «революции беспредметности», перевернувшей все представления об эволюции и важнейшим результатом которой было рождение супрематизма. Именно здесь Малевич и Матюшин оказались разделенными между собой «границей». В отличие от многих других художников авангарда Матюшин, подчеркивает Тильберг, не призывал к разрыву с традицией. Он, скорее, считал, что все художественные течения в искусстве связаны между собой наподобие эволюционного процесса в биологии или зоологии. И все это мы констатируем не для того, чтобы умалить роль и место Матюшина в русском художественном авангарде — или вознести на пьедестал Малевича. Каждый из них занимает свое достойное место в авангарде. Важно подчеркнуть, что некорректна сама попытка установить «табель о рангах» в русском художественном авангарде. Остается добавить, что Матюшин, творчески сопровождая супрематизм с 1915 г., несомненно, находился под сильным влиянием и воздействием Малевича. Определить, кто, когда, в чем и как повлиял, имея дело с такими выдающимися художниками, как Малевич и Матюшин, задача не реальная. Любое постижение чужого внутреннего мира носит интуитивный характер, поскольку всегда предполагает глубинную общность понимающего и понимаемого. Априори можно говорить только о взаимовлиянии, намечая его узловые точки. Приведем две из них. Перед Малевичем и Матюшиным предстала, говоря словами поэта, некая безымянная глубина, которую едва ли можно выразить в традиционных философских и религиозных терминах. Станные, небывалые, почти абсурдные образы (метафоры) делали это точнее в их творчестве. И вторая узловая точка: «Художнику предстоит открыть (изобрести или отыскать в первой архаике) новый, *правильный* язык; язык, который неопосредованно и безусловно выражает существо вещей (ср.: Супрематизм К. Малевича)» [21, с. 378]. Но все это уже темы дальнейших исследований Тильберга.

Отметим только, что творческая практика и разработка Малевичем концепции Супрематизма были Матюшину прежде всего ролью и местом в его развитии «искусства цвета». Или, как сам Малевич называл, цветописью. Представляет интерес, — пишет Хан-Магомедов, — как понимал этот этап супрематизма убежденный сторонник Малевича И. Клюн: «Но если умерло искусство живописи, искусство передачи природы, то Цвет, Краска, как основной элемент этого искусства, не умерли, а освободились» [21, с. 378].

дившись от многовековой кабалы природы, стали жить своей собственной жизнью, свободно развиваться и выявлять себя в Новом Искусстве Цвета, и наши цветковые композиции подчинены уже только законам цвета, но не законам природы» (цит. по: [27, с. 130]). Такой вектор на Новое Искусство Цвета, на законы цвета не мог не увлечь Матюшина. О Розанова, которую Малевич считал «истинной супрематисткой», писала: «Изобразительное искусство рождено любовью к вещи. Беспредметное искусство рождено любовью к цвету» [там же, с. 134]. Вектором супрематических поисков Розановой был цвет. В супрематизме не цвет, отмечает Хан-Магомедов, а форма сыграли решающую роль в его выходе в архитектуру.

Единственная засвидетельствованная стычка между Малевичем и Матюшиным, о которой пишет Тильберг, связана с участием в 1927 г. Малевича в «Большой Берлинской художественной выставке», где он стремился представить и свою, и матюшинскую исследовательские программы. «Малевич должен представлять (наше совместное) исследование, — сделал запись в своем дневнике Матюшин, — а теперь он вернулся совершенно помешанный от западной культуры и от приема, который ему оказали на Западе как директору Института Художественной Культуры... Но, повторяю, все, что он сделал, он сделал только ради себя и ничего — для нас...» [24, с. 370].

Матюшин не прав и не справедлив по отношению к Малевичу. И здесь нет его вины. Беда заключалась в том, что, творчески сопровождая развитие супрематизма, Матюшин не мог даже представить, что Малевич уже в 1927 г. вышел на уровень генерирования стилиобразующих идей мирового класса. Прием Малевичу оказал не как директору института, а как создателю супрематизма. На Западе это стало известно прежде всего из содержательных и глубоких статей Л. Лисицкого, которые он публиковал в Германии и Польше, начиная с 1922 г., а также его личных встреч с художниками, дизайнерами и учеными Германии. Одно из существенных отличий Матюшина от Малевича заключается в ответе на вопрос, формулируемый Хан-Магомедовым: «Почему равные (или близкие) по уровню таланты и создавшие оригинальные беспредметные творческие концепции (Кандинский, Ларионов и Малевич) резко отличаются по степени внедрения в стилиобразующие процессы в сфере пространственных искусств в целом? Кандинский и Ларионов так и остались в профессиональных границах живописи, заняв нишу в пределах беспредметного кубизма» [27, с. 29]. Матюшин пытался выйти за указанные границы, но в ос-

новном характеристику, данную историком Кандинскому и Ларионову в этом отношении, можно перенести и на Матюшина. Кстати сказать, Кандинский и Ларионов одно время претендовали на роль лидеров русского художественного авангарда, а затем борьба за лидерство развернулась между Малевичем и Татлиным.

Заключение

Книга Тильберг читается на одном дыхании. Что ни новый поворот в исследовании, так дух захватывает. Можно только позавидовать Тильбергу, что ей посчастливилось найти такого потрясающего заочного собеседника, как Матюшин, который побуждает ее открывать все новые грани своего художественного и исследовательского творчества. Матюшин, как он предстает в книге Тильберг, — один из самых загадочных талантов русского художественного авангарда, и она иногда находилась на грани отчаяния, вследствие невозможности понять некоторые ходы его мысли. Тем не менее это Тильберг не остановило, и она искала новые, оригинальные подходы, чтобы проникнуть в тайники мысли Матюшина. Она чутко и бережно воспринимала все его интуиции, идеи, прозрения и устремления. Тильберг стремится раскрыть созревание мысли Матюшина. Побудительным мотивом в данном случае оказалось сильное чувство — Тильберг за время своего исследования полюбила своего героя и стала более требовательна к себе. Той любовью, которая охватывает нас, говоря словами Пьера Тейяра де Шардена, «на вершине всякой сильной эмоции» перед лицом универсума, природы, красоты, музыки, высокой поэзии, религии. В свою очередь, Матюшин, наконец, дождался такого исследователя, который стремится, чтобы его талант и деяния открылись России и всему миру. В результате творческое наследие Матюшина предстало многоцветием граней. И наконец, он занимает подобающее ему место в истории теорий цвета. Открылись ранее неизвестные стороны творчества Матюшина, выдающегося представителя русского художественного авангарда.

Книга Тильберг — это явление в русской культуре. Она убедительное подтверждение мысли Е. Ковтуна: «Если бы русский авангард не постигла разрушительная трагедия 1930-х гг., совсем другой была бы картина современного советского искусства. Не будь трагедии, иным было бы и мировое искусство, испытавшее в 1920-е гг. сильнейшее воздействие русского авангарда» [9, с. 1]. Страна сделала бы реальные шаги на пути к цветной Вселенной.

Литература

1. Ахутин А.В. В стране Мамардашвили // Мераб Константинович Мамардашвили. М., 2009.
2. Барборка Дж.А. Махатмы и их учение / Пер с англ. М., 2005.
3. Большой психологический словарь. 4-е изд. / Состав. и общая ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.; СПб., 2009.
4. Владимиров А. Ковчег эволюции. Погибшая планета. М., 2008.
5. Гордон А. Диалоги 4. М., 2006.
6. К истории русского авангарда / Под ред. Н. Харджиева. Стокгольм, 1976.
7. Ковалева Н. Феномен сознания в Агни-Йоге. М., 2007.
8. Ковалева Н.Е. Блаватская: личность и судьба // Нэф М. Личные мемуары Е.П. Блаватской. М., 2009.
9. Ковтун Е.Ф. Авангард, остановленный на бегу. Л., 1989.
10. Крэнстон С.Е. Е.П. Блаватская. Жизнь и деятельность основательницы современного теософского движения. Рига, 1996.
11. Малевич о себе. Современники о Малевиче: В 5 т. М., 2004.
12. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М., 1995.
13. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М., 2001.
14. Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики. М., 2008.
15. Матюшин М. Закономерность изменчивости цветовых сочетаний. Справочник смешения цветов. М.-Л., 1932.
16. Нэф М. Личные мемуары Е.П. Блаватской / Пер с англ. М., 2009.
17. Письма Елены Рерих, 1929—1939: В 2 т. Минск, 2009.
19. Сарабьянов Д., Шацких А. Казимир Малевич. Живопись. Теория. М., 1993.
20. Сарабьянов Д.В. Символизм в авангарде // Символизм в авангарде. М., 2003.
21. Седакова О.А. Музыка: стихи и проза. М., 2006.
22. Семенова С.Г. Паломник в будущее. Пьер Тейяр де Шарден. СПб., 2009.
23. Тайная Доктрина Е.П. Блаватской. Происхождение человека / Пер с англ. / Коммент. А. Владимирова. М., 2007.
24. Тильберг М. Цветная Вселенная: Михаил Матюшин об искусстве и зрении. М., 2008.
25. Успенский Л.Д. Четвертый путь / Пер с англ. М., 2008.
26. Федоров В.С. Из истории Петроградской Вольфилы. 1919—1924 гг. // Философия в Санкт-Петербурге (1703—2003): Справочно-энциклопедическое издание. СПб., 2003.
27. Хан-Магомедов С.О. Супрематизм и архитектура (Проблемы формообразования). М., 2007.
28. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии / Пер с англ. М.; СПб., 2007.
29. Baxandall M. Painting and Experience in 15th Century Italy. Oxford Univ. Press, 1972.

Color Universe: Michael Matyushin about an art and vision

V.M. Munipov

PhD in Psychology, professor at the Chair of Cultural-Historical Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education

M.V. Munipov

Department of Biophysics, Lomonosov Moscow State University (graduated in 1981)

References

1. *Ahutin A.V.* V strane Mamardashvili // Merab Konstantinovich Mamardashvili. M., 2009.
2. *Barborka Dzh.A.* Mahatmy i ih uchenie / Per s angl. M., 2005.
3. Bol'shoj psihologicheskij slovar'. 4-e izd. / Sostav. i obshhaja red. B.G. Meshherjakov, V.P. Zinchenko. M.; SPb., 2009.
4. *Vladimirov A.* Kovcheg jevoljucii. Pogibshaja planeta. M., 2008.
5. *Gordon A.* Dialogi 4. M., 2006.
6. K istorii russkogo avangarda / Pod red. N. Hardzhieva. Stokgol'm, 1976.
7. *Kovaleva N.* Fenomen soznaniya v Agni-Joge. M., 2007.
8. *Kovaleva N.E.* Blavatskaja: lichnost' i sud'ba // Njef M. Lichnye memuary E.P. Blavatskoj. M., 2009.
9. *Koxtun E.F.* Avangard, ostanovlennyy na begu. L., 1989.
10. *Krjens-ton S.E.* E.P. Blavatskaja. Zhizn' i dejatel'nost' osnovatel'nicy sovremennogo teosofskogo dvizheniya. Riga, 1996.
11. Malevich o sebe. Sovremenniki o Maleviche: V 5 t. M., 2004.
12. *Mamardashvili M.K.* Lekcii o Pruste (psihologicheskaja topologija puti). M., 1995.
13. *Mamardashvili M.K.* Estetika myshleniya. M., 2001.
14. *Mamardashvili M.K.* Opyt fizicheskoy metafiziki. M., 2008.
15. *Matjushin M.* Zakonomernost' izmenjaemosti cvetovyh sochetanij. Spravochnik smeshenija cvetov. M.-L., 1932.
16. *Nef M.* Lichnye memuary E.P. Blavatskoj / Per s angl. M., 2009.
17. Pis'ma Eleny Rerih, 1929—1939: V 2 t. Minsk, 2009.
19. *Sarab'janov D., Shackih A.* Kazimir Malevich. Zhivopis'. Teorija. M., 1993.
20. *Sarab'janov D.V.* Simvolizm v avangarde // Simvolizm v avangarde. M., 2003.
21. *Sedakova O.A.* Muzyka: stihy i proza. M., 2006.
22. *Semenova S.G.* Palomnik v budushhee. P'er Tejjar de Sharden. SPb., 2009.
23. Tajnaja Doktrina E.P. Blavatskoj. Proishozhdenie che-loveka / Per s angl. / Komment. A. Vladimirova. M., 2007.
24. *Til'berg M.* Cvetnaja Vselennaja: Mihail Matjushin ob iskusstve i zrenii. M., 2008.
25. *Uspenskij L.D.* Chetvertyj put' / Per s angl. M., 2008.
26. *Fedorov V.S.* Iz istorii Petrogradskoj Vol'fily. 1919—1924 gg. // Filosofija v Sankt-Peterburge (1703—2003): Spravochno-jenciklopedicheskoe izdanie. SPb., 2003.
27. *Han-Magomedov S.O.* Suprematizm i arhitektura (Problemy formoobrazovanija). M., 2007.
28. *Holl M.P.* Enciklopedicheskoe izlozhenie masonskoj, germeticheskoi, kabbalisticheskoi i rozenkrejcerovskoj simvolicheskoi filosofii / Per s angl. M.; SPb., 2007.
29. *Baxandall M.* Painting and Experience in 15th Century Italy. Oxford Univ. Press, 1972.

Психология действия. Вклад Харьковской психологической школы

В.П. Зинченко

доктор психологических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», почетный член Американской академии искусств и наук, доктор Honoris Causa Тартусского университета, почетный доктор Харьковского государственного университета

Статья написана на основе доклада, сделанного на Международной конференции, посвященной 80-летию Харьковской психологической школы (Харьков, октябрь 2012 г.), организованной Харьковским национальным педагогическим университетом им. Г.С. Сковороды. Вниманию читателя предлагаются как личные впечатления и воспоминания автора о событиях и людях, так и почерпнутые из рассказов представителей старших поколений психологов, причастных к этим событиям. Автор — не историк науки — не ставил своей целью исчерпывающее, источниковедческое описание истории Харьковской психологической школы. Я благодарю Антона Ясницкого, профессионально занимающегося историей психологии, за сделанные замечания и уточнения.

Ключевые слова: научная школа, научное сообщество, научное направление, Г.И. Челпанов, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, В.И. Аснин, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко.

От автора

На своем опыте знаю, что детство и юность накладывают неизгладимую печать на всю дальнейшую жизнь. Я покинул Харьков в 17 лет, в 1948 г. Минус четыре года эвакуации во время войны. Итого моей жизни в Харькове всего-то 13 лет. И, тем не менее, Харьков не только моя родина, но и самый дорогой и любимый город. Здесь прошли счастливые годы жизни с родителями, сестрой, бабушкой, появилось мое первое я (когда образовались другие, теперь уже не припомнить), завязались первые дружеские отношения, вспыхнула первая любовь. Здесь возникла тяга к моей будущей профессии — психологии, которая была в то время узкой специальностью и ей не учили в моем родном городе. Пришлось ехать в Московский университет, о чем, положа руку на сердце, я все же не жалею. Москва приняла меня достаточно гостеприимно, в ней ведь тоже люди живут. Разумеется, к 13 годам надо добавить мои достаточно частые приезды в Харьков «на побывку» к родителям. Пограничников и таможенников тогда не было, и билеты стоили как сегодня билет в метро.

Особое отношение у меня к харьковским университетам. Педагогический университет им. Г.С. Сковороды — когда-то Институт социалистического воспитания, закончили мои родители, там они и встретились. Потом он стал Педагогическим институтом, где работала мама, Вера Давыдовна, где она получила ученое звание доцента и где до и после войны преподавала педагогику. Последние годы жизни в Харькове она преподавала психологию в консерватории. Петр Иванович Зинченко долгие годы работал в Институте иностранных языков, при слиянии его с университетом им. В.Н. Каразина Петр Иванович создал кафедру психологии. Филологический факультет этого же университета окончила моя сестра Татьяна Петровна, ставшая, в конце концов, тоже психологом — профессором факультета психологии Ленинградского университета. Не скрою, мне очень приятно, что оба университета не только хранят память о Харьковской психологической школе, но и продолжают ее дело.

Вслед за Б. Пастернаком, хочу сказать: Я не дарю своих воспоминаний участникам Харьковской психологической школы и моим учителям, я сам получил их от них в подарок.

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток...
А.С. Пушкин

Насущное отходит в даль, а давность,
Приблизившись, приобретает явность.
В. Гёте

Все в мире переплетено! А нередко, как добавил поэт, моею собственной рукой. Ни отдельный ученый, ни научная школа не возникают на пустом месте. Вся европейская наука имеет свои корни в древних Афинах. Об этих корнях заботятся историки науки. Экспериментальная (научная) психология в императорской России, как и во многих других странах, имеет свои корни в Германии.

Свои интересные переплетения и пересечения имеет российско-украинская психология. Предложу свою пробную версию анализа подобных пересечений и влияний, которые чаще всего бывают взаимными. Произвольно возьму фигуру И.М. Сеченова, которого справедливо считают отцом русской физиологии. Будем считать его дедушкой российской психологии. Он работал в ряде университетов Германии, в Санкт-Петербургском университете. Оставил свой след и на Украине, будучи заведующим кафедрой физиологии в Новороссийском университете в Одессе (1871—1876 гг.), потом в Москве. В Одессе традиции И.М. Сеченова продолжил Н.Н. Ланге (стажировавшийся в Лейпцигской школе у В. Вундта, в университетах Берлина, Парижа), оказавший большое влияние на многих психологов России и Украины. Прямым учеником Н.Н. Ланге был Д.Г. Элькин (1895—1986), многие десятилетия заведовавший кафедрой психологии Одесского университета и имевший тесные контакты с психологами Москвы, Киева, Харькова.

Покинем на некоторое время Одессу и вместе с Г.И. Челпановым, окончившим Новороссийский университет, переместимся в Киев. Не исключено, что Г.И. Челпанов тоже пересекался с Н.Н. Ланге. В Киеве он получил звание профессора психологии и философии, а в 1907 г. переехал в Москву. В 1910—1911 гг. он знакомился с работой психологических лабораторий и институтов Германии и США. В 1912 году произошло самое важное событие в истории российской психологии: Г.И. Челпанов открыл Психологический институт, построенный на средства купца С.И. Шукина. Конечно, в России и до создания Института психология развивалась в ряде университетов. В 1908 году В.М. Бехтерев открыл огромный по тем временам Психоневрологический институт. Однако очень скоро, примерно с 1910 г., психология превратилась в психорефлексологию, а в 1917 — в «чистую» рефлексологию. Как показало время, рефлексология для психологии оказалась бесплодной. Более того, рефлексологи, как и многие «психологи» от физиологии до и после них, позволяли себе в адрес психологии акты недружелюбия, а то и агрессии. В.М. Бехтерев, в отличие от И.П. Павлова,

от души поздравившего Г.И. Челпанова, негативно отнесся к созданию Психологического института. Он выразил пожелание, чтобы наука искусственно не загонялась в «привилегированные палаты университетов» и сразу служила практике. В 1929 году последователь В.М. Бехтерева молодой рефлексолог Б.Г. Ананьев даже сравнивал психологию с алхимией и отказывал ей в праве на существование. (Когда Б.Г. Ананьев повзрослел, он утверждал, что психология — это центральная наука, но, согласно его застарелому антипсихологическому комплексу, все же укладывал ее в рамки человекознания.)

По сравнению с рефлексологией реактология К.Н. Корнилова в челпановском институте возникла значительно позже и была лишь эпизодом в его развитии. Причина в том, что Г.И. Челпанов шел к психологии естественным путем: не от мозга, а от головы и сердца, от философских воззрений о мире, душе и сознании. Его ученики Г.Г. Шпет и В.В. Зеньковский, еще находясь в Киеве, писали специальные трактаты в защиту понимаемой как наука о душе психологии от физиологического редукционизма и психофизиологического параллелизма. Кто знает, может быть, психологи зря обижаются на физиологов: вдруг их собственные психика, мышление и сознание — действительно функции мозга? А серое вещество мозговой коры — орган их души. Может быть, они, в самом деле, мыслят на уровне рефлексов, все равно каких — безусловных, условных или сочетательных? Тогда нужно не обижаться на них, не спорить с ними, а сочувствовать им, не удивляться новым ассоциациям и сочетаниям, переходам от коллективной рефлексологии вначале к когнитивному, а затем и к социальному мозгу. Будем ждать новых результатов: чем последний отличается от социального или антисоциального мозга... А там, глядишь, доживем и до френологии. Нет на них И.П. Павлова, который штрафовал бы их за неквалифицированное и вольное употребление осколков психологического языка. Нейрофизиологам не лишне напомнить, что, согласно Амброзу Бирсу, мозг — это орган, с помощью которого люди думают, что они думают.

Психологический институт стал колыбелью и для научной школы Л.С. Выготского, породившей Харьковскую психологическую школу. Большую помощь в создании Института Г.И. Челпанову оказал приглашенный из Киева его ученик Г.Г. Шпет. Последний дополнял свое киевское образование, работая в библиотеках Берлина, Эдинбурга, Лондона, общаясь с главой Вюрцбургской психологической школы О. Кюльпе. Он слушал лекции Э. Гуссерля,

работал в его семинарах и тесно сотрудничал с ним. В 1920-е годы в Москве происходят интересные пересечения и не слишком вдохновляющие события. По рассказам современников, в 1923 г. ученик Челпанова К.Н. Корнилов пишет в ЦК ВКП(б) донос на своего учителя, обвиняет его в идеализме, в том, что он до сих пор считает психологию наукой о душе, а сам становится директором института. Уже при К.Н. Корнилове в 1923 г. приходит в Институт А.Р. Лурия и застаёт в нём студента А.Н. Леонтьева, считавшего себя учеником Челпанова, и начавшего под руководством А.Р. Лурии изучать аффективные реакции. С тех пор до конца жизни они были неразлучны. В 1925 году по рекомендации А.Р. Лурии и по приглашению К.Н. Корнилова приходит в Институт Л.С. Выготский, который в 1913–1917 гг., помимо юридического факультета МГУ, учился на историко-филологическом факультете народного университета А.С. Шанявского. Там он слушал лекции Г.Г. Шпета и два года работал в его семинаре (в чем он, правда, сам никогда не признавался). Теперь, когда уже изданы почти 10 томов трудов Г.Г. Шпета, мы знаем, что ему принадлежат, как минимум, пролегомены к культурно-исторической теории сознания. Только в своих поздних воспоминаниях А.Н. Леонтьев единственный раз упомянул имя Г.Г. Шпета, назвав его самым знаменитым профессором Психологического института. Л.С. Выготский и, позднее, А.Н. Леонтьев, вслед за К.Н. Корниловым, продолжили критику Г.И. Челпанова, притом в выражениях, порой, далеких от парламентских. Лейтмотивом критики был идеализм Г.И. Челпанова. Побольше бы нам таких идеалистов!

На педологическом факультете 2-го МГУ в конце 1920-х гг. лекции киевлян П.П. Блонского, Г.Г. Шпета слушали и будущие участники Харьковской школы В.И. Аснин, Л.И. Божович и киевлянин А.В. Запорожец (туда же поступал и учитель с Нижней Волги П.И. Зинченко, но не был принят и встретился с ними уже в Харькове). Но своим основным учителем Л.И. Божович и А.В. Запорожец считали Л.С. Выготского.

Не стану обсуждать причины, по которым москвичам, в том числе новоиспеченным, в начале 1930-х гг. стало неуютно в Москве и их прельстила столица голодающей Украины — Харьков. Так или иначе, но Л.С. Выготский, М.С. Лебединский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев были приглашены в Харьков, потом к ним присоединились Л.И. Божович и А.В. Запорожец. Все, кроме Л.С. Выготского, оказались в Харькове, в Психоневрологической академии, а затем они «оккупировали» и другие учреждения, где распространяли «психологическую заразу». Конечно, и до их приезда в старом университетском городе Харькове (университет основан в 1804 г.) были свои психологические традиции. Достаточно вспомнить А.А. Потебню, которого психологи, филологи, да и философы считают своим коллегой, педолога А.С. Залужного, психолога труда Ф.Р. Дунаевского и других.

Экспликацией этих традиций мы обязаны Е.Ф. Ивановой и А. Ясницкому.

Чтобы понять, почему в Харьков не поехал Л.С. Выготский, уже утверждённый осенью 1931 г. в должности заведующего кафедрой генетической психологии Государственного института подготовки кадров Наркомздрава Украины, вернемся в Одессу. В 1920 году Н.Н. Ланге пригласил получившего философское образование в Германии С.Л. Рубинштейна на кафедру психологии Одесского университета. Единственным полезным для психологии следствием преступной Октябрьской революции 1917 г. было то, что философы С.Л. Рубинштейн и П.П. Блонский (как и Г.Г. Шпет, учившийся в Киевском университете у Г.И. Челпанова и учивший в Народном университете Л.С. Выготского) разумно переориентировались с философии на психологию. После смерти Н.Н. Ланге в 1921 г. на один год С.Л. Рубинштейн становится заведующим кафедрой психологии. Тогда же он пишет свою знаменитую статью «Принцип творческой самодеятельности», которую справедливо считают началом развития деятельностного подхода в психологии. Подозреваю, что его уволили в 1922 г. по тем же причинам, по которым из этого университета в свое время был уволен И.И. Мечников. С.Л. Рубинштейн, в отличие от него, оказался не в Париже, а в Ленинграде, где в 1930 г. возглавил кафедру психологии ЛГПИ им. Герцена. Именно он пригласил Л.С. Выготского занять место М.Я. Басова, погибшего в 1931 г. Л.С. Выготский принял это приглашение и с осени 1931 г. стал систематически ездить в Ленинград. Позднее С.Л. Рубинштейн пригласил и А.Н. Леонтьева. Л.С. Выготский продолжал сотрудничать со своими бывшими коллегами и учениками, бывал в Харькове наездами. В Ленинграде он встретил своего нового ученика, ставшего выготчанином до мозга костей, — Д.Б. Элькони́на. Именно он на конференции, организованной в 1938 г. Харьковским педагогическим институтом, дал старым и новым харьковчанам имя «Харьковская психологическая школа». А ведь Л.С. Выготского тогда уже не было, а А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия жили в Москве. Руководителем кафедры вместо А.Н. Леонтьева стал А.В. Запорожец.

Вернемся в 1932 г. Вновь прибывшие встретили в Харькове психологов П.Я. Гальперина, А.И. Розенблюма, В.И. Аснина, Ф.В. Бассина, П.И. Зинченко, Г.Д. Лукова, О.М. Концевую и других.

Оставлю пока в стороне содержательную сторону замечательно плодотворного десятилетия, за которое было сделано неправдоподобно многое. Этому не помешал даже сравнительно ранний отъезд из Харькова А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурии (между 1934 и 1936 гг.). Трудно сказать, какое развитие получила бы школа, если бы не Большой террор и не Большая война, развязанная братьями по крови или кровавыми братьями — Сталиным и Гитлером.

В эпоху террора школа лишилась А.И. Розенблюма. Из войны она вышла без потерь, хотя П.И. Зинченко и Г.Д. Луков воевали. Но мирные потери были.

К покинувшим Харьков москвичам присоединились и другие. В 1942 году С.Л. Рубинштейн создает кафедру психологии в МГУ и приглашает на нее уже начинавших то ли ревновать, то ли соперничать с ним единомышленников по деятельностному подходу — А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурию, П.Я. Гальперина и А.В. Запорожца. Все они составили костяк будущих отделений, а затем и факультета психологии МГУ (тогда же С.Л. Рубинштейн сделал попытку демобилизовать оказавшегося на короткое время в Москве лейтенанта П.И. Зинченко, но не успел; его снова отправили на фронт). Г.Д. Луков, прошедший войну от солдата до полковника, осел в Ленинграде, занялся военной психологией. Л.И. Котлярова переехала во Львов. Т.И. Титаренко надолго оставила психологию, она перешла на партийную работу, потом в Москве закончила аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС и вскоре ушла из жизни. Но школа вовсе не была обескровлена. Начинается послевоенный этап ее развития. Устанавливаются тесные связи с Киевом. Директор Киевского института психологии Г.С. Костюк организует в Харькове психологическую лабораторию — филиал своего института. Харьковчане активно публикуют свои работы в «Научных записках» Киевского института психологии. Не прерываются и связи с Москвой. До 1948 года я наблюдал приезды в Харьков П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева. Потом к ним присоединились В.В. Давыдов и Ваш покорный слуга, приехавший не только «на побывку» домой, но и по служебным инженерно-психологическим делам. Москва прислала сюда В.В. Репкина и Г.В. Репкину, были и другие выпускники МГУ. Выращивались и воспитывались свои кадры. Но это уже другая сказка. Ее должны рассказывать другие.

Два слова о себе. Наше поколение было счастливым. Мы учились у С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова, К.М. Гуревича, Б.В. Зейгарник, замечательного антрополога Я.Я. Рогинского, а также у бывших «харьковчан»: П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии. Я чувствовал расположение Л.И. Божович, переехавшего в Москву Ф.В. Бассина, не утратившего контакта с психологами. Он на страницах журнала «Вопросы психологии» дискутировал с А.Н. Леонтьевым о предмете психологии, защищал А.Р. Лурию от нападок физиологов, упрекавших создателя нейропсихологии в идеализме. Впрочем, спасибо им. Защищаясь, Александр Романович написал антиредукционистскую статью, которая посмертно была опубликована в «Вопросах философии» в № 9 за 1977 г. Ф.В. Бассин, организовавший совместно с А.С. Прангишвили и А.Е. Шеррозия в 1979 г. в Тбилиси по тем временам совершенно неправдоподобный по тематике и масштабам симпозиум по проблеме бессознательного, пригласил участвовать в нем многих психологов. Не забыл и меня. Он принял мой доклад «Установка и деятельность: нужна ли парадигма?», в котором я развивал идеи А.В. Запорожца о наличии у человека иерархии установок. За 10 лет до симпозиума

Ф.В. Бассин издал книгу «Проблема бессознательного», в которой под сурдинку идеологизированной критики З. Фрейда были изложены прочно забытые в стране понятия, методы, техника психоанализа.

У меня сложилось впечатление, что и родившийся в Полтаве Д.Б. Эльконин ощущал себя полноправным харьковчанином. В его общении с Л.И. Божович, П.Я. Гальпериним, А.В. Запорожцем, П.И. Зинченко всегда звучала какая-то трогательная нотка. Д.Б. Эльконин и меня одарил своим расположением, а когда я повзрослел, то и дружбой. Во время приездов в студенческие годы в Харьков меня неизменно экзаменовал В.И. Аснин. И экзаменовал много строже, чем мои непосредственные учителя, и ворчал по поводу их либерализма. Он был и прав, и неправ. Многие уроки прочно вошли в меня.

Мне кажется, что изложенная мною, разумеется, неполная, в чем-то гипотетическая и проблематичная версия свидетельствует о нормальном пути становления и развития научной школы. Лучшим доказательством того, что Школа состоялась, был приезд С. Л. Рубинштейна в Харьков на упомянутую выше конференцию 1938 г. Хотя он и не согласился с утверждением Д.Б. Эльконина, что Школа есть, во втором издании «Основ общей психологии» С.Л. Рубинштейн сослался на исследования харьковчан, выполненные в довоенные годы. Конечно, с Лейпцигской школой В. Вундта никто конкурировать не может, но с Вюрцбургской, Марбургской или Берлинской Харьковская вполне могла соперничать.

II

В первой части я очертил внешнюю канву становления Харьковской психологической школы. Здесь попытаюсь кратко выделить и охарактеризовать ее достижения, остановившись преимущественно на первом неполном десятилетии ее существования. Начну с вопроса, на который у меня нет ответа. Как сказало отсутствие Л.С. Выготского в Харькове? Достаточны ли были его краткие визиты для того, чтобы оказать влияние на развитие исследований? Скорее всего, недостаточно. Для А.Р. Лурии Л.С. Выготский всегда был учителем и абсолютным авторитетом. С А.Н. Леонтьевым ситуация была сложнее. В автобиографии, написанной им в середине 60-х годов, еще до «Бума Выготского», не только между строк, но и в строках видно, что он первые годы работал с Выготским, но потом почувствовал свою силу, чтобы уйти в самостоятельное плавание. В этом, конечно, ничего худого нет, это естественно. Л.С. Выготский слишком сильно давил на него, угоняя заниматься сознанием. Значит, видел в нем недюжинный потенциал. А А.Н. Леонтьев, то ли чувствуя свою неготовность, то ли несвоевременность и опасность навязываемой ему проблемы, искал свой путь в психологии. Думаю, что в Харькове конфликт был бы неизбежен, а это едва ли благоприятно сказалося на становлении научной школы. Конфликт был

тем более вероятен, так как Л.С. Выготский был методологическим ригористом, он был твердо убежден, что выход психологии из кризиса, создание единой (!) психологии возможно лишь при условии «диалектического единства методологии и практики»: «Практика и философия становятся во главу угла». (В 60-е гг. подобным же ригористом был Г.П. Щедровицкий.) Мне кажется, что харьковчане, включая прибывших гостей из Москвы, были к этому не готовы. Я уже не говорю о спорности подобных категорических заявлений. Конечно, доктор и фельдшер помогают больному выйти из кризиса, но желания и усилия больного играют не меньшую роль. Обратной стороной переоценки роли методологии является неверие в силы самой науки.

Искать свой путь — одно, а найти его — совершенно другое. Я сомневаюсь, что А.Н. Леонтьев приехал в Харьков с готовой деятельностной парадигмой развития психологии и программой исследований. Харьковская школа началась не с философии и методологии, а с экспериментальных исследований, правда, не чуждых практике. Притом они начались не с изучения сознания, даже не с деятельности, а со свободного поиска, с изучения действий, психических процессов и актов. Все остальное, включая сознание и даже бессознательное, пришло потом. Разумеется, уроки Л.С. Выготского даром не прошли. Многие исследования участников школы производят впечатление, как будто они задуманы Л.С. Выготским.

Оставляю пустые споры о том, кто первым провозгласил деятельный подход или психологическую теорию деятельности. Во-первых, подход есть, а теории по сей день нет. Ее нет даже в классической немецкой философии. Разумеется, С.Л. Рубинштейн еще в 1922 г. написал статью о деятельности. В то время А.Н. Леонтьев был еще студентом и ни о какой теории деятельности не помышлял. П.А. Флоренский, Г.Г. Шпет, М.М. Бахтин, М.Я. Басов и другие отечественные философы, педагоги и психологи писали о деятельности, но не о ее теории. Об отсутствии психологической теории о «предметном», операционном содержании деятельности писал и П.Я. Гальперин. П.А. Флоренский утверждал, что теория деятельности, как и теория личности, в принципе невозможна, так как и то и другое есть нарушение закона тождества. И не только! Деятельность, как и человек, должны заключать в себе элемент бесконечности, а, соответственно, и непредсказуемости, спонтанности, самочинности, так как деятельность есть творчество, т. е. прибавление к данности того, что еще не есть данность. Предельный случай нарушения закона тождества — это «творчество из ничего», понимаемое не только как божественный акт, но и как акт человеческий (Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов).

Рассуждения о структуре и функциях деятельности не заменяют теории. В.Ф. Гумбольдт одним из первых начал рассматривать язык как деятельность, а в 1922 г. Г.Г. Шпет в «Эстетических фрагментах», в

1927 г. во «Внутренней форме слова» развил эти представления. Его анализ строения внешней и внутренней форм целого слова внес существенный вклад в преодоление классической оппозиции внешнего и внутреннего: все имплицитные формы принципиально допускают экспликацию. Здесь он был категоричен, заявляя, что нет ни одного атома внутреннего без внешнего. Вся душа есть внешность. Зато и удары, которые наносятся ей, — морщины и шрамы на внешнем нашем лице. К сожалению, этот вклад многие десятилетия не замечался (игнорировался?) психологами. Все же я подозреваю, что Г.Г. Шпет оказал влияние на слушавших его лекции Л.С. Выготского, А.В. Запорожца и других, хотя они, возможно, не осознавали этого.

Возвращаясь к теории деятельности, скажу, что вообще научная школа не создает теорий, их создают отдельные ученые, конечно, если им повезет и хватит ума и таланта. В начале 1970-х гг. Э.Г. Юдин справедливо заметил, что квинтэссенцией деятельностного подхода является действие (Г.Ф. Гегель бы добавил: в нем индивидуальность действительна). Например, П.И. Зинченко достаточно решительно утверждал, что общей единицей структурного, функционального и генетического анализа произвольного и произвольного запоминания является действие человека. Он дал ему название мнемического действия. Разумеется, действие, осуществляющееся в более широком контексте жизнедеятельности. И действие стало главным предметом исследований Харьковской школы. Не просто действие, а психическое действие в своих орудийных, знаковых и символических, т. е. культурных формах (сказалось влияние Л.С. Выготского). При этом большая часть исследований проводилась на детях, что позволяло проследить становление и организовывать формирование тех или иных действий. Приведу некоторые примеры.

- П.Я. Гальперин изучал становление и формирование простейших орудийных действий у детей. В послевоенные годы эта линия была продолжена А.В. Запорожцем в исследованиях развития произвольных движений, а П.Я. Гальперин изучал этапы формирования умственных действий и понятий.

- А.В. Запорожец изучал развитие сенсорных и перцептивных действий. Под его руководством была выполнена диссертация Л.И. Котляровой, в которой сравнивалось пассивное и активное осознание. (Позднее аналогичные исследования в Ленинграде проводили Л.А. Шифман, Б.Г. Ананьев, Л.М. Веккер и др.) Общий смысл развернувшегося и продолжившегося в Москве цикла исследований перцепции состоял в том, чтобы понять, как образуются симультанные целостности гештальта, сенсорные эталоны, перцептивные образы, оперативные единицы восприятия, а затем и оперативные единицы действия.

В Харькове же А.В. Запорожец начал изучение умственных действий и предложил схему их двухактности: первый акт — открытие смысла, второй — придание значения. Последнее может быть

операционально-техническим, эмоциональным, перцептивным или концептуальным, вербальным. Каждый акт может становиться целью для другого. А.В. Запорожца волновала проблема: почему и как человек начинает стремиться к действию как к внешней вещи, внешнему предмету? Как действие настолько опредмечивается, что становится целью, выступает перед индивидом как внешний субъект? То есть как живое действие или действие вместе с его носителем. В послевоенные годы А.В. Запорожец колебался в выборе предмета исследования: то ли развитие мышления, то ли развитие произвольных движений и действий? Выбрал последнее. Видимо, захватили и увлекли работы по восстановлению движений у раненых бойцов, которыми он вместе с Н.А. Бернштейном, С.Г. Геллерштейном, а затем с А.Н. Леонтьевым, П.Я. Гальпериным и другими психологами занимался во время войны. Итог цикла исследований, выполненного им с сотрудниками, показал, что формированию действия предшествует формирование образа ситуации и образа действий, которые в этой ситуации должны быть выполнены. А П.Я. Гальперин в это время обратился к изучению развития мышления, формированию умственных действий и понятий.

- Г.Д. Луков начал поиск и изучение генеза символических действий как таковых в раннем возрасте (об этом, к несчастью, остались лишь скудные ссылки в работах Д.Б. Эльконина). Много позже к раннему «младенческому символизму» обратился Д. Винникот и другие психоаналитики.

- В.И. Аснин был одним из экспериментаторов, проводивших исследования генезиса нового вида чувствительности — цветоразличения кожей ладоней (см. об этом ниже). Он изучал также роль наглядных демонстраций и собственных действий ребенка при формировании научных понятий. В его экспериментах дети доходили до понимания закона плавания тел не из словесных объяснений, а по причине (как сказал Б. Пастернаку его шестилетний сын). Они извлекали знания из собственных действий. В.И. Аснину принадлежат интересные результаты, связанные с зависимостью решения задач от мотивов и смыслов, а не только от их содержания. Наконец, В.И. Аснин сравнивал осознанные и неосознанные условия формирования двигательных навыков.

- Л.И. Божович практически сразу после приезда в Харьков уехала в Полтаву, где официально работала. Она постоянно курсировала между Полтавой и Харьковом. Л.И. Божович продолжила начатые в Москве под руководством Л.С. Выготского (или А.Н. Леонтьева?) исследования наглядно-действенного мышления у дошкольников (понимание действия рычага). Они были опубликованы всего несколько лет тому назад в журнале «Культурно-историческая психология». Затем ее привлекли проблемы мотивации. Она изучала возникновение познавательных мотивов и их роль в формировании теоретического мышления. Совместно с П.И. Зинченко

она начала изучать формирование понятий, рассматривая этот процесс как действие. В послевоенные годы эту линию исследований продолжила О.М. Концева.

- П.И. Зинченко начал изучать забывание в качестве активного процесса (не нужно смешивать с активным эмоциональным вытеснением, хотя некоторое сходство имеется). Затем сравнивал эффективность произвольного и произвольного запоминания; рассматривал познавательное действие и понимание как полноценные действия с их мотивами, целями, средствами, операциональным составом, условиями и результатами. Его интересовала динамика развития познавательных действий и превращения их в средства произвольного запоминания, в мнемические действия. В последние годы жизни он сосредоточился на изучении оперативной памяти и ее оперативных единиц (совместно с Г.В. Репкиной) и на проблеме «память и обучение» (совместно с Г.К. Середой).

Этот коллектив не ограничился изучением познавательных и исполнительных действий. А.В. Запорожец вместе с К.Е. Хоменко, Т.И. Титаренко, Д.М. Арановской изучали становление эстетического восприятия и понимания, а также эстетических реакций у детей. Они подошли к деятельности трактовке переживаний и сопереживаний, наблюдая переходы от со-действия к со-участию, к со-чувствию, затем к со-переживанию.

Перечисленные (и не перечисленные) исследования психических действий (именно этот термин использовал П.И. Зинченко) далеко выходили за рамки эмпирии. В них содержался солидный практический и сверхэмпирический теоретический потенциал. Последний лишь частично был использован А.Н. Леонтьевым в развитии его представлений о деятельности и ее структуре. Эту структуру называют трехчленкой или трехэтажной двучленкой, в которой деятельности, действию, операции поставлены в соответствие мотивы, цели, условия. Бросается в глаза, что в предложенной им структуре деятельности, как и в позднее выделенных им «образующих сознания», не нашлось места для переживания. Главными для него были значения и смыслы. Он не мог принять идею Л.С. Выготского о том, что единицей сознания и личности являются переживания. Конечно, если пофантазировать, то его можно обнаружить и у А.Н. Леонтьева: в структуре деятельности отношение мотива к цели есть смысл, а за ним скрывается переживание. У Ф.В. Бассина значащие переживания — это главный предмет психологии. Аналогом или носителем значащих переживаний у Г.Г. Шпета являются пристрастные со-значения, находящиеся в структуре слова между значениями и смыслами. Именно они, с его точки зрения, являются предметом психологии. Не менее существенно, что в структуре деятельности А.Н. Леонтьева не представлены средства деятельности (медиаторы), которые были главным предметом в его исследованиях развития памяти.

При всей кажущейся скупости структура деятельности А.Н. Леонтьева до сих пор лежит в основании большого числа предложенных разными авторами структур, модифицирующих и дополняющих ее. А.Н. Леонтьев выделил в деятельности самое существенное, и оспорить его достаточно абстрактную схему пока никому не удалось. Нужно сказать, что ее модификациям и дополнениям вовсе не всегда сопутствовало увеличение объяснительного потенциала, впрочем, достаточно скромного по сравнению со схемой А.Н. Леонтьева. Структуры психических действий, как двигательных, так и ментальных, изучены и представлены значительно более детально. Богаче и их объяснительный потенциал.

Отвечу сразу на возможный вопрос об оригинальности складывавшегося направления (школы?) психологии действия. Ведь еще в 1920-е гг. А. Валлон и Л.С. Выготский называли память действием. А. Валлон написал книгу «От действия к мысли». Эти мотивы содержатся в философии А. Бергсона, у позднего Ж. Пиаже. Можно спускаться и глубже, И.М. Сеченов говорил об участии в мышлении не только чувственных рядов, но и рядов личного действия. Н.Н. Ланге сформулировал стадийный (уровневый) закон перцепции, развил моторную теорию внимания и выдвинул положение, согласно которому двигательные реакции первичны по отношению к внутренним психическим актам.

Предупреждая возникновение подобного недоумения, я не случайно начал этот разговор с Одессы, с И.М. Сеченова и Н.Н. Ланге. Не стану «оправдывать» харьковчан ссылкой на то, что вопрос о приоритете всегда весьма щекотлив. Но все дело в том, что они изучали не реакции и не рефлексy, а акции, действия. Возможно, они это делали не без косвенного (через А.Р. Лурия) влияния Н.А. Бернштейна. Ведь А.Р. Лурия и Н.А. Бернштейн сотрудничали с ранних 1920-х гг. Но главное состоит в том, что они рассматривали сами движения и действия не только как условия становления внутренних психических актов, а как таковые. Другими словами, моторика постепенно вводилась в тело психологии, а не рассматривалась как нечто внешнее по отношению к ней. По мере исследований строилась и таксономия психических движений и действий: предметно-практические (орудийные); манипулятивные (включая манипуляции зрительными образами и представлениями); установочные, направленные на выделение фигуры из фона; ориентировочно-исследовательские, уподобляющиеся свойствам воздействия и направленные на ознакомление с выделенными информативными признаками; действия контроля и коррекций и т. д. Затем эта классификация упростилась и обобщилась, приняла более привычную для психологии форму: сенсорные, перцептивные, мнемические, умственные, аффективные действия, действия внимания, наблюдения, созерцания, деятельность переживания. Все эти виды исполнительных, познавательных, аффективных действий принимают участие не только в формировании наличной ситуации,

но и в создании собственного образа мира (обстояния, по выражению Х. Ортега-и-Гассета и М.М. Бахтина). Они же принимают участие в формировании образа себя, своего собственного состояния, в оценке возможностей собственного действия в наличных — заданных и представляемых, будущих ситуациях. Обстояние и состояние сливаются в одно управляющее исполнительным действием целое. Но этого мало. Целое еще содержит в себе на фоне «карты обозрения» «карту-путь» (термины Ф.Н. Шемякина) предстоящего действия. Это целое называется поразному.

В свое время известный врач — профессор Р.А. Лурия (отец А.Р. Лурии) ввел в медицинский обиход удачный термин — «внутренняя картина болезни». А.В. Запорожец, работавший во время войны над восстановлением движений у раненых бойцов, говорил о внутренней картине движений и действий. Он показал решающую роль изменений во внутренней картине нарушенных движений и действия в их восстановлении. Столь же верно и то, что без внешних действий невозможно построение внутренней картины эффективных и совершенных исполнительных (орудийных, предметных), хореографических, спортивных и других действий. Харьковская, а затем и Московская школы психологов, к сожалению, прошли мимо понятия «внутренняя форма», применявшегося В. Гумбольдтом, Г.Г. Шпетом и другими по отношению к художественному произведению, языку, слову. По смыслу «внутренняя картина» эквивалентна «внутренней форме», будь то форма слова, действия или образа. Г.Г. Шпет рассматривал внутреннюю форму как путь, предполагающий ее овнешнение. Это близко к взглядам М.М. Бахтина, писавшего, что путь свершения действия — чисто внутренний путь, и непрерывность этого пути тоже чисто внутренняя. В том числе и путь свободного действия, действия-поступка, путь, строящийся и корректирующийся «на ходу». Внутренняя форма (картина) — еще и мост к новому содержанию. Н.А. Бернштейн говорил практически о том же. Мало видеть, как совершается движение снаружи, нужно видеть, как оно выглядит изнутри. Переключка голосов М.М. Бахтина, Н.А. Бернштейна, А.В. Запорожца, Г.Г. Шпета очевидна и нуждается в подробном анализе.

Естественно, что познавательные действия, направленные на построение внутренней картины, по мере овладения действием меняются, претерпевают те или иные превращения. Поэтому большинство харьковчан, за исключением П.Я. Гальперина, были равнодушны к идее безликой интериоризации.

Разумеется, интериоризация есть твердо установленный эмпирический факт, фиксировавшийся Э. Фрейдом, П. Жане и многими другими. Важно понять, что за ним. А.Н. Леонтьев говорил: грандиозная работа мозга (как будто она менее грандиозна за предметным действием). П.Я. Гальперин говорил: за интериоризацией — чистая мысль. Сегодня становится ясным, что за интериоризацией тоже стоят

действия, но «внутренние», викарные, имеющие собственное, отличное от внешних, строение. К счастью, интериоризация не является судьбой всех внешних предметных действий. Мы все же выныриваем из себя в мир вещей. Возможно, недостаточно осознаваемая тенденция развития экспериментальной психологии состоит в том, что по мере развития ее методов душевные явления постепенно овнешняются, а телесные — одушевляются. Справедливости ради следует сказать, что эта тенденция укрепляется за счет развития методов когнитивной психологии, которая, оттолкнувшись от бихевиоризма, начинает сближаться с психологией действия. Стоит задуматься в известную сентенцию О. Уайльда: Тот, кто разделяет душу и тело, не имеет ни души, ни тела.

Идею действия принял и С.Л. Рубинштейн. Во втором издании «Основ общей психологии» он признал действие единицей анализа психики, своего рода клеточкой, неразвитым началом развитого целого. Он писал, что действие содержит в себе элементы всей психологии (поступок у С.Л. Рубинштейна выступал как единица анализа поведения). Этот вывод на основании исследований харьковчан должен был сделать А.Н. Леонтьев. Но не сделал. Возможно, в этом одна из причин его ревнивого отношения к С.Л. Рубинштейну, которое его сопровождало всю жизнь. Уходя от нас, он оставил задачу поиска такой единицы будущим исследователям.

В отличие от С.Л. Рубинштейна, Д.Б. Эльконин вышел за пределы индивидуального действия и рассматривал совокупное действие ребенка со взрослым как единицу развития психики. Пожалуй, следовало бы добавить, что совокупное действие ребенка со взрослым нужно рассматривать и как слияние общения (термин Г.Г. Шпета) между ними. Проблема единиц анализа и развития весьма коварна. В психологии почти не осталось феноменов, не побывавших в этой роли: ассоциация, гештальт, установка, рефлекс, реакция, операция, действие, акт отражения (образ), переживание и т. д. В Гёте, перебирая в свое время возможные начала бытия: Слово, Мысль, Сила, Деяние — остановился на последнем. Но за каждым из этих феноменов ведь имеется свое за, и не одно. Например, Л.С. Выготский писал, что мысль еще не последняя инстанция... За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция (а еще значения и смыслы). Он же, вслед за Спинозой, говорит и об идее, становящейся аффектом. (А когда она овладевает массами, то обращается в свою противоположность, как ядовито заметил И. Губерман.) Живость глаза превращается в зависть и т. п. Исследования харьковчанами когнитивных актов как действий, за которыми и внутри которых тоже стоят подобные тенденции, открыли дорогу рассмотрению действия как гетерогенного образования. Это в значительной степени смягчило остроту проблемы поиска некой универсальной единицы, перевело ее в спокойное русло создания таксономии единиц анализа психики, сознания, личности. К сожалению, не могу вспомнить, кто предположил фантастическую

ситуацию: собравшись за круглым столом, познание, чувство и воля начали спор, кто из них главнее. По мнению автора, такой спор не имел бы окончания. Полководцам, которые «глядят в Наполеоны», легче. Наполеон ограничивал свой выбор умом и волей. Вырожденный случай — политики, которые признавали лишь революционное действие или, как нередко бывало в итоге, — хладнокровный террор.

Проблема начала волновала и философов. Блаженный Августин в «Исповеди» благодарил Бога за то, что Он дал ему разум, который помог ему понимать речь окружающих его взрослых. Г.Г. Шпет писал, что ребенок как представитель человеческого рода одарен интеллигибельной (разумной) интуицией. По М. Хайдеггеру, — это бытийное понимание. Подобный сюжет развивали М.К. Мамардашвили, В.В. Библихин. Это такое начало, которое не результат, а условие развития; оно похоже на интегральное декартово *cogito*, соединяющее в себе могу — мыслю — понимаю. Похож и душевный интеграл А.А. Ухтомского. Гетерогенность образований (феноменов), претендующих на статус единиц анализа или начал, представляет собой первичную интегральность главных атрибутов души — познания, чувства, воли. Не проще ли назвать кошку кошкой и положить в основание развития душу, а не заменять ее различными эвфемизмами? Разумеется, душа наша не субстанция, сделанная из метафизической ваты, а тонкая и нежная Психея (О. Мандельштам). Целая душа, помимо названных атрибутов, обладает еще чем-то таинственным, избыточным (ср. М. Цветаева: Душа родилась крылатой; Ты — ласточка моя, Психея), что не позволяет ее делить на разум без остатка (В. Гёте). Не забудем, что в известной платоновской метафоре души речь идет не только о конях и вознице, но и об окрыленности самой колесницы. Это можно прочесть и как избыток познания, чувства, воли. Своим избытком обладают образ, действие, чувство, что не мешает им быть претендентами на роль начала. Нас не должны смущать связанные с душой религиозные коннотации. Данте был прав, утверждая, что потомство, как таковое, души не имеет. Ее, вслед за М.М. Бахтиным, следует рассматривать как дар матери своему чаду, как дар моего духа другому человеку (или как дар человеческого рода). Религии никто не давал монопольного права на изучение души, а тем более — на владение душами людей. Да и сказать о повышенном или хотя бы достаточном внимании церкви к душе и духу было бы сильным преувеличением. У нее хватает своих и вполне земных забот и хлопот.

Харьковчан волновали фундаментальная и общепсихологическая проблематика, вопросы теории и методологии психологии, ее предмета. Для П.Я. Гальперина вообще не существовало непререкаемых авторитетов. Он критически анализировал работы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Д.Н. Узнадзе, строил свои представления о предмете психологии. В.И. Аснин был внимателен к методологическим

проблемам, к условиям надежности психологических исследований. Он не только знал и сочувственно относился к методологическим поискам и экспериментальным находкам К. Левина и его сотрудников, но и сам проводил подобные исследования. В.И. Аснину удавалось создавать напряженное поле между двумя испытуемыми или между испытуемыми и экспериментатором, которое существенно влияло на результаты эксперимента. Разделял взгляды К. Левина не только он. Были даже планы организации «Kurt Levin Simposium» или «Topologische Meeting» в Харькове в 1936 г. Видимо, как всегда, в деле международного сотрудничества инициатором был А.Р. Лурия. Наличие таких планов само по себе весьма показательно. К счастью, им не дано было осуществиться, иначе в 1937 г. все участники такой встречи были бы или репрессированы, или уничтожены. И без того люди жили в постоянном страхе. В 1936 году, по воспоминаниям Т.О. Гиневской, — жены А.В. Запорожца — ее мужа неоднократно вызывали к следователю по политическим делам, который часами уговаривал его признаться, в том, что он член «вредительской» группы.

Апофеозом теоретико-методологических притязаний Харьковской школы была попытка А.Н. Леонтьева решить одну из геккелевских мировых загадок — вопрос о природе и происхождении психики (а затем и сознания). Разумеется, тайна осталась тайной, хотя вместе с А.В. Запорожцем они задумали и осуществили эксперимент по формированию новой способности (новой функции или нового функционального органа) у взрослых испытуемых. Речь идет о научении испытуемых цветоразличению кожей ладони. А.Н. Леонтьев представил этот эксперимент как лабораторную модель возникновения психики. Авторы добились своего, хотя и по сей день высказываются сомнения в достоверности результатов. Мои сомнения умеряются тем, что в качестве одного из экспериментаторов был строгий В.И. Аснин. Еще один довод в пользу достоверности результатов связан с тем, что оппонентом по докторской диссертации А.Н. Леонтьева, частью которой стало это исследование, был, наряду с С.Л. Рубинштейном, выдающийся физиолог Л.А. Орбели.

Гипотеза о природе психики возникла не на пустом месте. Ей предшествовали зоопсихологические исследования, в том числе изучение изменчивости поведения дафний (переменными были изменения освещенности аквариума), проведенные А.Н. Леонтьевым, Ф.В. Бассиным и Н.Н. Соломахой в 1933—1934 гг. Суть гипотезы состояла в том, что важнейшим свойством психики является возникновение чувствительности к биологически нейтральным (витально безразличным) свойствам окружения. Именно такие свойства необходимы для ориентации при переходе организмов из гомогенной среды (среды стихии) в дискретную, вещно оформленную среду, состоящую из отдельных предметов. Другими словами, переход от раздражимости к чувствительности знаменует собой начало возникновения психики. Ра-

зумеется, такая чувствительность — необходимый ее признак. Не стану обсуждать, достаточный ли? Обращусь к другому исследованию, выполненному, по замыслу А.В. Запорожца, М.И. Лисиной уже в 1950-е гг. Она обучила испытуемых произвольно управлять непроизвольными сосудистыми реакциями и нашла, что для того, чтобы такие реакции стали управляемыми, они должны прежде стать ощущаемыми. Таким образом, была сформирована еще одна новая форма чувствительности, но уже не к внешнему нейтральному раздражителю, которому, впрочем, в исследовании А.Н. Леонтьева была придана высокая психологическая значимость. Это чувствительность к собственной, обычно неощущаемой и непроизвольной, моторной сосудистой реакции. Речь идет не просто о чувствительности к собственному движению, а о чувствительности движения к самому себе. Это принципиально новый признак психики по сравнению с тем, который продемонстрировал А.Н. Леонтьев в экспериментах с цветочувствительностью ладони. Именно этот вид чувствительности делает движение живым. Н.А. Бернштейн говорил, что для овладения движением мало видеть его снаружи, нужно научиться видеть его изнутри. С понятием «живое движение» (Н.А. Бернштейн) может поспорить понятие «творящее движение» (В.В. Кандинский). Творящее движение обладает двумя составляющими: напряжением, т. е. живущей внутри него силой и направлением. К этому следует добавить «чувство порождающей активности» (М.М. Бахтин). Все это одновременно является условием и следствием одушевления и одухотворения человеческой моторики, позволяющей ей (благодаря преодолению избытка кинематических цепей нашего тела) звучать подобно эоловой арфе в унисон с внутренней симфонией дум и переживаний личности (А.В. Запорожец).

Вновь обратимся к философам и поэтам, которые многое знают прежде науки. Г.Ф. Гегель в «Феноменологии духа» дал вполне земную характеристику духа. Дух не есть нечто абстрактно простое, а есть система движений, различающая себя в моментах. Различение в моментах есть необходимое условие управляемости пререкающихся движений (И. Бродский) и фундамент рефлексии. Пуля — дура, свой полет в моментах она не различает. Чтобы различать себя в моментах, необходима способность заглядывать внутрь самого себя. О. Мандельштам в «Разговоре о Данте» предложил метафору поэтической материи в виде серии конструируемых по ходу полета аэропланов, последовательно выпархивающих один из другого. (Он назвал их также многоступенчатым снарядам.) Необходимым условием полета и конструирования этого, по словам поэта, технически немислимого устройства является его способность заглядывания внутрь самого себя. В применении к психологической реальности метафора О. Мандельштама перестает быть метафорой. Психологическая реальность именно так и развивается. Мы меняемся и строим себя на ходу. Покой нам только снится.

Добавим к этому, что Н.Д. Гордеева в развитие идей А.В. Запорожца и М.И. Лисиной различила в живом движении два вида чувствительности: чувствительность к собственному положению и состоянию и чувствительность к ситуации. Она обнаружила, что для эффективного решения даже элементарной двигательной задачи требуется чередование обоих видов чувствительности несколько раз в секунду и сопоставление их показаний. Другими словами, был обнаружен феномен рефлексии без Я, названный фоновой рефлексией. Это уже не косные инстинкты и не близорукие рефлексии, которые ничего, кроме себе подобного, породить не могут. Как говорил А.В. Запорожец, живое движение оказывается умным само по себе, а вовсе не потому, что им руководит посторонний ему интеллект. На основании сказанного можно придти к заключению, что живое движение, обладающее тремя атрибутами души плюс фоновой рефлексией (способностью заглядывать внутрь самого себя), а, следовательно, и спонтанностью, если и не вся душа, то душа души. Согласно Г.Г. Шпету, определяющий признак всех жизненных явлений — активность, психологии — самоочинность, спонтанность, если угодно, можно добавить и самоактуализацию. Под спонтанностью он понимал активность, исходящую от самой души. (Ср. с Платоном: Душа — это то, что само себя движет, причина жизненного движения существ.) Поэтому-то человек и может быть причиной самого себя (В.А. Петровский), что затрудняет другому прогнозирование его поведения и поступков. Ведь чужая душа — потёмки, да и своя собственная не устаёт преподносить нам сюрпризы. О спонтанности детского развития (на фоне всеобщего преклонения перед принципом безрадостного детерминизма) писали только Л.И. Божович и А.В. Запорожец. Последний очень обрадовался, наткнувшись в сочинениях В.И. Ленина на термин «спонтанность», и использовал именно его. Читающий В.И. Ленина А.В. Запорожец, делающий закладки в книге классика горелыми спичками, выглядел столь же странно, как выглядел бы этот фанатик, читающий А.С. Пушкина.

Мы вновь возвращаемся к началу разговора о началах, в которых можно найти и душу. В дальнейшем она (или мы?) теряет себя в своих дифференциациях и дезинтеграциях, в размножившихся вегетативным способом видах сенсорики, перцепции, внимания, памяти, интеллекта, эмоций и чувств, типах характера и личности, растворяется в сознании или отравляется им:

Душу сражает, как громом, проклятье,
Творческий разум осилил, убил.

А. Блок

В. Набоков утверждал, что изъятие души удесятерять силы, но цели тоже оказываются бездушными, бесчеловечными. Оставлю читателям судить, удесятерило ли силы психологов изъятие души из психологии и обездушило ли их цели. Видимо, не

случайно призывал Христос: Будьте как младенцы. Н. Заболоцкий бы добавил: с их младенческой грацией души. Для этого нужно чаще заглядывать внутрь своей души, отыскивая ее на задворках психики и сознания. По словам У. Блейка, назначение пророков и поэтов в том, что они помогают человеку открывать очи, направленные внутрь своей души. Хотя такое обучение дается нелегко, игра стоит свеч. По оптимистическим подсчетам И. Бродского, к сожалению, только один процент людей чувствителен к поэзии.

Возможно, читатель догадался, что когда речь шла о началах развития психики, то имелся в виду и второй план — план начала и первых лет жизни Харьковской школы, которые были необыкновенно богаты. Конечно, не все задуманное в довоенное десятилетие было осуществлено. К счастью, это плодотворное начало имело продолжение во время войны и в послевоенные годы. М. Хайдеггер говорил, что подлинное начало обязательно содержит в себе основу скачка, за-скока вперед, неизвестную полноту небывалой огромности и спора со всем бывалым. Примитивное ничего, кроме примитивного, породить не может. Об этом же превосходно сказал Томас Элиот: В моем начале — мой конец... В моем конце — мое начало. В психологическом смысле, да и в любом другом, за-скок вперед — это потенциальная возможность успеха и достижений в зоне — или лучше — в перспективе ближайшего и более отдаленного развития. Многое из накопленного было уточнено и развито, целый ряд замыслов был реализован, некоторые забыты или отложены в долгий ящик. А некоторые вообще не могли быть реализованы и не могли даже возникнуть, хотя основания для их зарождения имелись.

Выше я позволил себе пофантазировать относительно последних и, так сказать, вчитать их в своих учителей. В конце концов, я ведь харьковчанин не только по рождению. Я вправе считать себя учеником и участником Харьковской школы. А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин неоднократно (к моему удивлению и гордости) достаивали меня чести быть их соавтором. Моя фантазия (или заскок в привычном смысле этого слова) относится к тому, что в исследованиях участников Харьковской школы содержались предпосылки для возвращения души в психологию. Разумеется, в полузадушенной стране в условиях «идеологического общежития» об этом можно (можно ли?) было только мечтать. Позволить себе сказать: Душу от внешних условий освободить я умею (О. Мандельштам) могли только единицы. Когда П.Я. Гальперин спрашивал: Это уже, наконец, коммунизм, или будет еще хуже? — то он имел в виду не только безытность нашей страны. Один харьковский деятель на торжественном собрании, посвященном столетию «Коммунистического манифеста», с неподдельным восхищением говорил, что Маркс и Энгельс оставили нам очень много цитат. Тут уж было не до души. Даже к

исследованию сознания относились с подозрением, если оно не объявлялось вторичным, второсортным. Воздерживались и от цитирования многократно встречавшегося у К. Маркса термина «духовно-практическая деятельность», заменяя его термином «предметная деятельность».

Деятельность совершенно сознательно была поставлена над сознанием и личностью, а личность опущена до субъекта, т. е. до под-лежащего, до какой-либо функции или набора наперед заданных свойств и функций, которые должны быть сформированы. Не задумывались только, кто уполномочил и по чьему образу и подобию? Отсюда и словосочетание «субъектность личности», хотя субъект обозначает нечто безличное, отсюда и идея измеримости личности. «Измеримая личность» — это такой же оксюморон, как «смертная жизнь». Я понимаю, что число пьянит (Ш. Бодлер), но слово отрезвляет. По П.А. Флоренскому, личность — это предел самопостроения, а предел измерить нельзя. Как измерить Наш беспредельный к беспредельности порыв? (Р. Фрост). М. Цветаева не случайно спрашивала: Что же мне делать <...> / С этой безмерностью в мире мер? Только безмерность может стать мерой всех вещей. Не знаю, сговорились ли в одно время работавшие вместе в челпановском Психологическом институте Н.А. Бернштейн и Л.С. Выготский или независимо друг от друга определили личность как верховный синтез поведения, деятельности, сознания. Добавлю, и синтез не в меру расплодившихся Я.

Что касается субъекта, то он вполне уместен в философской субъект-объектной парадигме. Более того, Г.Г. Шпет, ссылаясь на Г.Ф. Гегеля, говорит, что душа и даже дух могут толковаться как субъект, но субъект, понимаемый не как индивидуальная особь, не субстанционально.

Предпосылки к восстановлению дискурса о душе в Харьковской школе действительно были. Не только научные, но и личностно-биографические. А.В. Запорожец пришел в психологию из театра. Он понял, что ему как актеру не достает знаний о человеческих чувствах и переживаниях. Но парадокс был в том, что он долгие годы как бы тренировался на изучении сенсорики, перцепции, мышления, моторики и лишь в конце жизни обратился к изучению эмоциональной сферы. Как психолог он заботился об амплификации детского развития, о непреходящей ценности каждого периода возрастного развития, т. е. о сохранности детской души, о ее потребности в «пилюлях любви». А.В. Запорожец высоко ценил «Охранную грамоту» Б. Пастернака, в которой автор восхищался Грецией, умевшей мыслить детство замкнуто и самостоятельно, как заглавное интегративное ядро. По ее мысли, какая-то доля риска и трагизма должна быть собрана достаточно рано в наглядную, мгновенно обозримую горсть. И даже в каком-то запоминающемся подобии, может быть, должна быть пережита и смерть. Д. Самойлов как бы конкретизирует это предположение, описывая реак-

цию ребенка, слушавшего в исполнении папы «Песнь о вещем Олеге»:

Осеннею мухой квартира
Дремотно жужжит за стеной.
И плачу над брэнностью мира
Я, маленький, глупый, больной.

Вообще, нужно сказать, что первое десятилетие Харьковской психологической школы следует характеризовать как фронтальное наступление на детство. При этом психологи не проявляли неразумной торопливости, не стремились преодолеть детскую непосредственность и спонтанность, быстрее переводить ребенка с одного этапа развития на другой, или перескакивать через этапы. Они изучали детство как таковое. Даже не изучали, а открывали его для себя, удивлялись его непосредственности и таланту, а не форсировали развитие ребенка. Амплификация, о которой постоянно заботился А.В. Запорожец, — это расширение возможностей развития, позволяющее ребенку самому найти себя в материале. На этом фоне странно выглядят позднейшие призывы А.Н. Леонтьева к преодолению «постулата непосредственности». Он был верен Л.С. Выготскому и своим ранним исследованиям развития памяти. Для обоих главным словом или главным принципом психического развития было слово «опосредованность». Они как бы молчаливо исходили из «постулата опосредованности» развития, не учитывая, что зоной ближайшего или отдаленного развития опосредованности обязательно должна быть новая непосредственность, без которой немислимы откровение, инсайт, неслышанная простота. Сказанное о непосредственности особенно верно для развития личности:

И если мне близка, как вы,
Какая-то на свете личность,
В ней тоже простота травы,
Листвы и выси непривычность.

Б. Пастернак

Не только поэты, но и простые смертные ценят в личности прямоту и непосредственность, а не лабиринты опосредований, в которых легко заблудиться. Личность и человечность естественны и нормальны, а моральное и нравственное уродство, чаще встречающиеся за пределами психиатрических клиник, неестественны и отвратительны.

Продолжу свою душевную гипотезу. Непроизвольная память, осуществляющаяся в контексте жизнедеятельности, изучению которой П.И. Зинченко посвятил почти всю научную жизнь, есть память души, а вовсе не натуральная функция, о чем много писал его ученик и последователь Г.К. Серeda. Как говорила М. Цветаева: Моя душа — мгновений след. Как мы помним, она же дар и начало, т. е. постулированные философами доопытные черты, имеющиеся у младенца как представителя человеческого рода. Могу — мыслю — понимаю — это разум и воля. Не отвергнем и чувственного жара. Ученица А.В. Запорожца М.И. Лисина, многие годы изучавшая младенцев, назвала первое полугодие их жизни золотым ве-

ком общения. Он золотой, потому что за общением еще нет задних мыслей, умыслов, помыслов. Оно само есть все: потребность и мотив, цель, действие и страсть. М.И. Лисина называет его «чистым общением», осуществляющимся в диапазоне одних только положительных эмоций. А. Фет, видимо, тоскуя по золотому веку общения, воскликнул: О, если б без слова сказаться душой было можно! Иногда такое удается и взрослым. Конечно, душа, как и все ее атрибуты, будь они чистыми или синкретами, существуют только в выражении, а выражение — это одновременно и акты их созидания, происходящего в слиянном общении, в совокупном действии, в поступке. Напомним, что М.М. Бахтин определял предмет всех гуманитарных наук как выразительное и говорящее бытие.

Еще один пример — исследования Л.И. Божович, которая в послевоенные годы обратилась к проблемам развития личности. Она усматривала путь формирования личности в постепенном освобождении ее от непосредственных влияний окружающей среды (ср. с приведенной выше строкой О. Мандельштама) и превращении ее в активного преобразователя этой среды и своей собственной личности. Л.И. Божович придавала большое значение формированию ее внутренней позиции, считала, что важной движущей силой психического развития ребенка являются ненасыщаемые духовные потребности. Внутренняя позиция личности — это ее душевный настрой: «лежит душа, или не лежит». Только в душе соединены три цвета времени — прошлое, настоящее и будущее, поэтому она догадывается, когда и куда идти и куда поворачивать.

Пожалуй, главным доводом в пользу возможной латентной интенции восстановления дискурса о душе была интерпретация упомянутых выше экзотических экспериментальных исследований А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца. Они интерпретировали сформированные новообразования в терминах функциональных органов индивида. Согласно А.А. Ухтомскому, функциональный орган — это всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение. Такие органы существуют виртуально и наблюдаемы лишь во время актуализации. К их числу А.А. Ухтомский относил не только психологическое воспоминание, интегральный образ, но и такие доминанты души, как внимание духу, доминанту на лицо другого человека, интуицию совести. У А.А. Ухтомского функциональные органы выступили двояко: как органы индивида, т. е. как виртуальные, психологические, и как органы нервной системы. А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца, в отличие от А.Р. Лурии, мало волновали зашумленные далекие отголоски психологических бурь в нервной системе. Не забудем и Л.С. Выготского, утверждавшего, что именно рождающее смыслы переживание является единицей личности и сознания. В 1970-е годы Ф.В. Бассин, как бы в развитие этой идеи Л.С. Выготского, предложил рассматривать значащие переживания не только как единицу ана-

лиза психики, но и как основной предмет психологии. В дискуссии с ним А.Н. Леонтьев продолжал настаивать на том, что таким предметом является деятельность.

А.В. Запорожец, когда он, наконец, обратился к эмоциональной сфере, рассматривал высшие человеческие чувства как функциональные органы индивида, ядро личности. Он многое сделал, чтобы показать жизненную роль аффектов в управлении поведением, роль, сочетающуюся и согласующуюся с регулируемыми функциями интеллекта. Вместе с сотрудниками он прослеживал возникновение целостных эмоционально-когнитивных комплексов типа аффективных образов, моделирующих смысл тех или иных ситуаций и начинающих регулировать динамическую сторону поведения ребенка уже на относительно ранних ступенях его развития. Л.И. Божович говорила об этом же в терминах «мотивирующих представлений», подчеркивая их побудительную силу. Эмоциональные переживания — не только аккомпанемент поведения и деятельности. Они участвуют в решении задач на смысл (А.Н. Леонтьев), в регуляции и корригировании выполняемых действий, в предвосхищении последствий их выполнения. В союзе с интеллектом эмоции имеют шанс стать умными, обобщенными, предвосхищающими более отдаленные последствия поведения и деятельности. Равным образом, и интеллект в союзе с эмоциями может приобрести черты эмоционально-образного мышления, играющего важнейшую роль в смыслообразовании, смыслах различении и целеполагании. Именно в таком взаимодействии А.В. Запорожец видел то единство аффекта и интеллекта, которое Л.С. Выготский считал характерным для высших человеческих чувств. Не только для них. Оно, согласно М.М. Бахтину, характерно и для самосознания, в котором присутствует когнитивная (кто я) и эмоциональная (какой я) составляющая. Ф.Е. Василюк, как бы компенсируя отсутствие интимно-личностных компонентов в оперативно-технической структуре деятельности, предложенной его учителем А.Н. Леонтьевым, рассматривал переживание как особую форму деятельности.

Взгляды Л.С. Выготского, Ф.В. Бассина, А.В. Запорожца, Ф.Е. Василюка близки к утверждению Ф.М. Достоевского: страдание — единственная причина сознания, разумеется, страдание душевное, а не физическое. Не пристрастие ли психологов к изучению рефлексов головного мозга объясняет пренебрежительное отношение к психологии (и психологам) писателя, стремившегося познать все глубины души человеческой? В своем пренебрежении Ф.М. Достоевский был не одинок. Сто лет тому назад Г.Г. Шпет писал, что жизнь и искусство готовы были навсегда порвать с психологией, так чужды им казались ее схемы. А другие науки упресли психологию в душевном водолействе. Находясь между Сциллой и Харибдой, наука о душе ради своего спасения жертвовала душой: была про-

возглашена «психология без души». Как ни странно, но душа не нанесла побоев мозгу (Б. Пастернак) психологов и физиологов, которых они заслуживали за такое нелепое решение.

От идеи функциональных органов психологических орудий, — по Л.С. Выготскому, — до души и духовного организма, центром которого, видимо, является душа, остается один шаг, который мало кто из психологов решается сделать. Утешает то, что их время от времени влечет на место преступления, которое совершили их предшественники. Наугад можно назвать имена Г.И. Челпанова, Г.Г. Шпета, С.Л. Франка, В.В. Зеньковского, А.А. Ухтомского, М.М. Бахтина, К. Юнга, В. Франкла, Ж. Ньютена. Из современников назову М.К. Мамардашвили, В.А. Лефевра, Г.В. Иванченко, В.А. Пономаренко, В.Д. Шадрикова, В.К. Шабельникова. Г.И. Челпанов был прав, говоря, что прежде всего нужно вернуть душу в образование; сейчас ее там не хватает значительно больше, чем в его время. Союз души и глагола (М. Цветаева) образованию помешать не может. Если вдруг произойдет почти невозможное, и психологи озаботятся душой, оробело вернуться к тайне (Б. Пастернак), владевшей умами многие столетия, то исчезнут дилетантизм и фельдшеризм, станет меньше практиков-практикантов, да и сама психология станет более увлекательной и интересной. Ведь без тайны и удивления нет человека, без них невозможно и развитие науки о нем. Дж. Бруннер, которому в 2015 г. исполнится сто лет, в написанной им около сорока лет назад автобиографии высказал сожаление о том, что ему не удалось теснее связать между собой психологию и искусство. А бездушное искусство в принципе невозможно. Если такая связь действительно будет установлена, за этим последует признание Ф.М. Достоевского (пусть и наряду с И.М. Сеченовым) дедушкой психологии.

Вот куда могут завести воспоминания и размышления о Харьковской психологической школе и моих учителях!

III

В недрах Харьковской психологической школы возникли научные школы Л.И. Божович, П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца, П.И. Зинченко, А.Н. Леонтьева. Добавлю присоединившихся к ним выготчанина Д.Б. Эльконина и ученицу К. Левина Б.В. Зейгарник. А.Р. Лурия, как мне кажется, сам по себе всегда был школой (и не одной!). Это произошло потому, что она, как, впрочем, и другие настоящие научные школы, была сильна своим разнообразием не только в тематике исследований при их общей направленности, но и по личным качествам ее участников.

Поделюсь своими впечатлениями об этих замечательных «одноклассниках» и о распределении ролей между ними.

А.Р. Лурия, — державшийся всегда в тени Л.С. Выготского, затем А.Н. Леонтьева, — гений. С. Тулмин, назвавший Л.С. Выготского Моцартом, А.Р. Лурию назвал Бетховеном психологии. Сам он говорил, что ему в жизни посчастливилось встретиться, дружить и сотрудничать с тремя гениями — Н.А. Бернштейном, Л.С. Выготским и С.М. Эйзенштейном. Он настолько почитал Л.С. Выготского, что его собственная «научная биография» более чем наполовину посвящена учителю. Сегодня А.Р. Лурия вошел в первую сотню самых цитируемых психологов XX в. и обогнал своего учителя Л.С. Выготского. Из наших соотечественников их опережает только И.П. Павлов. Психологов должно утешить то, что Ж. Пиаже и З. Фрейд занимают места выше, чем И.П. Павлов. Но всех опережает Б.Ф. Скиннер. Не спешит психология поворачиваться от поведения и динамики нервных процессов к душевному миру человека. К сожалению, в последние десятилетия чаще вспоминают о заслугах А.Р. Лурии перед нейропсихологией. А.Р. Лурия, вслед за М. Ферворном делил ученых на классиков и романтиков. В нем самом всегда сочетались романтические и классические черты психологического нейропсихолога, т. е. психолога в квадрате, не желавшего топить изучение сознательной деятельности человека в море молекулярной теории, не удовлетворявшегося нейрологизирующими тавтологиями и редукциями. К сожалению, он не узнал, что две японские телестудии сделали фильмы, посвященные ему и герою его «Маленькой книжки о большой памяти» С.В. Шерешевскому; что замечательный режиссер Питер Брук поставил в Париже спектакль, посвященный этому сюжету (мне довелось быть одним из консультантов обоих фильмов и спектакля). Не узнал он и о том, что Умберто Эко написал роман «Таинственное пламя царицы Лоаны», главный герой которого подобен Засецкому — герою его книги «Потерянный и возвращенный мир». Из текста романа видно, что автор узнал о Засецком из работ Оливера Сакса — нейропсихолога — последователя и, как он сам себя называл, заочного ученика и друга А.Р. Лурии.

Я уверен, что А.Р. Лурия прежде всего замечательный психолог. Только этим можно объяснить его достижения в изучении функций мозга, лишь обеспечивающих, а вовсе не порождающих различные формы психической активности. Опубликованная посмертно, последняя статья А.Р. Лурии «О месте психологии в ряду социальных и биологических наук» представляет собой своего рода антиредукционистский манифест.

А.Р. Лурия неизменно заботился о молодежи и вместе с тем был очень требователен к ней. Самая страшная угроза с его стороны была: «Я с тобой раззнакомлюсь». В свое время (еще до Харькова) Александр Романович уволил молодого А.В. Запорожца из своей лаборатории в Академии коммунистического воспитания со словами: «Саша, может быть когда-нибудь ты станешь знаменитым профессором, но лаборант из тебя никогда не получится». Это не поме-

шало их дружбе, длившейся всю жизнь. Многие десятилетия спустя, когда Александр Владимирович стал профессором, академиком, Александр Романович как-то позвонил ему утром и попросил обязательно зайти к нему вечером после работы. При встрече он заставил гостя отчитаться, как тот провел день. Выслушав, А.Р. Лурия чертыхнулся и добавил: «Только в нашей стране золотыми часами забивают гвозди».

А.Н. Леонтьев — всеми добровольно и охотно признанный лидер, превосходно выполнял эту роль. Он своими часто нарочито сложными, порой туманными размышлениями и рассуждениями о деятельности, сознании, личности, за которые трудно зацепиться идеологически озабоченным критикам, создал нечто вроде резервации, внутри которой успешно работали идеологически беззаботные участники школы. А.Р. Лурия писал в автобиографии, что марксизм, одна из сложнейших в мире философских систем, медленно воспринимался советскими учеными, включая и меня, — добавлял он. Он им особенно и не заморачивался. А.Н. Леонтьев считал себя настоящим марксистом, гордился тем, что важные для психологии положения К. Маркса переводил сам. Последним знающим марксистом-ленинцем в нашей психологии был В.В. Давыдов. Интересно было наблюдать дружеские и нескрываемо ироничные взаимоотношения А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурии. Так, первый упрекал второго в идеологическом легкомыслии, а второй первого в излишней идеологической озабоченности. Целый ряд очищенных от идеологии мысленных конструкций живы до сих пор. А.Н. Леонтьев был изобретательным и тонким экспериментатором. Хотя, как верно заметил П.Я. Гальперин, эксперимент был лишь иллюстрацией к его теоретическим предположениям, не имел самоценности и нередко оставлялся им на самом интересном месте.

П.Я. Гальперин — теоретик, эрудит, учитель и исследователь. В нем удивительно сочетались широта взглядов педагога, превосходно знавшего историю психологии, и способность к самоограничению (почти павловского типа) ученого-экспериментатора. Друзья за глаза его называли рэбэ, советовались с ним по трудным вопросам. Нередко после такого разговора бывали обескуражены. Его критика была ироничной и в то же время щадящей, укоры и уколы сочетались со ссылками на трудность проблемы (семи пядей во лбу не хватит). К его критике нужно было прислушиваться. А.В. Запорожец говорил: «Петр Яковлевич зря не скажет». Он был одновременно и внутри школы, и сохранял полную интеллектуальную автономию, что порой раздражало А.Н. Леонтьева. Сам он был непроницаем для критики, отшучивался или, как Ж. Пиаже, говорил: «D'accord (согласен)» и все делал по-своему.

Л.И. Божович — в науке непредсказуемая и непримиримая личность, боец; в жизни — человек мягкий и добрый. Отстаивая свою внутреннюю позицию, она довольно быстро разошлась с А.Н. Леонтьевым во взглядах. Остальные искренне любили ее, она отвечала взаимностью. В психологии достаточно редкий случай, когда подлинная личность разрабатывает проблематику личности.

А.В. Запорожец — душа всего коллектива, совесть, психотерапевт, жилетка, в которую можно поплакать, копилка, в которой с гарантией можно хранить свои тайны. Какая-то «всемирная отзывчивость». Будучи сам бездетным, А.В. Запорожец любил, понимал и знал детей и посвятил почти всю свою научную деятельность детской психологии. Между прочим, в ущерб психологии искусства и общей психологии. Он ведь в молодости был актером и пришел в психологию, чтобы лучше понять сценические чувства. Трагедии, происходившие в советском театре (убийство его учителя Л.С. Курбаса, В.Э. Мейерхольда, С.М. Михоэлса), переживались им как свои собственные. Задуманная им книга об эмоциях так и не была написана. Больно было смотреть, как в последние десятилетия рушилась созданная им система дошкольного воспитания.

Д.Б. Эльконин — мужественный человек, стойко претерпевавший жизненные невзгоды, которых на его долю выпало предостаточно. Обладая буйным научным темпераментом, щедро разбрасывал свои идеи. Мне тоже кое-что перепало. Д.Б. Эльконин не случайно ряд лет занимался психологией игры. Элементы игры играли не последнюю роль в его собственной жизни. Дремучая серьезность была ему абсолютно чужда. К административным неприятностям он относился с иронией. Когда его в благодарность за созданную вместе с В.В. Давыдовым теорию и практику развивающего обучения и формирования учебной деятельности Президиум АПН СССР постановил вывести из состава ученого совета Института психологии, он, смеясь, говорил: «Наверное, патроны в КГБ отсырели». Столь же досадно смотреть, как с карты нашей страны исчезают школы развивающего обучения (в отличие от Белоруссии и Украины, где число их увеличивается).

В.И. Аснин — человек твердых научных принципов. Всегда требовал строгости, четкости, ясности изложения. Коллеги звали его Яснин. Особенно он был придирчив к А.Н. Леонтьеву. Бывало, что он говорил ему: «Либо ты сам не понимаешь, что говоришь, либо ты понимаешь и нам не хочешь сказать». А вне науки он был доброжелательным и мягким человеком.

П.И. Зинченко был труженик-одиночка, посвятивший жизнь одной проблеме — проблеме памяти. Он сам провел все свои исследования забывания, произвольной и произвольной памяти. Сам и «внедрял» полученные результаты в практику: под его руководством учителя средней школы проверяли возможность и эффективность организации учебной деятельности, основанной на установленных им закономерностях произвольной памяти, а не на заучивании. К сожалению, это умудрились не заметить его друзья и коллеги Д.Б. Эльконин и В.В. Давыдов, позднее приступившие к разработке теории и практики

учебной деятельности. У них память оказалась на дворках учебной деятельности, что совершенно неадекватно. Она все же не может быть беспамятной. На это обращали внимание П.Я. Гальперин и В.В. Репкин. Аспиранты и сотрудники появились у него лишь в последние пять-шесть лет, после создания им кафедры психологии ХГУ. П.И. Зинченко был человеком не робкого десятка. Он первый, уже в 1939 г. (после запрета в 1936 г. трудов Л.С. Выготского как педолога) восстановил его имя в научной печати. Разумеется, не без критики (но не оголтелой!), напомнил о важнейших положениях теории культурного развития психики и сознания Л.С. Выготского.

Психологические гены Петра Ивановича перешли к жене, дочери, сыну и внуку, а затем и к их женам. Естественно, он был для меня лучшим человеком на Земле. Он был больше, чем отец, еще учитель, коллега, друг. Могу сравнить его только с А.В. Запорожцем, который был для меня больше, чем учитель, коллега и друг. Они любили друг друга, их объединяло редко изменявшее им чувство юмора, добрая ирония, в том числе и по собственному адресу.

Все они живут в моей памяти, которая по отношению к ним подчиняется закону обратной временной перспективы. Чем дальше я ухожу от них по времени, тем больше они становятся, тем ценнее и значимей становятся их уроки.

* * *

Несколько слов в заключение. Конечно, научные школы не вечны. Они имеют свои естественные жизненные циклы. Однако их идеи, понятия и результаты представляют не только исторический интерес, что, впрочем, само по себе не так мало. Они поселяются в теле науки, становятся ее функциональными органами, влияют на ее дух. Научные школы меняют контекст и пейзаж науки, в нем же и растворяются. Например, научных школ, породивших ассоцианизм и гештальтпсихологию, давно нет, но без найденных ими фактов, установленных законов восприятия и памяти психология немислима. И эти законы прекрасно уживаются друг с другом. Важно, чтобы школа была не герметичной, а открытой, питалась бы не только своими соками, но не пренебрегала и другими источниками. Сегодня научные школы большая редкость. Их сменяют часто анонимные и вместе с тем самозванные направления: гуманистическая, когнитивная, позитивная, качественная и другие психологии. В самом их названии звучит противопоставление и вызов старой доброй психологии. А она, между прочим, была не

менее, а в чем-то значительно более качественной, позитивной, когнитивной и гуманистической. Я готов согласиться с тем, что границы между понятиями «научная школа» и «научное направление» весьма неопределенны и расплывчаты. Собственно, это даже не понятия, а концепты или конструкты. Но их определение и установление границ между ними — не проблема той или иной науки, а проблема научной историографии. Важнее, что научные школы были, есть и, надеюсь, будут. Хотя звучат пессимистические заявления о конце научных школ, они неистребимы, хотя и неравномерно распределены во времени. Сегодня в психологии научных школ маловато. Впрочем, цыплят по осени считают, большое видится на расстоянии. Так или иначе, не следует забывать об огромном воспитательном значении научных школ. Особое значение имеет вырабатываемый ими стиль научного мышления, которым нигде, кроме как в школе, овладеть нельзя. Я и мои сверстники, а до нас и после нас еще целый ряд поколений психологов в полной мере испытали на себе влияние научной школы, зародившейся в Харькове, оставившей в нем достойных соратников и продолжившей свое плодотворное существование в Москве.

Два-три послевоенных десятилетия харьковчане и москвичи представляли собой самоорганизующееся научное сообщество. В 1980-е годы после издания относительно полного «собрания сочинений» Л.С. Выготского его имя стало символом, объединяющим школы Л.И. Божович, П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца и других «одноклассников». Прежнее название — научная школа Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии — стало слишком узким. Оформилось неформальное направление, имеющее вполне предметное наименование: культурно-историческая психология. (Забавно, что это наименование было ему присвоено в 1936 г. одним из погромщиков психологии, к тому же зоологическим антисемитом П.И. Размысловым.) Некоторые предпочитают называть его культурно-деятельностной психологией. Приятно сознавать, что упомянутые выше школы продолжают жить и работать несмотря на то, что давно уже нет их основателей. В 2012 году было кому проводить и кому выступать с докладами на конференциях, посвященных 110-летию П.Я. Гальперина и А.Р. Лурии, а также на конференции, посвященной 80-летию Харьковской психологической школы. Я был поражен, увидев в зале более трехсот заинтересованных участников. Появилась даже уверенность, что у психологов память не самая слабая из сил души. Они понимают, что пока мы помним своих учителей, не только они, но и мы сами живы.

Psychology of action. The contribution of the Kharkov school of psychology

V.P. Zinchenko

PhD in Psychology, full member of the Russian Academy of Science (RAS), professor of the Institute of General Secondary Education of RAS, professor at the Chair of General and Experimental Psychology (Higher School of Economics), academician, honorary member of the American Academy of Arts and Sciences, doctor honoris causa at the University of Tartu

This paper was written based on the report made at the International Conference dedicated to the 80th anniversary of Kharkiv School of Psychology (Kharkiv, October, 2012) hosted by G.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University. It offers the reader both personal impressions and memories of the author about the events and people and those drawn out of stories of representatives of the older generation of psychologists involved in these events. The author is not a science historian and did not make it a point to give a complete, historiographic account of history of Kharkiv school of psychology. I thank Anton Yasnitskyi, a professional psychology historian, for his remarks and updates.

Keywords: School of thought, academic community, scientific field, G.I. Chelpanov, L.S. Vygotskyi, S.L. Rubinstein, A.R. Luriya, A.N. Leontyev, V.I. Asnin, P.Ya. Galperin, A.V. Zaporozhets, P.I. Zinchenko.

НАШИ АВТОРЫ

- Аллик Юри** — доктор психологии (Ph. D.), профессор экспериментальной психологии Тартуского университета (Эстония)
- Василевская Екатерина Юрьевна** — студентка факультета психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
eyuvasilevskaya@edu.hse.ru
- Ветошкина Любовь Павловна** — докторант Центра изучения деятельности, развития и обучения Института бихевиоральных наук Хельсинкского университета
liubov.vetoshkina@helsinki.fi
- Горюнова Людмила Николаевна** — старший преподаватель факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета
l.gorunova@psy.spbpu.ru
- Зинченко Владимир Петрович** — доктор психологических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», почетный член Американской академии искусств и наук, доктор Honoris Causa Тартуского университета, почетный доктор Харьковского государственного университета
zinchrae@yandex.ru
- Леонтьев Дмитрий Алексеевич** — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, заведующий лабораторией проблем развития личности лиц с ОВЗ Московского городского психолого-педагогического университета, академик Российской академии образования
dleon@smysl.ru
- Лукаш Олег Сергеевич** — аспирант факультета психологии Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»
- Мещеряков Борис Гурьевич** — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии университета «Дубна»
borlogic@yahoo.com
- Молчанова Ольга Николаевна** — кандидат психологических наук, профессор кафедры общей и экспериментальной психологии факультета психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
olmol@list.ru
- Мунипов Владимир Михайлович** — доктор психологических наук, профессор кафедры культурно-исторической психологии Московского городского психолого-педагогического университета
- Мунипов Михаил Владимирович** — выпускник кафедры биофизики биологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (1981)
mikhail.munipov@gmail.com

- Пергаменщик Леонид Абрамович** — доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка
leonpergam@gmail.com
- Титов Роман Сергеевич** — аспирант факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, стажер-исследователь лаборатории позитивной психологии и качества жизни Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
roman.s.titov@gmail.com
- Шаманина Екатерина Анатольевна** — аспирант кафедры психологии университета «Дубна»

OUR AUTHORS

- Allik Jüri** – PhD in Psychology, professor of experimental psychology, University of Tartu (Estonia)
- Vasilevskaya Ekaterina Yuryevna** – student at the Faculty of Psychology, National Research University Higher School of Economics
eyuvasilevskaya@edu.hse.ru
- Vetoshkina Lyubov Pavlovna** – doctoral student, University of Helsinki, Institute of Behavioral Sciences, Center for Research on Activity, Development and Learning
liubov.vetoshkina@helsinki.fi
- Goryunova Lyudmila Nikolayevna** – senior lecturer at the Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University
l.gorunova@psy.pu.ru
- Zinchenko Vladimir Petrovich** – PhD in Psychology, full member of the Russian Academy of Science (RAS), professor of the Institute of General Secondary Education of RAS, professor at the Chair of General and Experimental Psychology (Higher School of Economics), academician, honorary member of the American Academy of Arts and Sciences, doctor honoris causa at the University of Tartu
zinchrae@yandex.ru
- Leontiev Dmitry Alekseyevich** – PhD in Psychology, professor at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; head of the Laboratory of Personality Development Problems of People with Disabilities, Moscow State University of Psychology and Education; member of the Russian Academy of Education
dleon@smysl.ru
- Lukash Oleg Sergeevich** – PhD student at the Department of General and Experimental Psychology, National Research University Higher School of Economics
- Meshcheryakov Boris Guryevich** – PhD in Psychology, professor at the Chair of Psychology, Dubna International University of Nature, Society and Man
borlogic@yahoo.com
- Molchanova Olga Nikolayevna** – PhD in Psychology, professor at the Department of General and Experimental Psychology, National Research University Higher School of Economics
olmol@list.ru
- Munipov Vladimir Mikhailovich** – PhD in Psychology, professor at the Chair of Cultural-Historical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education
- Munipov Mikhail Vladimirovich** – Department of Biophysics, Lomonosov Moscow State University (graduated in 1981)
mikhail.munipov@gmail.com

- Pergamenshchik Leonid Abramovich** — PhD in Psychology, dean of the Department of Psychology, Maxi Tank Belarusian State Pedagogical University
leonpergam@gmail.com
- Titov Roman Sergeevich** — PhD student at the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, intern researcher at the Laboratory of Positive Psychology and Life Quality, National Research University Higher School of Economics
roman.s.titov@gmail.com
- Shamanina Ekaterina Anatolyevna** — PhD student at the Chair of Psychology, Dubna International University of Nature, Society and Man

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций <i>Р.С. Титов</i>	2
Основные идеи деятельностной концепции экспансивного обучения и развития Ю. Энгestrёма <i>Л.П. Ветошкина, Л.Н. Горюнова</i>	13
О некоторых аспектах проблемы «культура и личность» <i>Д.А. Леонтьев</i>	22

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сравнительный анализ трех проекций национальных характеров русских, мокшан и эрзян <i>Б.Г. Мещеряков, Е.А. Шаманина, Ю. Аллик</i>	33
---	----

ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА

«Психологическая лаборатория» А.И. Солженицына <i>Л.А. Пергаменичик</i>	45
--	----

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенности проживания периода юности: возраст и социально-исторический контекст <i>Е.Ю. Василевская, О.Н. Молчанова</i>	52
---	----

ДИСКУССИИ И ДИСКУРСЫ

Психологические представления о позитивных альтернативах отчуждения человека <i>О.С. Лукаш</i>	62
Размышления над книгой «Цветная Вселенная: Михаил Матюшин об искусстве и зрении» <i>В.М. Мунипов</i> , <i>М.В. Мунипов</i>	71

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Психология действия. Вклад Харьковской психологической школы <i>В.П. Зинченко</i>	92
--	----

<i>Наши авторы</i>	108
--------------------------	-----

Contents

THEORY AND METHODOLOGY

Gordon Allport: The Concept of Personal Religious Orientations <i>R.S. Titov</i>	2
Fundamentals of Engestrom's Activity-Theoretical Concept of Expansive Learning and Development <i>L.P. Vetoshkina, L.N. Goryunova</i>	13
Culture and Personality: On Some Aspects of the Problem <i>D.A. Leontiev</i>	22

CROSS-CULTURAL AND ETHNOPSYCHOLOGICAL RESEARCHES

Russians, Mokshans and Erzyans: Analysing Projections of National Characters <i>B.G. Meshcheryakov, E.A. Shamanina, J. Allik</i>	33
---	----

PSYCHOLOGY OF ART

'Psychological Laboratory' of Aleksandr Solzhenitsyn <i>L.A. Pergamenshchik</i>	45
--	----

EMPIRICAL RESEARCH

Features of Youth Period: Age and Social Historical Context <i>E.Yu. Vasilevskaya, O.N. Molchanova</i>	52
---	----

DISCUSSIONS AND DISCOURSES

Psychological Concepts of Positive Alternatives to Human Estrangement <i>O.S. Lukash</i>	62
Color Universe: Michael Matyushin about an art and vision <i>V.M. Munipov</i> , <i>M.V. Munipov</i>	71

MEMORABLE DATES

Psychology of action. The contribution of the Kharkov school of psychology <i>V.P. Zinchenko</i>	92
---	----

<i>Our authors</i>	110
--------------------------	-----

PsyJournals.ru
портал психологических изданий

ЧИТАЙТЕ **ЖУРНАЛЫ**
по психологии online

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЭЛЕКТРОННЫЕ ВЕРСИИ
15 ЖУРНАЛОВ ПО ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКЕ**

- Для университетов, библиотек и научных центров
- Для индивидуальных читателей
- Для зарубежных читателей и организаций

Оформите подписку в редакции PsyJournals.ru:

Заявка на подписку: +7 (495) 608-16-27

Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru

Подробнее об условиях подписки: www.PsyJournals.ru

Издательство МГППУ
**МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ** | www.mgppu.ru

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «Социальная психология и общество» на 2013 год

Индекс (Агентство «Роспечать»): 22209 (полугодовой)
 Периодичность выхода: 4 номера в год (ежеквартально)
 Стоимость подписки на полугодие: 607 руб.
 Стоимость одного номера: 307 руб.

Подробная информация по подписке:

Телефон редакции: +7 (495) 632-95-44, (499) 256-39-26
 Email: spas2010@mgppu.ru
 Электронная версия журнала: www.PsyJournals.ru/socialpsy

Ф. СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал		22209 <small>(индекс издания)</small>									
	Социальная психология и общество <small>(наименование издания)</small>		Количество комплектов									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Куда <small>(почтовый индекс) (адрес)</small>											
	Кому <small>(фамилия, инициалы)</small>											
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА			на журнал	22209 <small>(индекс издания)</small>								
ПВ	место	ли-тер	Социальная психология и общество <small>(наименование издания)</small>									
Стои-мость	подписки пере-адресовки		Количество комплектов									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда <small>(почтовый индекс) (адрес)</small>												
Кому <small>(фамилия, инициалы)</small>												